

ДМИТРИЙ ОЛЬШАНСКИЙ

КРЕСТ, ОРЁЛ
И ПОЛУМЕСЯЦ

Обманчивый рай

12+

Дмитрий Ольшанский

**Крест, орел и полумесяц.
Обманчивый рай**

«Автор»

2022

Ольшанский Д.

Крест, орел и полумесяц. Обманчивый рай / Д. Ольшанский —
«Автор», 2022

Крестовый поход короля Владислава против турок закончился кровавым разгромом в битве при Варне. Тысячи христиан сложили свои головы на поле брани, в том числе и сам король. Вся Европа застыла в страхе перед непобедимым османским воинством, однако султан Мурад уже смертельно устал от государственных забот и неожиданно для придворных передает бразды правления своему сыну — Мехмеду. Неопытный и вспыльчивый юноша, мечтающий о славе Александра Македонского, собирается бросить все силы Османской империи на завоевание Константинополя, однако его планы неожиданно срываются из-за восстания янычар, которые замыслили невиданное — убийство молодого султана...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Рангави	8
Глава 3	17
Франдзис	17
Глава 4	24
Константин Грайтца (дневник)	24
Глава 5	31
Халиль-паша	31
Глава 6	38
Омар	38
Глава 7	49
Франдзис	49
Глава 8	56
Константин Грайтца (дневник)	56
Глава 9	69
Франдзис	69
Глава 10	80
Рангави	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Дмитрий Ольшанский

Крест, орел и полумесяц. Обманчивый рай

Глава 1

Что скрывает ночной Константинополь?

Хесам, словно тень, скользил по улицам спящего Константинополя. Он удостоился великой чести – первым из учеников лицезрел Верховного учителя, наследника истинного имама, который призвал его для исполнения своей воли. Для Хесама это задание стало первым, и в глубине души он испытывал легкое волнение, хотя фидаинам вроде него такие чувства непозволительны – он должен быть хладнокровен, как змея, быстр, как антилопа, и бесстрашен, как лев. Хорошо, что об этой его слабости не узнает никто, иначе пришлось бы навсегда позабыть о тех чудесных садах, про которые им часто рассказывали наставники.

Вечнозеленые рощи, где поют райские птицы, журчат ручьи и бьют фонтаны. Здесь выстроен золотой дворец, в котором танцуют и веселятся пышногрудые красавицы-гурии, что потворствуют любому желанию праведника. Запретное на земле вино тут течет в изобилии, а серебряные блюда ломаются от изысканных угощений.

Этот чудесный сад находится в тени сабель, ибо только тот, кто служит священному делу последнего имама, может вкушать все прелести запретного рая.

Но Хесам знал об этом месте не только из рассказов учителей. Однажды ему повезло и врата Аль-Джаннат¹ ненадолго раскрылись и для него, сына пастуха, что вырос в убогой, пропахшей навозом хижине.

Хесам невольно улыбнулся своим воспоминаниям. Целый день – от рассвета и до заката, он предавался невиданным наслаждениям, а когда наутро он очнулся в своей маленькой келье, то осознал: жизнь на земле – вот истинный ад. С тех самых пор он неустанно трудился, терпеливо переносил побои и окрики учителей, выполнял самую грязную работу, мечтая только о том, чтобы ворота запретного рая открылись для него снова.

Да, Хесам стал прилежным учеником, по правде сказать, одним из лучших. Старый Рахим не раз ставил его в пример остальным, и сегодня он докажет, что достоин столь высокой похвалы.

В конце концов, поручение казалось несложным: нужно лишь пробраться в покои греческого вельможи и оставить заранее приготовленное послание. Поначалу Хесам даже немного жалел, что ему поручили столь легкое дело, но он понимал – это очередная проверка его способностей и, справившись с заданием, он, несомненно, перейдет на следующую, более высокую ступень в братстве.

Его не зря обучали лучшие мастера со всего света. Изнурительные и порой весьма жесткие тренировки закалили тело, отточили реакцию, сделали сильнее и выносливее. Он обучился рукопашному бою, умел управляться со всевозможным оружием, впрочем, в его умелых руках любая неприметная вещь могла стать весьма действенным средством как нападения, так и защиты. Ловкости и бесшумной походке Хесама могли позавидовать кошки, вззирающие сейчас на него с окрестных крыш, познаниям в области медицины – многие блистательные целители, ну а во владении языками и диалектами он бы превзошел самых сведуших драгоманов².

¹ Джаннат – название рая в исламе.

² Драгоман (араб. targuman) – переводчик при европейских дипломатических миссиях и торговых представительствах на Востоке.

Помимо всех этих талантов, Хесам располагал достаточным временем для тщательной подготовки своей миссии.

Несколько недель он внимательно следил за своим «объектом», изучал его привычки, расписание дня, знал о том, с кем он общается и кого принимает у себя. Если бы понадобилось убить этого человека прямо сейчас, Хесам сделал бы это без труда и лишнего шума, но задание требовало особого мастерства: никто не должен был заметить фидаина, это было главным условием.

Миновав последний переулочек, юноша очень скоро добрался до нужного ему дома. Ловко взобравшись по стене, он проник в сад, где затаился в зарослях крыжовника. Кусты представляли собой надежное укрытие и позволяли наблюдать за всем, что происходит вокруг. Ни единого звука не доносилось до уха Хесама, а слабый свет полумесяца едва освещал белесые стены дома, куда лежал его путь.

Выждав еще немного, наемник покинул свое убежище и короткими перебежками достиг усадьбы. Пройдя вдоль нее, Хесам обнаружил небольшой выступ, но шаги за его спиной заставили фидаина прильнуть к стене и раствориться во мраке ночи. Какой-то человек прошел всего в шаге от него, беззаботно наблюдая за звездами и что-то бормоча себе под нос.

Хесам затаил дыхание, этот мужчина не должен его заметить, иначе все усилия напрасны! Однако незнакомец, похоже, был слишком поглощен своими мыслями и вскоре скрылся в глубине сада. Когда угроза миновала, фидаин встал на выступ и, цепляясь сильными пальцами за трещины и углубления, быстро вскарабкался по стене. Добравшись до вершины, он ухватился за парапет, подтянулся и спрыгнул на каменный пол балкона. Прислушался... В доме было тихо, лишь из сада доносился слабый шелест листвы. Юноша осторожно вышел в коридор и направился к интересующей его комнате. Ее расположение он успел изучить заранее и теперь, даже несмотря на кромешную тьму, без труда добрался до цели. Оказавшись перед дверью, ночной гость аккуратно потянул за ручку – петли оказались хорошо смазаны и не производили лишнего шума. Хесам проник в темное помещение и прикрыл за собой дверь. Ставни здесь были плотно затворены, и в сгустившемся мраке он с трудом различал окружающие его предметы. Когда глаза немного привыкли к темноте, Хесам направился к большому письменному столу. Достав запечатанное послание, он аккуратно положил его рядом с другими бумагами и уже собирался уходить, когда услышал тихий, шелестящий голос позади себя:

– Я ждал, что ты придешь.

По телу Хесама пробежала дрожь, но не от страха, а от стыда и злости. Его заметили! Как такое возможно, ведь он предпринял все меры предосторожности! Хесам медленно обернулся и посмотрел в дальний угол комнаты, откуда раздался голос. В этот момент слабый свет огня прорезал тьму, так что можно было разглядеть лицо мужчины. Да, это был он, тот, для кого и предназначалось послание.

– Быть может, нам стоит поговорить? – предложил хозяин дома. – У меня к тебе много вопросов...

«Его нельзя оставлять в живых», – лихорадочно пронеслось в голове у Хесама. Выхватив кинжал, он резким движением метнул его в сидящего человека. Джамбия³ с глухим стуком вонзилась во что-то твердое.

– Неплохо, – голос во тьме прозвучал все так же спокойно. – Я знал, что буду иметь дело не с обычным посланником, а с хорошо обученным головорезом. И успел подготовиться к встрече.

Едва он договорил, как вся комната наполнилась движением. Хесам почувствовал, тяжелую руку на своем плече, а в следующую секунду кто-то попытался набросить на него тугую веревку. Но он не зря столько лет обучался своему ремеслу, и его натренированное тело отреа-

³ Джамбия – тип восточного кинжала с широким загнутым лезвием.

гировало моментально. Сбросив с себя путы, фидаин схватил первого нападавшего за запястье и одним движением выкрутив ему руку, перекувырнулся через врага, уловил слабый блеск меча и в последнюю секунду ушел от нацеленного в голову удара. Выскочивший из тьмы громила получил удар в челюсть, другой – откатился в угол комнаты, скуля и зажимая кровоточащую рану на бедре. Однако помещение было слишком тесным, а противников слишком много, чтобы сладить со всеми разом. Хесам решил пробиваться к выходу, но не заметил в темноте упавший табурет и, оступившись, потерял равновесие. Тут же на него налетели трое соперников и крепко прижали к полу, не позволяя фидаину сделать ни единого движения. Хесам рычал и извивался в бессильной злобе, но сделать ничего уже не мог.

В этот момент к нему приблизился мужчина. Слабые всполохи свечи, которую он держал в руке, выхватывали отдельные его черты – уже не молодой, но и далеко не старый, темные волосы на голове и бороде едва тронуты сединой. Что касается лица, то оно было до крайности неприметно. Обращал на себя внимание лишь холодный и цепкий взгляд голубых глаз, который, казалось, проникал в самую душу.

– Учат вас и вправду отменно, – произнес человек. – Мне приходилось слышать об орденах хашишинов на Востоке, но с тех пор прошло столько лет... я думал с вами уже давно покончено.

Хесам не отвечал, а лишь угрюмо уставился перед собой.

– Знаю, что разговорить тебя будет непросто, – продолжал свою речь хозяин дома. – Но ничего, у нас впереди еще много времени...

– Не так много, как ты думаешь, – вдруг усмехнулся Хесам, вскидывая голову.

Около секунды человек смотрел на связанного посланника, затем его глаза расширились от осознания, и он крикнул своим людям:

– Скорее! Вставляйте кляп!

Но было уже поздно. Хесам раскусил ампулу, и яд быстро делал свое дело. Смерть – лучший выход для него, он провалил задание, пусть так, но зато теперь его душа отправится напрямиком в райские сады, о которых им не раз рассказывал учитель и где однажды ему повезло очутиться самому...

Глава 2

Рангави Фивы

Calamitas virtutis occasio.

(Бедствие – пробный камень доблести.)

Сенека

Рангави вошел в большой просторный зал, который освещался десятком факелов вдоль стен. Неровное, подергивающееся от сквозняка пламя наполняло комнату причудливыми бликами. В глубине этого помещения на высоком троне восседал Константин Палеолог, деспот Мореи, а перед ним – опустив голову, словно провинившийся ребенок, стоял герцог Афин Нерио Аччайоли. Рангави быстрым шагом пересек залу, и, даже не взглянув на герцога, подошел к трону и протянул Палеологу измятый лист бумаги. Деспот быстро пробежался по нему глазами.

– Вот, значит, как, – произнес деспот, поднимая глаза на потупившегося Нерио. – Решил запросить у султана помощи против меня? Достоин ли это христианского владыки: использовать магометанские сабли против своих же братьев по вере?

– У меня не было иного выбора, – мрачно произнес герцог. – Султан уже выслал сюда свои войска, а я не хочу, чтобы мое княжество погибло. Это не моя война.

– Турки не пощадят и твои города! – гневно воскликнул Константин Палеолог. – Только в союзе со мной у тебя есть шанс сохранить власть над ними.

– Как я могу доверять тебе? – резко вскинул голову Нерио. – Ведь однажды ты уже лишил меня всего, что я имел. Мне пришлось бежать из страны, и только благодаря поддержке султана я смог вернуть себе свой трон!

Деспот хмуро взглянул на собеседника.

– Ты не понимаешь, – вздохнул он. – Война, которая сейчас идет, гораздо важнее наших с тобой разногласий. Это схватка за будущее всего христианского мира! Король Владислав сражается в Болгарии, Скандербег борется за независимость Албании, я отвоевал у турок Пелопоннес. Сейчас самое время объединиться, сплотить силы против общей угрозы, но ты ставишь свои интересы выше этого и тем самым создаешь опасность не только для меня, но и для всех, кто сражается против мусульман.

Константин Палеолог поднялся, звеня кольчугой.

– Я не могу этого допустить, – громовым голосом произнес деспот. Подойдя вплотную к герцогу, он объявил: – Отныне ты станешь моим вассалом, твои войска будут выполнять мои приказы, а в городах я назначу своих архонтов. Можешь оставить себе свой дворец, и свое имущество, но власти над страной у тебя больше нет! На этом все, ступай!

Несколько секунд Нерио колебался, возможно, желая что-то возразить, но, мельком заглянув в суровые глаза Константина Палеолога, поспешил выйти из зала.

– Что же это за человек? – с грустью промолвил деспот, обращаясь к Рангави. – Совсем недавно я уж было поверил, что он изменился, стал нашим другом, но он продолжает злоумышлять, как и прежде.

– Лиса меняет шкуру, но не нрав⁴, – отозвался Рангави. – Тебе следует всегда об этом помнить. Однако решение было верным. Если вырвать жало у осы, она больше не опасна, а ты лишил его всего, что могло бы нам угрожать.

– Нерио не оставит попыток вернуть себе трон, – задумчиво произнес Константин Палеолог. – Если султан окажется под стенами Фив, его рыцари сдадут столицу без боя, то же самое будет и в Афинах, и в других городах, где заправляют латиняне.

– Рыцари, быть может, и сложат оружие, – сказал Рангави, – но не забывай, что есть еще простой народ, которому не по вкусу ни власть султанов, ни власть латинских князей. Они будут сражаться за тебя!

– Я не хочу напрасных жертв, – покачал головой Константин Палеолог. – Эти люди – земледельцы, торговцы, ремесленники. Война совсем не их дело.

– Когда в дом приходит враг, война становится делом каждого, – возразил Рангави. – Ты недооцениваешь своих подданных, деспот. Поверь, эти простые с виду люди способны на великие подвиги, и если все они возьмутся за оружие, тогда ни туркам, ни латинянам нас не одолеть.

– Надеюсь, что до этого не дойдет, – задумчиво ответил Константин Палеолог, обернувшись на позолоченный трон латинского герцога. – Однако рано или поздно султан ответит на брошенный ему вызов, и к этому нужно подготовиться. Я должен проследить за укреплением Гексамиллиона, а ты возьми своих бравых молодцов и отправляйся в Афины. Нужно подготовить почву для дальнейшего наступления.

Рангави помолчал несколько секунд, а затем произнес:

– Позволь мне задержаться здесь еще хотя бы на пару дней.

– Разумеется, – живо отозвался Константин Палеолог. – Ведь Фивы – твой родной город.

– Когда-то он действительно им был, – задумчиво проронил Рангави. – Но мою хижину давно отобрали, а отца сгноили в темнице. С тех самых пор я скитаюсь по свету, словно одинокий волк, отбившийся от стаи.

– Твоим скитаниям пришел конец, – решительно произнес деспот, опуская руку на плечо воина. – Иди проведай своих родных, если они еще живы. Появятся просьбы – обращай ко мне, отныне все здесь будет вершиться по справедливости.

Рангави коротко кивнул и растворился в темноте зала.

* * *

«Все осталось точно таким же, как и тогда», – подумал Рангави, осматриваясь по сторонам длинной, густо заросшей деревьями улицы. Его душа наполнилась невыразимой тоской, а к горлу подступил комок. Подгоняемый воспоминаниями, он направился вдоль каменного забора и без труда нашел низкую деревянную калитку, которая когда-то вела к его старой хижине. Из-за ограды, как и много лет назад, к аллее спускались вьющиеся лозы дикого винограда, только листва его стала еще гуще, а стебли ползли уже по самой земле. Рангави вскинул руку, чтобы постучать, но что-то остановило его.

«И зачем я это делаю? – подумал он. – Там уже давно живут другие люди, и вряд ли они вспомнят меня. А если и вспомнят, то какой в этом толк?» В последний раз взглянув на родное жилище, воин пошел дальше, стараясь не думать о прошлом.

Вскоре он вышел на широкую и оживленную площадь в самом центре Фив. Здесь повсюду шла бойкая торговля: крестьяне продавали свежие овощи и зерно, рыбаки – утренний улов, многочисленные мастерские выставляли на продажу глиняную посуду, одежду, ювелирные украшения. На самом проходном и удобном месте располагались ряды торговцев шелком –

⁴ В оригинале: *Vulpes pilum mutat, non mores* (Светоний).

именно за этим товаром выстраивались очереди из местных дворян и иностранных купцов, ибо только у фиванских мастеров получалось делать атласные ткани невиданной легкости, так что многие короли и императоры были готовы заплатить высокую цену за обладание подобным сокровищем.

Чуть поодаль от прочих, у полуразрушенной стены располагалось несколько кузниц, откуда доносился лязг железа и звон кувалд. Рангави улыбнулся – все здесь оставалось именно таким, как во времена его отца.

Многие жители Фив и теперь вспоминали могучего кузнеца Никифора, ведь никто лучше него не умел обращаться с раскаленным докрасна металлом. Из-под тяжелого молота выходили сошники, косы, замки, кресала, поясные кольца, шпоры, всевозможные доспехи и оружие. С бедняков за свою работу Никифор брал символическую плату, а вот богатым купцам и архонтам приходилось раскошелиться, хотя и от них не было отбоя, так что стук кузнечного молота не стихал порой до самой глубокой ночи.

Однажды к нему в мастерскую пожаловал латинский князь, предложив хорошую плату, если Никифор согласится изготовить доспехи для его рыцарей.

– Для чего вам мои доспехи? – усмеялся кузнец, отирая пот со лба. – Вы же, кроме безоружных крестьян, ни с кем и не воюете!

– Ты с кем говоришь, собака! – рявкнул кто-то из свиты князя. – Перед тобой владыка этого города и окрестных земель.

– А хоть бы и так, – продолжая работу, ответил Никифор. – О его деяниях я хорошо слышал и ковать рабские ошейники да цепи для своих земляков не желаю.

Дерзкие слова кузнеца разозлили князя. В тот же день он приказал своим рыцарям снести кузницу, а самого Никифора бросить в самую глубокую яму. Прознав об этом, другие мастера возмутились не на шутку и все как один встали на защиту собрата.

– Вы к нам лучше не лезьте! – кричали они, поигрывая увесистыми кувалдами. – Не то бока вам так намнем, что еще не скоро опомнитесь!

Рыцари не стали испытывать судьбу и отступили. Тогда князь задумал хитрость.

Как-то раз, поздним вечером, в дом Никифора постучал незнакомец. Он уверял, что спешит по важному поручению, но его лошадь сломала подкову и не может двигаться дальше. Коваль решил помочь бедолаге и вместе с ним направился в кузню. Однако в одном из переулков его уже поджидали головорезы с дубинами и веревками. Они вылетели из темноты разом со всех сторон, стараясь оглушить Никифора и набросить на него тугие арканы. Кузнец яростно отбивался, опрокидывая противников наземь и проламывая им головы своими пудовыми кулаками. Понимая, что иначе совладать с разбушевавшимся великаном не получится, один из нападавших выхватил арбалет, и два стальных болта угодили в плечо и бедро Никифора. Лишь тогда удалось, наконец, связать ему руки.

Строптивного кузнеца доставили прямо в замок к князю. Раны его оказались не смертельны, однако правитель строго запретил лекарям приближаться к кузнецу до тех пор, пока тот не согласится служить у него. Но Никифор повторял вновь и вновь:

– Не стану я служить тебе.

Разозленный таким упрямством, князь приказал бросить раненого в темницу и держать его там без воды и пищи до тех пор, пока он не образумится.

На следующее утро жители города узнали о случившемся. С возмущением бросились они в замок, повсюду избивая латинских рыцарей. Испугавшись народного гнева, князь хотел было отпустить несговорчивого кузнеца, но один из баронов посоветовал призвать на помощь епископа Афинской диоцезии⁵, который давно был известен своим изрядным рвением в деле

⁵ Диоцезия (лат. *diocesis* – управление) – церковно-административная территориальная единица в католической церкви, во главе которой стоит епископ или архиепископ.

насаждения латинских порядков и католической веры. Получив весть о народных волнениях, епископ быстро собрал войска и двинулся на город. Восстание жестоко подавили, многих бросили в тюрьмы, других пытали, третьих, в назидание остальным, живьем сожгли на кострах как еретиков и схизматиков.

Крови пролилось так много, что все быстро позабыли о Никифоре, который по-прежнему томился в подземелье. Позабыл о нем и сам князь, а когда хватился, было уже поздно – кузнец умер от ран.

Бессильный теперь что-либо сделать с непокорным ковалем, князь решил выместить свой гнев на его семье, изъяв в пользу казны их дом и все имущество. Оказавшись на улице, без кормильца и средств к существованию, семья Никифора: жена и двое маленьких детей, поселились у Петра, старого друга погибшего кузнеца.

Его-то и искал сейчас Рангави, желая отблагодарить за кров и пищу, которую он и его семья получали в течение многих лет, пока дети не подросли и не покинули Фивы.

Старая, хорошо знакомая кузница осталась на своем месте. Полуголые, вспотевшие подмастерья сновали туда-сюда с ведрами, наполненными водой. Другие стояли возле мехов, раздувая в горнах угли, остальные трудились около наковален, выбивая искры из раскаленных докрасна железных полос.

Рангави осмотрелся. Возле одного из мехов, нещадно браня своих помощников, стоял широкоплечий кузнец. Его всклокоченная рыжая с проседью борода спускалась на могучую грудь, на голове же, наоборот – не осталось ни единого волоска.

– Как поживаешь, Петр? – громко крикнул Рангави. – Вижу, годы обходят тебя стороной!

Кузнец вздрогнул от неожиданности и недобро уставился на посетителя. Только приглядевшись и узнав в госте своего давнего воспитанника, он, наконец, просветлел.

– А, стервец! Вернулся-таки домой! – воскликнул Петр и, проковыляв через кузню на своих коротких ногах, заключил Рангави в стальные объятия.

– Смотрю, сила в тебе все та же, – улыбнулся воин, не без труда высвобождаясь из железной хватки.

– Да и ты, поди, окреп, – сказал Петр, оглядывая собеседника с головы до ног. – Вон каким богатырем сделался. Эх, видел бы тебя сейчас твой отец.

Лицо кузнеца погрузстнело, было видно, что в смерти Никифора он до сих пор винит только себя...

– Не будем о прошлом, – предложил Рангави, оглядывая людную площадь. – Лучше скажи, как тут у вас дела идут?

– Мне не на что жаловаться, – пожал плечами Петр. – Кузница моя процветает как никогда. Вот война началась, и нам работы прибавилось.

– А латиняне не притесняют?

– Куда им! Их самих, не ровен час, отсюда турки погонят. Казна опустела, солдатам платить нечем, с населения пытаются содрать последнее, ну а где сейчас по-другому? Всюду господа простых людей притесняют.

– А что говорят о Константине Палеологе? Я слышал, он справедлив к своим подданным и к тому же беззаветно храбр.

– О его храбрости известно многим, – кивнул кузнец. – Но знаешь, перемены, которые он задумал, не принесут нам добра.

– Но ведь люди недовольны существующим порядком! – возразил ему Рангави, на что Петр лишь усмехнулся.

– Порядок на то и порядок. Он либо есть, либо его нет.

Рангави пристально посмотрел на человека, который столько лет воспитывал его в ненависти к латинянам и царящей вокруг несправедливости.

– Я вижу, что долгие годы спокойствия подточили твою волю и омрачили взор, – горько промолвил воин. – Народ Фив забыл, что такое свобода, забыл, что он единственный господин и хозяин на этой земле. Что эти дома, замки, дворцы и пашни, строили и возделывали их предки! Неужели вы не готовы вернуть себе то, что ваше по праву?

Петр стыдливо опустил глаза.

– Конечно, ты прав, – примирительно сказал он. – Но вспомни, что случилось с твоим отцом! Вспомни, сколько детей остались сиротами, когда их родителей живьем приколачивали к крестам. Почему ты думаешь, что ненависть должна заменить нам разум? Разве мы, в конце концов, не заслужили право на спокойную жизнь!

– Это рабская жизнь, Петр! – воскликнул Рангави. – Когда-то и ты сам это понимал. Когда моего отца бросили в темницу, ты первым кинулся ему на выручку. А что с тобой стало теперь? Руки твои по-прежнему полны сил, но дух ослаб, пропал и огонь в глазах. Я не узнаю тебя!

Кузнец положит свою тяжелую руку на плечо воина.

– Ты правильно сделал, что уехал отсюда, Рангави. Благодаря этому дух твой тверд, как и прежде. Помнишь, как говорил Никифор: «Раб не тот, кто в оковах...»

– «... а кто соглашается быть рабом!» – воин закончил выученную с детства фразу. – Именно поэтому я пришел к тебе. Мне нужна помощь в одном деле.

– Излагай, – кивнул кузнец, радуясь, что этот тяжелый разговор остался позади.

Рангави шепнул ему что-то на ухо. Петр заулыбался, поздравил мальчишку-подмастерья и отдал тому нужные распоряжения.

– Что же ты задумал? – ухмыльнулся кузнец сквозь свою медную бороду.

– Скоро увидишь.

Через несколько часов сотни зевак столпились у небольшого помоста, на котором стоял коренастый воин, облаченный в бригантину из металлических полос. Мужчина молчал, окидывая собравшихся внимательным взором, и его освещенное внутренней силой лицо всем показалось знакомым.

– Эй вы, жители и ремесленники славных Фив! – крикнул воин так, чтобы его голос был хорошо услышан всеми. – Узнаете ли вы меня?

– Как же не узнать? – отозвался какой-то старик из толпы. – Ты – один из сыновей Никифора-кузнеца.

– Правильно говоришь, Василий, – кивнул Рангави, улыбнувшись своему старому знакомцу. – Он самый!

В толпе зашумели – все были рады возвращению земляка.

– А хорошо ли вы помните моего отца и то, какую смерть он принял от латинян? – вновь возвысив голос, обратился к людям Рангави.

– Помним! Хорошо помним! – закричали горожане. – В тот день много наших полегло. Прокопия убили! И Евстафия моего! И Исаака-плотника! И Тимофея!

Народ загудел, давая волю нахлынувшим чувствам, которые копились все эти долгие годы.

– Потому-то я и созвал вас всех сюда, – вновь заговорил Рангави, когда шум немного поутих. – Я знаю, что вы устали от несправедливости и вероломства ваших хозяев. Устали от бесконечных поборов и насилия, которые чинят те, кто выше и сильнее вас. Я знаю это, потому что сам был когда-то унижен и втоптан в грязь!

Люди безмолвно внимали речам воина. Таким простым и понятным, но вместе с тем попадающим точно в цель, разящим как отточенная сталь.

– Но времена изменились! Я перековал оковы на меч, и теперь мне нужны люди дела! Люди, готовые защищать себя, свой дом и свое будущее. Обещаю, что поведу вас дорогой побед и с вашей помощью навсегда очищу эту землю от подлых латинян и их османских хозяев!

Многие встретили слова Рангави восторженным гулом, но некоторые горожане, из тех, кто был постарше, остались стоять молча, хмуро глядя перед собой.

– Знаем мы, чем заканчиваются подобные речи, – говорили они. – Всех нас перевешают или побросают в каменные мешки, откуда никто еще не выходил живым.

Услышав такие разговоры, Рангави резко обернулся:

– Смерть рано или поздно постучится в дверь к каждому из вас, так не лучше ли умереть за правое дело, чем жить в вечном страхе и унижении?

– А зачем нам служить Палеологам? – слышался голос из толпы. – Чем твой господин лучше тех, прежних?

Рангави знал человека, задавшего этот вопрос. Он часто видел его в окружении афинского герцога и сбить себя с толку не позволил.

– Я не предлагаю вам служить императору Константинополя, но прошу послужить на благо всего греческого народа.

Еще раз окинув взглядом собравшихся людей, Рангави крикнул:

– Все, кто желает вступить в мой отряд, выходи сюда!

Некоторое время все оставались на местах, переглядываясь и перешептываясь друг с другом. Наконец, из задних рядов на помост взобрался молодой румяный паренек лет четырнадцати.

– Я пойду с тобой! – радостно заявил он.

– Андрейка, куда тебе воевать? – неожиданно крикнул Петр, узнав в юноше своего подмастерья. – Мал ты еще для этого.

– Оружием всяким владеть я обучен, а то, что опыта нет – так это не страшно, – отмахнулся парень. – Правда ведь?

– Такого молодца как не обучить, – улыбнулся Рангави, хлопая мальчика по плечу. – А ты что скажешь? Петр?

Кузнец махнул рукой.

– Делай как знаешь. Такого хорошего помощника забираешь.

После этого на помост стали подниматься и остальные. Вначале неуверенно, но с каждым разом все смелее один за другим новобранцы выстраивались в ряд позади Рангави. Очень скоро здесь столпилось около трех десятков добровольцев разных возрастов и профессий – все они с нетерпением ждали, что будет дальше.

Рангави посмотрел на своих будущих бойцов и одобрительно кивнул.

– Ступайте ко дворцу герцога, – обратился он к ним. – Скажите, что пришли от меня. Вас пропустят и выдадут все необходимое. Я буду позже.

Мужчины в окружении галдящей толпы направились в сторону замка. А Рангави вновь остался наедине с Петром.

– Не ожидал, что твои слова найдут такой отклик, – почесав бороду, изрек кузнец. – Но за Андрея я тебя не поблагодарю. Славный и толковый парень, мог в будущем прекрасным ковалем стать.

– За него не переживай. Вернется домой настоящим героем.

– А вернется ли? – кузнец устремил свой взор вслед удаляющейся толпе.

Рангави вздохнул.

– Мы идем на войну, и на этом пути смерть будет неотступно следовать за нами, – честно признался он.

– Так я и думал, – понурив голову, произнес Петр.

Мягкий женский голос прозвенел позади, заставив собеседников обернуться.

– Я принесла тебе обед, отец, – голос принадлежал молодой красивой девушке с загорелым лицом, большими, выразительными глазами и волнистыми каштановыми волосами, которые волнами спадали на хрупкие плечи.

Она аккуратно поставила глиняный сосуд и деревянную чашу, накрытую белым полотенцем, на узкий столик, где кузнец обычно демонстрировал свой товар покупателям.

– Спасибо, Анна, – поблагодарил Петр. – Смотри, какой у нас сегодня гость. Помнишь Рангави? Вы ведь росли вместе.

Взгляд девушки упал на стоящего рядом с кузнецом воина. Она с интересом рассматривала его одежду и лицо. Сделав несколько шагов вперед и не решаясь подойти ближе, девушка прошептала:

– Рада, что ты вернулся. Сколько лет прошло с нашей последней встречи? – лицо девушки вдруг зарделось, и она опустила глаза. Рангави смело подошел к ней и, коснувшись подбородка, заглянул в темно-коричневые глаза своей давней знакомой.

– Я помню тебя еще совсем девчонкой, – улыбнулся он, а затем обратился к Петру. – Ты счастливый человек! Твоя дочь выросла настоящей красавицей, впору искать ей жениха.

– Рано еще, – отмахнулся коваль. – Пусть уму-разуму наберется, а там видно будет.

– У такого отца не забалуешь, – рассмеялся Рангави, поворачиваясь к Анне. – Так, наверное, в девках и останешься, если будешь его слушать.

– Я сама замуж не хочу, – гордо вскинув голову, произнесла девушка. – Мне и у отца неплохо живется.

– Придет время – захочешь, – усмехнулся Петр. – А я уже тебе подходящую кандидатуру подыщу.

Девушка фыркнула и отвернулась.

– Что ж, был рад повидать тебя, Петр, – сказал Рангави, обнимая кузнеца за широкие плечи. – Перед отъездом еще загляну к тебе.

– Уже уезжаешь? – с грустной ноткой в голосе осведомился Петр. – И далеко?

– В Афины.

– Но там же до сих пор заправляют латиняне, – покачал головой кузнец. – Тебя повесят на первом же суку!

– Это сделать непросто, – улыбнулся Рангави. – Многие уже пытались.

Анна все это время не сводила любопытных глаз с отцовского воспитанника. Смело шагнув вперед, она заглянула в лицо Рангави.

– Я слышала рассказы о тебе на улицах, – сказала Анна. – Но не верила, что это правда.

– И правильно делала, – улыбнулся Рангави. – Люди любят создавать героев из песка и пыли.

– Но ты и есть герой! Все восхищаются тобой, и я тоже!.. – девушка вдруг запнулась. – То есть... я хотела сказать, что людям нужны герои, на которых они могли бы равняться.

– Каждый человек хорош в своем деле, – пожал плечами воин. – Возможно, я хорош в своем, но не более того.

Их глаза встретились и тут, впервые в жизни, Рангави почувствовал, как его охватывает жар. Анна была красива, но разве только это могло заставить бравого воина потерять присутствие духа? Нет, он и прежде знал женщин, но все эти мимолетные увлечения были лишь данью природе, древним ритуалом, необходимым для здоровья и поддержания сил, ибо Рангави слишком ценил свою свободу и презирал любую зависимость, которая делает человека слабым. И вот теперь, глядя на Анну, он вдруг отчетливо осознал, что женщины по-прежнему остаются для него непостижимой тайной и что он, подобно прочим мужчинам, абсолютно безоружен перед их чарами.

Неловкое молчание затягивалось, Петр уже стал подозрительно поглядывать на своего друга, когда Анна решила нарушить тишину.

– Я, пожалуй, пойду отец. Быть может, Рангави проводит меня до дома, а заодно расскажет о своих странствиях. Мне очень интересно было бы его послушать.

– Ну не знаю, дочка, – с сомнением в голосе протянул старый кузнец. – У него есть важное поручение от деспота, не думаю, что вам будет по пути...

– Нет! – неожиданно для себя оборвал кузнеца Рангави. – Мне как раз в ту сторону.

Коваль еще более недоверчиво покосился на воина, потом перевел взгляд на Анну и махнул рукой.

– Что ж, решай сам. – Петр переваливаясь направился в кузницу и оттуда уже крикнул: – Будут нужны мечи, копья или доспехи обращайся. Для тебя отдам все в полцены.

– А я уже надеялся, что для старого друга у тебя все бесплатно! – рассмеялся Рангави и они с Анной направились по каменной дороге, ведущей на окраину города.

– Мой отец говорит, что за все в этой жизни надо платить – скромно улыбнувшись, сказала девушка.

– Это логика торговцев.

– Нет, это логика самой жизни, – возразила Анна. – У всего есть своя цена и, лишь отдавая, мы рассчитываем что-нибудь получить взамен.

– А кто определяет эту цену? – спросил Рангави, наблюдая за реакцией Анны. Девушка не торопилась с ответом и внимательно наблюдала за воином, ожидая, что он пояснит свои слова. Тогда Рангави продолжил:

– На своем пути я слышал и видел достаточно, чтобы понять: в этом мире сильный всегда забирает у слабого, а богатый всегда платит меньше, чем бедняк. Эта несправедливость не имеет ни начала, ни конца, ибо она существовала со дня сотворения мира и установлена властью людей. Однако есть еще и власть Господа, для которого не существует ни чинов, ни сословий, а люди равны и обязаны заплатить одну и ту же цену. Когда придет их срок.

– Ты говоришь о смерти? – спросила Анна так непринужденно, что Рангави показалось, будто на свете не существует вещей, способных смутить эту своенравную особу.

– Я говорю о единственной справедливости в этом мире, – кивнул воин. – Все остальное – лишь иллюзия.

Анна некоторое время размышляла над сказанными словами.

– Так значит, ты философ с мечом? – лукаво взглянув на воина, произнесла она.

– Что ж, пусть так. – Рангави почесал рассеченную старым шрамом бровь. – Ведь меч всегда разит вернее слова. Уж поверь моему опыту.

– Но я все еще жду рассказа о своих странствиях и подвигах, – напомнила Анна. – В городе об этом говорят на каждом углу.

– Я знаю, – улыбнулся Рангави. – Клянусь, наслушавшись этих рассказов, я много раз пожалел о том, что прожил такую скучную жизнь, ибо в словах бродячих певцов столько же правды, сколько серебра в монетах, отчеканенных латинским князем.

Девушка залилась звонким смехом, и они направились дальше, живо обсуждая настоящее и с теплотой вспоминая прошлое. Несколько раз пара проходила мимо небольшого домика, в котором жила Анна, но расставаться им не хотелось и лишь когда на город стали опускаться сумерки, девушка поспешила домой.

Рангави чувствовал себя абсолютно счастливым человеком. Он брел по темным улицам города практически не разбирая дороги. Мысли его были далеко – он продолжал думать об Анне. Перед ним вновь сияли ее глаза и улыбка, он вспоминал ее голос, словно наяву слышал звонкий переливчатый смех. Этот образ все не выходил у него из головы, но очарованный этим прекрасным видением, Рангави чуть было не угодил в ловко расставленную ловушку.

Притупленные чувства упустили опасность, и лишь отточенная годами реакция помогла избежать смертельного удара в спину. Вражеский клинок лишь скользнул по доспехам, не причиняя особого вреда. Зато Рангави ударил наверняка. В мгновение ока, выхватив из-за пояса миниатюрный кистень, он со всего размаху засадил его в висок незадачливому убийце. Сраженный металлической гирей, противник упал на землю, он был еще жив, но разбираться с

ним времени не было – из темноты выступили четыре фигуры, все были облачены в плащи, под которыми при слабом свете луны блеснула сталь доспехов.

Рангави оглянулся на лежащего в беспомощности врага, убедился, что тот не представляет никакой опасности и спокойно повернулся к своим новым противникам.

– Друзья! – приветственно воскликнул Рангави, машинально отбрасывая кистень в сторону. – Как же так? Что же это вы нарушаете введенный деспотом Константином Палеологом запрет на ношение оружия в городе?

– А ты, пес, даже перед смертью не бросишь служить своему хозяину? – произнес чей-то хриплый голос.

– Пес служит своему хозяину верно и преданно до самого конца, а вот шакалы подобным поведением не отличаются. Они трусливы и любят сбиваться в стаи. – Рангави извлек из ножен парамерион. Холодная сталь клинка блеснула в слабом свете полумесяца. – Вот вроде вас.

Убийцы переглянулись и стали медленно наступать. Все одновременно. Рангави же стоял неподвижно, спокойно взирая на приближающихся противников и разминая плечи. Когда расстояние сократилось всего до нескольких шагов, он спросил:

– Вам уже доводилось слышать обо мне?

– Да, – коротко ответил один из убийц с усеянным оспинами лицом.

– И отступить вы, конечно, не намерены?

Кто-то издал ехидный смешок.

– Ну что ж, – Рангави полной грудью втянул ночной воздух и шагнул навстречу врагам. – Начнем.

* * *

– Порядок в Фивах оставляет желать лучшего, – проговорил Николай Склир, упитанный, седовласый вельможа, совсем недавно назначенный новым архонтом города. – Вчера, в одном из переулков, нашли пять трупов. Один из них, с проломленной головой был еще жив, но очень скоро и он скончался, так и не придя в сознание.

– Кто они? – спросил Константин Палеолог, устало откидываясь на спинку трона. Трона, который когда-то принадлежал латинскому герцогу Нерию и который он с радостью променял бы на походное седло.

– Пока сложно сказать... Убитые явно не из местных. Но оружие, которое нашли при них, несомненно, получено из оружейных герцога.

– С этим надо разобраться, – вздохнул Константин Палеолог. – После отстранения Нерия от власти доступ к оружию имеют лишь мои люди.

– Расследование будет проведено в кратчайшие сроки, – кивнул головой Склир.

– Поторопись. Через несколько дней я покидаю Фивы, – деспот провел ладонью по коротко стриженной бороде. – Есть предположения, кто мог расправиться с ними?

– Пока лишь догадки, но, судя по всему, это сделал один-единственный человек...

– Рангави... – задумчиво протянул деспот, – но почему он не доложил об этом происшествии?

Склир хитро усмехнулся.

– Вероятно, не успел. По вашему приказу он собирает отряд для отправки в Афины. Кроме того... уже несколько раз он навещался в дом одного кузнеца. У того есть прекрасная дочь, и ходят слухи, что...

– Оставь это. – Константин Палеолог отмахнулся от архонта. – Подобные слухи меня не интересуют. Ты знаешь, что надвигаются тяжелые времена. Времена ужаса и скорби. Так пусть люди спешат любить, пока это в их власти, ибо пройдет час, когда лишь светлые воспоминания будут согревать наши сердца.

Глава 3

Францис Осень 1444 года Константинополь

Рано утром государь вызвал меня к себе, и я уж было решил, что причина тому – ночное происшествие в моем доме. Но все оказалось не так.

– Входи, Георгий, – устало проговорил император. Минувшей ночью ему, похоже, также не удалось уснуть. – Я получил печальные новости с Запада.

– Крестоносцы потерпели поражение под Варной. Вы ведь это хотели сказать?

Император удивленно поднял брови.

– Откуда ты знаешь? Я получил эту информацию только что. Один из моих соглядатаев служил у Владислава и первым же делом сообщил мне!

– Видимо, не только ваши люди служат у правителя Венгрии и султана Мурада. Этой ночью ко мне снова навевался гость.

С этими словами я передал императору полученное письмо. Иоанн с интересом ознакомился с его содержанием и спросил:

– Посланник снова ушел незамеченным?

– На этот раз нет. Мне удалось подстроить ловушку, и он уже был в моих руках, но... – Я откашлялся. – К сожалению, он успел покончить с собой.

Иоанн угрюмо покачал головой.

– Это была наша единственная надежда, – сказал он с легким упреком в голосе.

– Да, но и мертвец может рассказать много интересного.

Императора сделал знак, разрешая продолжить.

– Есть основание полагать, – пояснил я, – что мой ночной гость принадлежит к какому-то тайному религиозному братству. Например, ордену низаритов.

– Низариты? – Иоанн не поверил своим ушам. – Братство фанатиков-убийц. Но их давно не существует!

– Я тоже так думал. Ведь после падения Аламута⁶ об ордене ничего не было слышно. «Горные старцы» два столетия не тревожили покой владык этого мира, но, по-видимому, кто-то решил восстановить это братство или создать его некое подобие.

– Предположим, что это так. – Император потер вспотевшие руки, – Но чего они добиваются?

– Об этом можно только догадываться, – ответил я. – До сих пор они помогали нам. Но тогда зачем такая скрытность?

– Разберись с этим, Георгий, – потребовал император. – Я, как всегда, полагаюсь на твой ум и упорство. Однако у нас есть и другие заботы: армия Владислава разбита, а о судьбе самого короля ничего не известно. Крестовый поход провалился и вряд ли у государств Запада достанет сил собрать новое войско. Нужно предупредить моего брата. Теперь Константин остался с султаном один на один и в этой борьбе ему не победить.

⁶ Аламут – горная крепость на территории современного Ирана. Являлась главной резиденцией Хасан ибн Саббаха – основателя государства исмаилитов-низаритов (шиитская ветвь ислама), которые прославились тактикой индивидуального террора.

– Едва ли он откажется от своих планов, – покачал я головой. – Он одержал слишком много побед, чтобы теперь отступить.

– Он должен сделать это! – Император вскочил с трона. – Иначе его ждет смерть! А вместе с ним Мурад уничтожит и весь Морейский деспотат!

С минуту лицо Иоанна пылало гневом вперемишку со страхом, но затем он снова медленно опустился на трон и закрыл лицо руками.

– Я устал, Георгий, – сказал он. – После смерти Марка не осталось никого, кто подсказал бы, посоветовал, что нужно делать. Все мои начинания идут прахом, и я не в силах изменить печальную участь империи. Ах, если бы отец был сейчас рядом! У него всегда были ответы на любые вопросы.

– Покойный император был мудрым человеком, – согласился я. – И разве мог он ошибаться на ваш счет, если сделал своим соправителем?

Иоанн горько усмехнулся, но я заметил, что мои слова укрепили его дух.

– А знаешь, ведь Мануил любил тебя как сына, Георгий. Когда, во время своей продолжительной болезни он был прикован к кровати, только ты неотступно находился рядом с ним. Мне это никогда не нравилось, но он хотел, чтобы все было именно так... и так было. Перед смертью он сказал мне: «Иоанн, будь внимателен и добр ко всем моим слугам, но особенно я говорю тебе о Франдзисе, который верно и преданно служил мне. Однако его молодость и моя старость не позволяют мне вознаградить его по заслугам и потому я поручаю это тебе... Слушай и доверяй его советам, а когда придет время, сделай то, чего я, к сожалению, сделать уже не успею».

Иоанн подошел к столу, на котором лежал бумажный свиток, скрепленный пурпурной печатью василевса.

– Пришло время исполнить волю покойного. – Император взял в руки документ, торжественно продекламировал: – Отныне ты станешь верховным архонтом Мистры, со всеми прилегающими к ней селениями и территориями.

– Это большая честь, государь, – вымолвил я, слегка обескураженный столь неожиданным назначением.

– Ты вполне заслужил ее, – ответил император. – А теперь отправляйся в Морею и вступи в должность.

Я знал, как непросто далось Иоанну это решение. Он никогда не видел во мне друга, скорее угрозу, которую, если нельзя устранить, то необходимо обезоружить. Именно поэтому все эти годы он мешал моему продвижению, выдвигая на первый план таких беспринципных людей, как Лука Нотарас или Георгий Куртесий. Император не желал замечать ни моих успехов, ни талантов, и лишь обещание, которое Иоанн дал своему отцу перед его кончиной, все еще оберегало мою жизнь. Однако теперь мне показалось, что пелена тщеславия упала с его глаз, и он стал видеть вещи такими, какими они и являлись на самом деле.

Как того требовал придворный церемониал, я опустился на колени перед императором и коснулся губами края его пурпурного одеяния.

– Я исполню ваше повеление, государь.

Мне было жаль оставлять Иоанна в столь подавленном состоянии. Он делал все, чтобы спасти свою страну, но злой рок преследовал его повсюду. И если раньше у императора были мудрые советники, то теперь его окружали лишь толпы придворных лицемеров, которые едва ли могли принести пользу империи.

Покидая Влахернский дворец, я заметил группу молодых людей, более всего напоминавших оборванцев. Завидев меня, они бросились вперед, перекрывая дорогу, а когда я уже хотел позвать стражу, позади раздался неприятно знакомый голос:

– Куда это ты так спешишь?

Обернувшись, я увидел Георгия Куртесия – одного из предводителей религиозных фанатиков, ненавидевших соглашение с римской церковью. После смерти Марка Эфесского его влияние в городе непомерно возросло, и теперь он без страха бранил василевса, не опасаясь даже мечей городской стражи.

– До меня дошли слухи, что крестоносцы потерпели неудачу, – произнес Куртесий, и на его ястребином лице заиграла неприятная улыбка. – Что теперь скажут люди, которым император обещал поддержку из Рима?

– Помощи не будет, – правдиво ответил я. – Но это не значит, что мы должны отказываться от унии. За нее в битве при Варне сложили свои головы более двадцати тысяч христиан.

– И мы почтим их память, – склонил голову Куртесий. – Вот только едва ли двадцать тысяч покойников станут весомым аргументом в пользу западной церкви...

– К чему ты затеял этот разговор? – не выдержав, спросил я. – Позиция императора в отношении унии непреклонна.

– Император слаб. Болезнь поразила его душу, а очень скоро поразит и тело. – Георгий сделал шаг ко мне. – Рано или поздно трон займет один из его братьев. Но кто это будет?

Куртесий развел руками, словно предлагая мне самому назначить будущего императора, однако поняв, что разговаривать на эту тему я не желаю, он сам принялся загибать свои тонкие длинные пальцы.

– Царевич Димитрий – глуп и ненадежен, Феодор – честолюбив и своенравен, Фома – жалкий подхалим, Константин... – Куртесий сделал паузу. – Вот кто, пожалуй, смог бы стать достойным василевсом. Я даже готов приложить для этого определенные усилия... если твой господин окажется сговорчивым.

Слова Георгия удивили меня. Он явно чувствовал свою силу, иначе никогда бы не посмел произносить подобное у стен дворца и ужасной темницы Анемас, куда в прежние времена отправляли и за менее дерзкие слова.

– Кем ты себя возомнил, если полагаешь, что Константин будет слушать твои условия? – резко ответил я.

Георгий улыбнулся и подошел ко мне так близко, что я невольно отступил назад.

– Я – глас народа. Глас всех униженных и оскорбленных, что вопиет о справедливости. И если вовремя его не услышать, можно очень горько пожалеть!

Я оглянулся на оборванцев, обступивших меня со всех сторон. Лихорадочный блеск в их глазах свидетельствовал о том, что они готовы разорвать меня по первому приказанию своего вождя. Только теперь я понял, сколь огромную власть имеет Куртесий над умами и душами простого народа.

Неизвестно чем могла закончиться эта встреча, если бы не вмешательство одного человека.

– Довольно, Георгий! – послышался звучный голос, на мгновение перекрывший шум городской суеты. – Не стоит отвлекать государственных мужей от их мирских занятий!

Все обернулись – на противоположном конце улицы, облаченный в черное монашеское одеяние, стоял архимандрит Филофей, настоятель Храма Святых Апостолов. Невысокого роста, дородный, с румяным и улыбающимся лицом. Он являл собой полную противоположность вечно суровому и ссохшемуся от злобы Георгию. Последний поморщился и бросил на Филофея неприязненный взгляд.

– Мы уже уходим, – ответил Куртесий, делая знак своим последователям. – Но наш разговор не окончен. Поразмысли пока над моими словами, Франдзис.

Бросив это, он двинулся прочь, а его ученики принялись расталкивать толпу, освобождая дорогу для своего учителя. Филофей проводил их взглядом и подошел ко мне:

– Куртесий пытается походить на Марка Эфесского, но, хотя он столь же искусен в речах, ему не хватает смирения и доброй воли, которыми обладал наш славный митрополит.

Я посмотрел на Филофея и понял, что прискорбно мало знаю об этом человеке. Свою церковную карьеру он делал тихо и незаметно, всегда ограничиваясь лишь строгим исполнением своих обязанностей. По вопросу унии он не примыкал ни к одной из сторон, сохраняя строгий нейтралитет. Это было тем более странно, что во времена политического раскола духовенства, занять высокую должность можно было лишь по протекторату одной из противоборствующих сторон.

– Георгий слишком своенравен и упрям, – ответил я. – Однако к тебе он, похоже, прислушивается. Почему?

Филофей провел рукой по окладистой бороде и взглянул на меня словно снисходительный отец на не слишком разумного ребенка.

– Твоя подозрительность похвальна. Именно благодаря ей, наш император все еще носит свою корону. Но не будь слишком мнителен – в этом городе у тебя гораздо больше друзей, чем ты думаешь.

Улыбнувшись, напоследок, он зашагал прочь и очень быстро растворился в толпе.

Жизнь в городе продолжала идти своим чередом...

* * *

Вернувшись домой, я рассказал жене о своем скором отъезде. Елена, услышав об этом, бросилась в слезы – она вновь носила под сердцем ребенка и надеялась, что хотя бы это обстоятельство задержит меня. Но я не мог нарушить повеление императора. Со скорбью в душе я должен был оставить ее и детей в Константинополе. Уже в который раз.

Однако, после ночного инцидента, который случился под крышей моего дома, я понимал, что мое общество для семьи небезопасно. Кто знает, на что еще способны люди, приславшие в мой дом профессионального убийцу?

Мой верный секретарь Алексей, услышав о назначении меня архонтом Мистры, был чрезвычайно рад, и с радостью согласился отправиться со мной в новое путешествие.

Собрав все необходимое, мы направились в порт, где я с некоторым удивлением наткнулся на Иоанна Далматаса. Наша последняя с ним встреча состоялась здесь же, не далее как две недели назад, и тогда он покидал столицу, чтобы проведать свою тяжелобольную сестру. Мы остановились друг напротив друга посреди непрекращающегося гула оживленной гавани. Несколько секунд я вглядывался в лицо своего друга, стараясь понять, какие вести он привез из своего путешествия, однако Иоанн слишком хорошо умел скрывать свои чувства.

– Как поживает твоя сестра? – наконец спросил я после короткого приветствия. – Надеюсь, ей стало лучше?

В ту же секунду я осознал, что совершил ошибку. Далматас опустил глаза, и все стало ясно без слов.

Я крепко обнял его за плечи и, рассчитывая, что это его приободрит, сказал:

– Мы отправляемся в Морею. Император своей высочайшей волей назначил меня архонтом Мистры. Поедем вместе, ты будешь очень полезен мне.

– Нет, – спокойно ответил Иоанн. – На некоторое время я должен остаться здесь, в Константинополе.

– Понимаю, – кивнул я. – Смерть близких пережить нелегко...

– Дело не только в этом, – сказал Иоанн, отступая в сторону.

Из-за его спины испуганно выглянула белокурая девочка. Ее сходство с Иоанном сразу бросалось в глаза. Заметив немой вопрос, застывший на моем лице, Далматас пояснил:

– Это дочь Анны, ее зовут Мария. Теперь я буду опекать ее.

Если бы Иоанн сказал мне, что принял магометанскую веру и решил стать странствующим дервишем, я был бы удивлен гораздо меньше.

– Уверен, что это решение ты хорошо обдумал, – протянул я, разглядывая племянницу Далматаса. – Но не слишком ли это опрометчиво? Ты ведь сам говорил, что жизнь воина находится на лезвии клинка и случись что...

– Она останется сиротой? – перебил Иоанн. – Возможно всякое, но ведь и ты, Георгий, рискуешь не меньше меня и при этом успел обзавестись тремя прекрасными детьми. Здоровья и счастья им на долгие годы!

Я внимательно посмотрел в честное и суровое лицо Иоанна и прочитал в его глаза твердое желание следовать избранному им пути.

– Прости меня, Иоанн. Я не должен был говорить всего этого. Ты хороший человек и, несомненно, станешь достойным опекуном для этого ребенка. Пусть в твоём доме всегда царят мир и благополучие.

– Желаю того же и тебе, Георгий.

Мы крепко обнялись и на том расстались.

* * *

Восстановленные и могучие стены древнего Гексамиллиона протянулись вдоль всего Коринфского перешейка, перекрывая, таким образом, единственную сухопутную дорогу, связывающую Пелопоннес с материком. Эти укрепления, по замыслу Константина Палеолога, должны были надолго задержать турок и защитить Морею в случае, если султан начнет военные действия. А после победы под Варной стало ясно, что он начнет их непременно.

Найти самого деспота оказалось нелегко – он решил лично следить за ходом восстановительных работ и практически не появлялся в своем лагере. Лишь к концу третьего дня на горизонте показался конный отряд царевича. Константин Палеолог, покрытый дорожной пылью, уставший, но, удовлетворенный своим осмотром поприветствовал меня и сразу же пригласил в небольшой деревенский дом, который временно стал его военной ставкой.

– Какие новости ты привез из Константинополя? – спросил он, наливая воды в глиняную чашу. – Надеюсь, ничего дурного в столице не произошло?

– В столице все спокойно, – ответил я. – Но новости есть.

Я протянул деспоту свиток, скрепленный императорской печатью. Деспот развернул документ и, прочитав его, слегка улыбнулся.

– Поздравляю! Я уже давно хлопотал о твоём назначении сюда, однако не рассчитывал, что мой брат согласится сделать тебя архонтом Мистры. Надеюсь, хоть ты сумеешь побороть здешнее многоначалие.

– Обещаю, что приложу для этого все свои силы, – поклонился я. – Однако это не все, о чем я должен сообщить.

Деспот кивнул, разрешая продолжить.

– Король Владислав потерпел тяжелое поражение под Варной. Многие его люди убиты, остальные попали в плен к туркам. Что касается самого польского государя, то о его судьбе пока ничего не известно.

Константин Палеолог медленно опустился на деревянный табурет.

– Вот и подтверждение слухам, – шепотом произнес он. – Если Мурад разбил крестоносцев, то очень скоро он будет здесь.

– Император просил передать, что, если турки начнут войну, вы должны немедленно запросить мира. На любых условиях.

Деспот поднял на меня глаза. В них слишком явно читался ответ.

– Так значит, отдать все, что мы с таким большим трудом приобрели! – стискивая кулаки, проговорил он. – Нет, на такое я не пойду.

– Я заранее предупредил императора о вашем ответе. Но знаете... – тут я замялся. – Возможно, его слова не лишены смысла. В одиночку вам не выстоять против турок, а помощи из Константинополя не будет.

– Мне все равно, – отмахнулся Константин Палеолог. – Морея уже давно живет независимо от столицы и вполне может сама справиться со своими проблемами. Что касается меня, то я пришел на эти земли с одной лишь целью – освободить свой народ и пока этого не будет сделано, я не поверну назад!

В комнате наступила тишина. Пребывая в глубокой задумчивости, Константин положил свою сильную руку на стол и нервно застучал по нему пальцами. Я тоже молчал, хорошо понимая, что творится сейчас в душе моего друга и господина.

Продолжать борьбу – значит обрекать себя на верную гибель, но прекратить ее, означает для Константина нечто гораздо хуже смерти. Долгие годы он ждал своего часа, наблюдая печальную картину упадка империи. И вот теперь, когда, наконец, пришла пора действовать, судьба обернулась против него. Ум, талант и энергия деспота оказались губительны в условиях, когда грозные враги требовали от ромеев лишь слепого повиновения. Будь у Константина достаточно сил, он, быть может, и воплотил бы свою мечту, однако сейчас подобное предприятие грозило неминуемой гибелью. Он и сам понимал все это, но как сказал Цезарь: «*Alea iacta est*» – «жребий брошен», и Константин уже перешел свой Рубикон...

* * *

В Мистру я прибыл спустя несколько дней. Город, расположенный на живописных горных склонах, жил своей тихой провинциальной жизнью и несмотря на то, что повсюду шла война, казалось, будто эти тревоги слишком далеко, чтобы нарушить повседневную суету местных жителей.

Пройдя пешком по извилистым узким улочкам, я добрался до дворца Морейских правителей. Здесь меня встретили несколько сановников и офицеров придворной гвардии.

– Приветствуем вас, – поклонившись, произнес круглолицый и розовощекий воин, с выбритыми висками и коротко стриженной рыжей бородкой. – Меня зовут Павел. К вашему приезду уже все готово.

– Хорошо, – нетерпеливо кивнул я, оглядываясь по сторонам. – А где Фока? Он должен был встретить меня еще по приезде на Пелопоннес.

Придворные переглянулись, и тот же самый воин произнес, опуская глаза:

– Фока погиб.

– Как?! – воскликнул я, отбрасывая в сторону всякие приличия. – Когда?

– На прошлой неделе мы нашли его тело в дворцовом саду. Кто-то перерезал ему горло.

От этой новости все сжалось в моей груди. Я тут же вспомнил своего друга – добродушного и могучего великана, который никогда не хранил зла и чьи помыслы были для меня открыты. Только ему я доверял свои тайны и лишь на него мог положиться в трудную минуту, а любое дело, которое ему поручалось, он всегда доводил до конца...

«До конца...» – повторил я про себя, вспоминая нашу с ним последнюю встречу.

– Присматривай за Анастасией, – сказал я ему тогда. – И если обнаружишь за ней какие-нибудь странности, сразу сообщай мне.

Да, он говорил, что фаворитка царевича Константина в последнее время ведет себя очень странно, даже обвинял ее в колдовстве! Но мне было сложно поверить его словам, и тогда я не уделил этому делу достаточно внимания. Однако не за свою ли осведомленность Фока поплатился жизнью? И не пытались ли этим убийством скрыть следы еще более страшного преступления?

– Я желаю видеть Анастасию, – повелительно промолвил я. – Как можно скорее!

– Она уже покинула Мистру, – тут же отозвался старый евнух, в обязанности которого входило следить за женской половиной дворца.

Отправилась вслед за царевичем – понял я. В последние месяцы они стали неразлучны, и если только Анастасия имеет хоть какое-то отношение к загадочной гибели Фоки, то моему господину грозит серьезная опасность.

Что бы там ни было, я собирался узнать всю правду и отплатить за жизнь друга!

Глава 4

Жизнь после смерти

Константин Грайтца (дневник)

Ноябрь 1444 года

Omnia homini dum vivit speranda sunt.

(Пока человек жив, он должен надеяться на все.)

Сенека

Дата не указана

Моя голова раскалывается, словно по ней колотят гигантским кузнечным молотом, повязка на лице пропиталась кровью, а страшная боль в боку лишает возможности пошевелиться.

Что ж, это верный признак того, что вопреки здравой логике я все еще жив. Хотя мысли мои путаются, а события и люди перемешались в моей голове так, что мне с трудом удается отделить реальность от вымысла и прошлое теперь предстает передо мной в виде отдельных, не связанных друг с другом картин, которые скорее напоминают жуткий кошмар, нежели реальные события.

Однако я и представить себе не могу, что меня ждет дальше. Поэтому я постараюсь изложить все, что со мной случилось за последние несколько дней, а также то, что мне удалось узнать от других людей во время своего пребывания в сыром подвале Варненской темницы.

* * *

Тяжелая рана, нанесенная мне турецкой саблей, оставила по себе зримую память – страшный шрам на половину лица. Жуткая боль лишила меня сознания, и потому я не смог стать свидетелем печального разгрома нашей армии.

События, последовавшие за злополучной атакой Владислава, я записываю лишь со слов очевидцев.

Итак, когда польский король вместе со своими рыцарями ринулся в бой, исход всего сражения был практически предрешен – турки бежали со всех ног, и лишь немногие продолжали сопротивление. К чести османского султана стоит сказать, что он не последовал за разбежавшимся войском и продолжал наблюдать за битвой. Этим и решил воспользоваться Владислав, вознамерившись пленить или убить предводителя мусульман. Он уже был близок к своей цели: янычары не имели шансов выстоять против закованной в сталь кавалерии, и многие из них пали, до последнего вздоха защищая своего повелителя, но когда до султана оставалось всего лишь несколько сажень, конь под Владиславом был убит, а один из султанских телохранителей точным ударом прервал жизнь молодого короля.

Весть о смерти христианского лидера быстро разнеслась по всему полю. Услышав об этом, турки словно обрели второе дыхание и с радостным кличем бросились в новую атаку. Крестоносцы же, обескураженные гибелью короля, мгновенно растеряли весь боевой запал и стали поспешно отступать.

Напрасно Янош Хуньяди метался по полю, пытаясь вдохнуть в свои войска мужество, все было кончено – османы навалились разом со всех сторон и быстро смели нестройные ряды кре-

стоносцев, после чего началась жуткая резня. Христиан преследовали до самых ворот Варны, которые испуганные жители так и не отворили, боясь гнева султана.

Другая часть крестоносцев нашла свою смерть в болотах, неподалеку от Варненского озера. Поговаривают, что среди утопленников обнаружили и тело кардинала Чезарини, которого изрубили на куски не то турки, не то сами поляки, которые считали его виновным в смерти своего короля.

Небольшой отряд в триста человек, состоящий преимущественно из чехов и славян, который сражался с невероятной доблестью и прикрывал отступление нашей армии, был истреблен практически поголовно.

Валашский корпус сопротивлялся не менее упорно, однако и он скоро был разгромлен. Что касается Влада Дракулы и его сына, Мирчи, об их судьбе мне пока ничего не известно.

Сам Янош Хуньяди с небольшим отрядом своих воинов каким-то чудом сумел вырваться из окружения и спастись, однако султан уже повелел разыскать непокорного воеводу и привести его в лагерь живым или мертвым.

Выжившим после битвы христианам теперь уготована печальная участь рабов, без надежды на спасение или возвращение домой. Но жизнь с цепью на шее для меня не лучше смерти и потому я был готов встретиться с ней.

Кто знал, что у судьбы имеются на меня совсем другие планы.

* * *

После сражения султан Мурад приказал разбить свой шатер прямо на поле битвы, посреди изуродованных человеческих останков, сломанных копий и оскверненных христианских знамен. Перед шатром расстелили ковры, куда был вынесен громоздкий золотой трон. По обе стороны, почтительно склонив головы, стояли высшие сановники империи и отличившиеся в битве полководцы, еще не успевшие снять свои доспехи.

Сюда же согнали всех пленных крестоносцев. Тех, кто не мог или отказывался идти убивали без жалости, остальных грубо толкали вперед древками копий и остриями клинков. Некогда бравое воинство Христово, теперь напоминала толпу бродяг: закутанные в изорванные, покрытые грязью и кровью плащи, раненные и уставшие люди, медленно брели по местам недавней сечи. Вороны с хриплым карканьем уже спустились, чтобы устроить пир над телами убитых. То там, то здесь рыскали мародеры, надеясь отыскать что-нибудь ценное. Иногда до наших ушей долетал чей-то стон и тогда несколько конных сипахов срывались в ту сторону и если звук издавал турок, его сразу подхватывали и уносили прочь, если же это был христианин, то его ждала неминуемая смерть. Возиться с ранеными турки не собирались.

Мне повезло больше остальных. По счастливой случайности меня обнаружил один пленный болгарин и вместо того, чтобы кликнуть своих хозяев, он помог мне подняться на ноги и приложил к моим губам пропитанный влагой кусок ткани. Вскоре один из сипахов заметил нас и, вонзив острые шпоры в бока своего коня, устремился вперед, размахивая над головой страшного вида саблей. Болгарин бросился бежать, а турок, остановив коня и, внимательно оглядев меня с головы до ног, стал что-то выкрикивать, указывая на колонну пленных – видимо, приказывал и мне присоединиться к этому шествию. Несколько секунд я стоял неподвижно, надеясь, что отточенная сабля сипаха положит конец моим мучениям, но жажда жизни на этот раз оказалась сильнее и мне пришлось идти вместе с остальными.

Кровь запеклась на моем лице, один глаз практически перестал видеть, голова кружилась, а каждый шаг отдавался жуткой болью во всем теле. Из последних сил я старался не потерять сознание и сохранить ясность рассудка.

Вскоре нас выстроили перед султанским шатром, где, в окружении свиты, на высоком троне восседал Мурад – грозный владыка и предводитель магометан. Здесь я увидел его впер-

вые и потому стал с интересом разглядывать лицо османского правителя. Мне всегда казалось, что Мурад, которому едва исполнилось сорок лет и который славился своими подвигами, должен выглядеть подобно гордому и статному воину, сжимающему в своих сильных руках половину мира. Однако перед собой я увидел грузного, состарившегося раньше срока, больного человека с одутловатым лицом и нездоровым цветом кожи. Глаза его еще были полны огня, но и они порой смотрели устало и отрешенно.

Несколько толмачей из свиты Мурада выступили вперед и на разных языках громко зачитали обращение султана к пленным. В нем падишах выдвигал крестоносцам единственное требование: принять ислам и поступить на службу в ряды его армии, дабы тяжким трудом и кровью искупить свою вину. Тех, кто откажется покориться его воле, ждала неминуемая смерть.

Затем, христиан одного за другим стали выдергивать из толпы и ставить на колени перед султаном. Если пленник соглашался принять магометанскую веру и признавал Мурада своим новым покровителем, ему сохраняли жизнь и передавали мулле, если же он противился этому, палач точным ударом клинка отделял его голову от остального туловища. Так, один за другим, крестоносцы опускались на землю, густо политую кровью собратьев по оружию, и делали свой нелегкий выбор. Многие предпочли смерть предательству, но были и такие, кто согласился принять новую веру и нового повелителя. Вскоре очередь дошла и до меня. Два могучих янычара подхватили меня под руки и вывели вперед.

– Неверный! – громко проговорил один из толмачей в зеленом с золотом халате. – Наш великий падишах проявляет к тебе величайшую милость. Он дарует тебе жизнь в обмен на верное служение ему и Аллаху.

– Лучше умереть за свою веру, чем, сохранив жизнь, стать отступником, – прохрипел я, искоса поглядывая на тех, кто переметнулся к туркам. Они также смотрели на меня с нескрываемой злобой. В решающий момент им не хватило мужества принять смерть и этот позор будет отравлять их души до конца дней.

Султану, похоже, понравился мой ответ. Жестом он подозвал к себе толмача и шепнул ему несколько слов. Тот почтительно склонился и вновь обратился ко мне:

– Повелитель спрашивает тебя: почему ты не хочешь отречься от своего бога и принять истинную веру? Ведь твой бог отвернулся от тебя. Разве он помог вам выиграть сражение? И разве может он спасти сейчас твою жизнь, которая находится в руках нашего славного падишаха, а следовательно, в руках Аллаха!

– Передай своему повелителю, что он может поступать со мной так, как ему заблагорассудится. Сегодня он одержал победу и вправе вершить свой суд, но пускай не просит меня отказаться от клятв, которые я давал и которым буду следовать до конца моих дней. Мне не нужен иной бог, кроме того, которому я молюсь, и не нужен другой государь, кроме того, которому я присягал.

Толмач покачал головой и, что-то прошепав себе под нос, повернулся к султану и перевел мои слова. Мурад внимательно посмотрел на меня и усмехнулся. По его знаку слуга забежал в шатер и через несколько секунд появился снова. В руках он держал большое блюдо, покрытое шелковым платком, под которым угадывались очертания какого-то предмета. Слуга опустился на колени перед султаном и замер в ожидании. Мурад вновь шепнул несколько слов толмачу и тот сказал, обращаясь уже не ко мне, а ко всем пленникам.

– Отправляясь в этот несправедный поход, вы присягали королю Владиславу. Вы служили ему верой и правдой, но теперь вы свободны от своей присяги!

Резким движением Мурад сорвал узорчатый платок и взгляды сотен людей устремились на прозрачный сосуд, наполненный зеленоватой жидкостью. В нем неподвижно застыло что-то темное...

Бессильный стон, вырвавшийся из уст пленных христиан, перемешался с молитвами и испуганным шепотом, которые наполнили залитую кровью долину. Многие падали на колени

и осеняли себя крестным знамением, другие застыли на месте и мрачно глядели на страшный сосуд, в котором находилась голова короля Владислава! Мертвецки бледное лицо христианского владыки не выражало ни страха, ни боли. Похоже, молодой король принял смерть, так и не осознав, что дело его погибло, а сам он пал жертвой собственного безрассудства.

– Вот он, ваш король! – прокричал толмач. – Он был храбрым воином, но при этом оказался бесчестным негодяем, нарушив слово, данное на Библии. Посмотрите, какая судьба уготована тем, кто восстает против нашего повелителя! Склонитесь перед его волей или вас ждет столь же бесславный конец!

Слуга с подносом скрылся в шатре, а султан молча взглянул на меня. Толмач снова заговорил со мной:

– Ну, неверный. Что скажешь теперь?

Я расправил плечи и старался отвечать как можно спокойнее, хотя дрожь и пробирала все мое тело.

– Ты мудр и велик, государь, – набрав воздуха для смелости, обратился я к Мураду. – И, вероятно, сможешь рассудить меня сам. Знай, что я не просто присягал Владиславу на верность, но и обязался охранять его жизнь. Со смертью короля я потерял не только своего сюзерена, но и свою честь, а значит, и моя жизнь отныне не стоит ничего. Я безропотно склоняюсь перед твоей волей.

Больше я не произнес ни слова и стал молча дожидаться своей участи. Султан сопел и елозил на троне, видимо, решение о моей казни давалось ему нелегко. Однако колебался он недолго и, проведя рукой по густой бороде, отдал короткий, режущий ухо приказ.

Палач с острым, изогнутым клинком двинулся ко мне, в то время как двое его помощников крепко схватили меня за плечи и с силой пригнули к земле. Перед собой я теперь видел лишь край султанского ковра, на котором толпилась османская знать.

«Вот и все, – пронеслось в голове. – Смерть настигла меня вдали от дома. Вдали от всех, кого я любил. Стоило ли бежать так далеко, чтобы окончить свою жизнь в безымянной могиле?»

Не буду скрывать, душа моя в тот момент отказывалась примириться с судьбой и всеми силами пыталась восстать против нее. Я хотел жить, хотел встречать рассвет и вдыхать свежий утренний воздух, хотел мчаться навстречу новому и неизведанному, хотел смеяться и горевать, любить и ненавидеть, но впереди меня ожидал лишь мрак и леденящее спокойствие безмятежной пустоты... Воистину, только глупцы могут считать смерть отдохновением от мирской суеты, тот же, кто однажды заглянул ей в глаза, благодарит каждый миг, отведенный ему на этом свете.

Когда палач уже вскинул клинок, чтобы перерубить мою шею, кто-то из османских вельмож быстро подошел к султану, упал на колени и стал о чем-то горячо просить. Мурад тут же остановил казнь, и через несколько секунд я почувствовал, как сильные руки поднимают меня с земли.

– Падишах прощает тебя, неверный! – объявил знакомый голос, однако из-за перенесенных страданий и ран я никак не мог сообразить, где мне доводилось слышать его прежде. – Поклонись ему в ноги за оказанную милость.

Повинуясь приказу, я попытался сделать несколько шагов, однако силы уже оставили мое тело. Вдруг я почувствовал резкую боль, как будто кто-то со всей силы ударил меня по затылку. Свет померк, и я вновь провалился в бездонную пропасть небытия.

* * *

Очнулся я в холодном сыром подвале. Здесь меня окружала крошечная тьма, которую едва ли мог разогнать слабый отблеск факела, проникавший сюда через решетчатое окошко, вырезанное в подгнившей дубовой двери.

Я попытался встать, но боль сковала все мое тело и единственное, что мне удалось – хоть как-то приподняться на ослабевших руках и опереться спиной о влажную стену.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я внимательно осмотрелся по сторонам, одновременно силясь вспомнить все предшествующие моему заключению события. В углу темницы стоял деревянный табурет и небольшой письменный столик, кроватью здесь служила охапка соломы, а отхожим местом – треснувшее ведро, которое, судя по всему, не опорожнялось уже очень давно. Условия, далекие от идеальных, однако мне много раз приходилось видеть и слышать о местах, по сравнению с которыми теперь мне достались поистине царские покои.

Кое-как растянувшись на соломе, я сомкнул глаза, пытаясь представить свой дом в Патрах, свою семью и счастливую жизнь, которую мне уже никогда не вернуть обратно. Светлые картины прошлого сменяли одна другую. В какой-то момент мне даже почудилось, что страшная и неприглядная действительность отступает и рассеивается, оставляя место безмятежному спокойствию. Но это был всего лишь сон, из которого меня вырвал приглушенный гул шагов и чьи-то громкие голоса за дверью. Очнувшись, я стал прислушиваться, надеясь разобрать: не о моей ли судьбе идет речь, но сделать это оказалось невозможно – толстые стены темницы превращали слова в глухое эхо. Через несколько секунд послышался звон ключей и скрежет открывающегося замка. Дверь распахнулась, и яркий свет ударил мне в глаза.

– Оставь нас, – приказал один из вошедших.

Дверь медленно закрылась и мой гость, поставив масляную лампу на стол, сразу же обратился ко мне.

– Вот мы и встретились, Константин, – негромко сказал он на довольно хорошем греческом языке.

Я напряг свое зрение, пытаясь разглядеть лицо собеседника. Когда блик пламени выделил из тьмы широкое, улыбающееся лицо с кустистыми бровями и глубоко посаженными глазами, я радостно воскликнул:

– Михаил! Ты не представляешь, как я рад тебя здесь видеть!

– Не называй меня так, ради Аллаха, – с опаской обернувшись на дверь, проговорил османский вельможа. – Если не хочешь погубить нас обоих.

– Как пожелаешь, – пожал плечами я. – Однако я и так уже погубил себя и едва ли мне стоит бояться чего-либо еще.

Махмуд снисходительно посмотрел на меня.

– Печально видеть, что дух твой сломлен, а надежда угасла. Но ведь из любой ситуации есть выход. Вспомни, я сам недавно был в плену у сербского князя.

– Я бы не назвал это пленом, Махмуд, – решительно возразил я, дивясь, откуда у меня взялись силы на этот бессмысленный спор. – Георгий Бранкович очень сильно нуждался в тебе и относился со всем возможным почтением. Ты спал на мягких подушках и ел за одним столом с князем. Поверь, половина нашей армии с радостью оказалась бы на твоём месте. А вот моя жизнь сейчас едва ли потянет хотя бы на один, самый испорченный дукат.

Махмуд некоторое время молчал, изучая меня своим внимательным взглядом.

– Ты недооцениваешь себя, Константин, – произнес он, наконец. – Сейчас твоя судьба находится целиком в твоих руках и только тебе решать: выйдешь ли ты отсюда свободным и счастливым человеком или навечно сгинеешь в Варненских казематах.

– Ты смеешься надо мной, Махмуд? – покачал я головой. – Или ты явился, чтобы уговорить меня стать мусульманином? В таком случае ты пришел напрасно, я не изменю своей вере.

Махмуд заложил руки за спину и прошелся по темнице.

– Я знаю, что ты не уступишь даже ради того, чтобы спасти свою жизнь. Вчера ты хорошо это показал. Но султан остался доволен, ему понравились твои смелые слова.

– И поэтому он решил укоротить меня на голову?

– Решение о твоей казни он принял с неохотой, но был вынужден это сделать, иначе остальные христиане никогда бы не усвоили урок.

– Почему же в таком случае я еще жив?

Вместо ответа Махмуд достал какую-то блестящую вещь.

– Вот этот перстень спас тебе жизнь, – произнес османский сановник, демонстрируя драгоценность, которую сам когда-то мне подарил. – Хвала Аллаху, один из моих сподручных вовремя заметил его на твоём пальце, ну а я уже похлопотал перед султаном.

Слова Махмуда добавили немного ясности.

– Так значит, я свободен?

Надежда в моем голосе заставила турка смутиться и прикусить губу.

– Не совсем, – ответил он после некоторой паузы. – Все знают, что ты был правой рукой Яноша Хуньяди, а для нашего султана нет более опасного врага, чем этот несносный венгр.

– Тогда что меня ждет? – напрямик поинтересовался я, не позволяя Махмуду больше юлить.

– Султану понравилась твоя храбрость, так что тебе дарована жизнь. Более того, отныне ты сможешь появляться при османском дворе. – На лице Махмуда вновь появилась самодовольная улыбка.

Все это не слишком походило на правду и поэтому я, собравшись с остатками сил, воскликнул:

– Ты, видимо, пришел поглумиться над несчастным пленником или из-за недавнего сражения повредился рассудком, что было бы вовсе не удивительно! В таком случае лучше бы тебе не приходить сюда, ибо вон то ведро в углу не опорожнялось уже очень давно, а моя цепь вполне позволяет мне до него дотянуться.

Махмуд развесился пуще прежнего и, похлопывая себя по бокам, ответил:

– Вот теперь-то я узнаю того человека, с которым мне довелось делить пищу и воду под присмотром головорезов сербского князя. – Глаза вельможи загорелись лукавым огнем. – Правда, помнится мне, что, помимо воды, ты угощался и другим напитком, о котором я не смею говорить вслух, однако же горжусь, что был крепок духом и не поддался на твои уловки.

Я попытался улыбнуться колкости Махмуда, а он тем временем продолжал втолковывать мне, как обстоит дело:

– Говорю же, султан благоволит тебе, и ты добьешься очень многого, если будешь слушать меня и, если уберешь вот эту кислую мину со своего лица, от которой даже янтарное вино превратится в уксус!

Несколько минут я размышлял, а затем решился спросить:

– Почему падишах столь снисходителен ко мне? Я ведь знаю, что жизнь людей для него – все равно что пыль под ногами.

– Ты слишком плохо знаешь нашего повелителя, – погрозил мне пальцем Махмуд. – Да он суров, но не жесток. Кроме того, я сообщил ему, что ты спас мне жизнь...

– Но ведь это чистая ложь! – возмутился я.

– Ничего, впереди у нас еще много времени, и такая возможность тебе, несомненно, представится. – Махмуд устал стоять и с превеликим отвращением опустился на небольшой покосившийся табурет. – Видишь ли, дворец султана – место не столь безопасное и иногда в нем бесследно пропадают люди... Ты станешь моими глазами и ушами в самом сердце импе-

рии. Я ведь знаю, что ты был одним из лучших лазутчиков в армии Владислава и даже Хуньяди отмечал твою находчивость.

– Мне просто везло.

– Удача нам тоже понадобится. Но главное, что мне от тебя нужно – твоя верность и кристальная честность. Если ты готов принять эти мои скромные условия, тогда завтра же я похлопочу перед повелителем о твоём освобождении из этого отвратительного места.

Махмуд желал мне добра, это было ясно, но я заметил, что его речь была призвана скорее приободрить меня, чем рассказать всю правду о том, что меня на самом деле ожидает.

– Я должен подумать.

– Думай, у тебя впереди еще целая ночь. – Махмуд обвел глазами темницу и добавил. – Целая ночь с крысами, муравьями и долгоносиками. Впрочем, тебе с твоим-то упрямством это пойдет лишь на пользу.

– Могу я попросить тебя об одной услуге? – сказал я, пропуская усмешки приятеля мимо ушей.

– Конечно, если это в моих силах.

– Я вел дневниковые записи. Перед битвой дневник находился в моей седельной сумке, но когда я очнулся, его уже не было. Ты не мог бы...

– Не беспокойся, твои вещи уже у меня. – Махмуд порылся в складках своего просторного плаща и извлек оттуда небольшую книжицу с пожелтевшими от времени страницами. – Это то, что ты ищешь?

– Да это он, – сказал я, трепетно принимая из рук магометанина свой старый дневник. – Даже не знаю, как тебя отблагодарить.

– Ты уже знаешь как. – Махмуд взял лампу и направился к двери. – Прими мое предложение и завтра ты обретешь положение, богатство и шанс начать все с чистого листа.

Железная дверь распахнулась и яркий свет вновь больно ударил в глаза.

Я вновь остался один, но теперь, по крайней мере, я мог продолжать свои записи...

* * *

Я честно изложил все, что знаю и чему был сам свидетелем. Волею случая, мне удалось сохранить жизнь после страшного поражения крестоносцев под Варной, в котором погиб король Владислав и многие из моих храбрых друзей – их имена я не привожу на этих страницах, ибо читателю они не скажут ничего, но мне они будут являться во снах до самого дня моей смерти.

Но пока я жив, а значит, могу дышать и мыслить, что уже доставляет немалое удовольствие для того, кому удалось дважды обмануть смерть. Более того, стараниями Махмуда очень скоро в мою темницу принесли чистую одежду и горячий ужин, что значительно прибавило мне сил и позволило взяться за перо.

Что ж, судьба опять предоставила мне шанс, и я намерен воспользоваться им.

А дальше будь что будет.

Глава 5

Игра продолжается

Халиль-паша

Malum consilium est. quod mutari non potest.

(Плохо то решение, которое нельзя изменить.)

Публий Сир

Несколько ночей подряд великий визирь провел без сна. Перед его мысленным взором вновь и вновь проносилась страшная картина сражения. Он словно наяву видел, как к ставке султана мчатся закованные в сталь рыцари короля Владислава. Как опускаются их копыта и поднимаются мечи, как падают вокруг смертельно раненные янычары... Смерть дышала в лицо Халиля, но он не сдвинулся с места и остался подле своего повелителя.

Сам султан обнажил клинок и, вознося последние молитвы Аллаху, напряженно глядел перед собой, готовясь встретить врага и, если нужно, принять мученическую смерть. Он уже давно устал от власти и, возможно, мечтал встретить свою гибель в гуще боя с неверными. Это был бы достойный конец для столь великого человека.

Но Всевышний оказался милостив.

Молодой король Владислав вырвался вперед, желая своим собственным мечом добыть славу победителя. Он смело прорубал дорогу сквозь плотное кольцо янычар, и Халиль уже видел ликующий огонь в глазах польского владыки. Но напорившийся на пику, конь Владислава вдруг встал на дыбы и опрокинул седока наземь. Король попытался подняться, но ловкий янычар по имени Хазер наступил ногой ему на грудь и одним ударом обезглавил христианского предводителя. Схватив отрубленную голову, он тут же насадил ее на копьё и продемонстрировал остальным. Янычары взорвались торжествующими криками и все как один устремились в бой. Они бросались на крестоносцев с дикой, безумной яростью, погибая во множестве, но и забирая жизни бесчисленного числа врагов. Под этим бешеным напором христиане продержались недолго и вскоре бросились прочь, помышляя лишь о спасении. Турки торжествовали победу, а изрубленные тела их врагов громоздились на размокшей от крови и дождя земле.

Султан Мурад тогда произнес:

– Сегодня, Халиль, смерть прошла мимо. Но мне кажется, что отсрочка эта будет недолгой. Азраил⁷ скоро придет за мной. Наша встреча уже определена.

Сказав эти странные слова, султан вложил меч в ножны и пошел посмотреть на обезглавленное тело Владислава, который был всего в шаге от того, чтобы лишиться Мурада жизни. Падишах молча взирал на поверженного врага, а мысли его витали где-то очень далеко.

– Пусть его тело похоронят со всеми почестями, – изрек повелитель. – Но там, где его никто не найдет. У этого человека не должно быть ни памятника, ни креста. Я не хочу, чтобы его могила стала местом поклонения христиан.

Очень скоро приказ султана был исполнен и тело короля упокоилось недалеко от ядовитых Варненских болот, где растет мох и цветет осока. Никто никогда не узнает о месте захоронения Владислава, и плач его подданных не нарушит вечный сон польского владыки.

⁷ Азраил – ангел смерти в исламе, который забирает души умерших.

* * *

Разгромив крестоносцев под Варной, османы быстро восстановили контроль над утерянной территорией. Болгарские крепости одна за другой открывали ворота перед всемогущим турецким падишахом, демонстрируя свою покорность и не помышляя о сопротивлении. Местные жители, еще совсем недавно восставшие против мусульман, вновь склоняли спины перед османскими завоевателями. Едва ли отныне в Европе вновь найдется сила, способная поколебать турецкое владычество на Балканах. И пусть жив зловредный Янош Хуньяди, пусть Георгий Скандербег продолжает защищать Албанию, а ромеи плетут интриги за стенами Константинополя. Однажды Османский полумесяц будет реять и над их столицами. Это теперь вопрос времени.

* * *

А пока уставший от длительного похода, султан Мурад возвращался в свою столицу. Он одержал великую победу, принес мир на османскую землю и теперь пришла пора подумать о том, кто возглавит империю после его отречения.

Халиль неустанно твердил о том, что Мехмед еще не готов. Он напомнил, к каким тяжелым последствиям привели неосмотрительные поступки принца, но султан ничего не желал слушать. Более того, он вернул из ссылки ненавистного Заганоса, который должен был стать одним из главных советников его сына. Все это шло вразрез с планами визиря, и он возвращался в столицу в самом скверном расположении духа.

Эдирне султанская армия достигла уже в конце ноября. Весь народ высыпал навстречу победоносному войску, торжественно встречая османских солдат и с интересом наблюдая за вереницей пленников. В оборванных, грязных, исхудавших людях сложно было узнать того страшного врага, который еще совсем недавно угрожал османской столице. Жители с молчаливым недоумением и даже жалостью глядели на длинную колонну христиан, которую сопровождали группы облаченных в чешую конных сипахов с хлыстами и мечами наперевес.

Когда полуденное солнце засияло над горизонтом, Мурад со своей свитой вступил в роскошные павильоны дворца, откуда сразу же направился в небольшую мечеть Софа, чтобы еще раз возблагодарить Аллаха за дарованную ему победу и за счастливое возвращение на родину. После этого султан собрал ближайший круг советников, на который явились все самые влиятельные люди Османской империи.

– Хвала небесам, – начал говорить Мурад, – наш поход окончился благополучно. Владислав убит, а его войско рассеянно. Я уже приказал отправить голову польского короля в Тебриз, а затем провести ее по другим городам Востока. Пусть не только в Европе, но также в Азии и Африке узнают о том, что полумесяц Оттоманского государства, уже неоднократно прославленный мечами моих предков, вновь поднимается на небосклоне мировой истории и тот, кто будет противиться этому, непременно последует печальной дорогой наших врагов!

Все придворные согласно закивали. Мурад внимательно обвел всех своим пронизательным взором и продолжил:

– И тем не менее Янош Хуньяди сумел избежать смерти и скрыться. Скажи мне, Шехабеддин, что тебе удалось узнать об этой пятнистой гиене?

Евнух вышел вперед, почтительно склонив голову перед падишахом.

– По вашему приказу мы ведем его поиски. Как докладывают наши лазутчики, его след теряется где-то в Сербии.

– Сообщи об этом Бранковичу, – приказал султан. – Он клялся мне в верности. Пусть докажет это на деле и поймает для меня этого подлеца. А что валашский князь, куда пропал он?

– Его войска отступают к Дунаю, – произнес Шехабеддин, хмурия свои тонкие брови. – О самом князе нам ничего не известно.

Мурад покачал головой.

– Дракул еще пожалеет о том, что нарушил вассальную присягу. Он, видимо, забыл, что его дети находятся у меня...

– Повелитель! – вмешался Халиль. – Позвольте мне уладить этот вопрос. Уверен, что валахский князь впредь не совершит подобной ошибки. Более того, он мог бы стать нашим союзником. Особенно если учесть, что Валахия находится под боком у Венгрии...

– Ему придется постараться, чтобы вновь заслужить мое расположение. – Султан раздраженно заерзал на троне. – Я не тронул его сыновей лишь потому, что в будущем надеюсь увидеть одного из них на троне Валахии. Воспитанные под моим крылом, они станут куда более покладистыми правителями, нежели их отец.

После этого султан перешел к другим вопросам. Один за другим выходили его повеления и указы, писцы сменили уже по дюжине перьев, когда падишах неожиданно произнес:

– Теперь, когда все насущные дела улажены, хочу сообщить вам о том, что давно лежит у меня на сердце.

Уставшие от длительного совещания и пребывающие в полудреме, советники и вельможи, встревоженно переглянулись и приготовились внимать словам государя.

Султан аккуратно коснулся перстня на своей руке и его алый блеск отразился в усталых глазах повелителя. Затем он посмотрел на Халиля и сделал едва заметный знак. Визирь, тяжело вздохнув, протянул Мураду запечатанный документ.

– Вот здесь, – сказал султан, потрясая свитком, – содержится моя последняя воля. Вы должны принять ее так же безропотно, как принимали остальные мои решения.

– Повелитель, – подал голос Исхак-паша, – вы сказали, что это ваша *последняя* воля...

– Да, я сделал достаточно и теперь, когда империя находится в безопасности, я удаляюсь от дел и передаю всю власть своему сыну.

Сановники разом охнули и снова переглянулись. Относительно спокойными оставались лишь трое – Халиль, Заганос и Шехабеддин, они уже и прежде знали о намерениях султана, но не думали, что это произойдет так скоро.

– Если у кого-то есть возражения, пусть скажет об этом сейчас, – настойчиво проговорил султан, нарушая повисшую тишину.

– Государь, но почему ты оставляешь нас? – прохрипел старый Хизир-бей. – Быть может, мы чем-то прогневили тебя?

– Нет, – мягко ответил Мурад. – Вы преданно служили мне и каждый из вас должен продолжить свою службу у моего сына. Ему будут нужны ваши опыт и знания.

Пораженные паши и беи с удивлением глядели на своего султана. Со времен Османа, ни один правитель этой могучей империи не отказывался от власти добровольно. Тем более, было странно, что на это пошел Мурад – полный сил, сорокалетний падишах, восстановивший страну из руин, внушающий лютый страх врагам, мудрый и дальновидный политик, поэт и философ, покровитель науки и искусства. Отныне бремя власти ложится на его сына, еще неоперившегося юнца, короткое правление которого омрачилось бунтом и казнями.

Вельможи молчали, потупив взоры, и размышляли о будущем. Ни один из них не решился противиться воле своего правителя. Все они, издавна привыкшие к повиновению, не решились сказать вслух то, что лежало у каждого на сердце.

1 декабря 1444 года Мехмед вззошел на трон Османской империи под именем султана Мехмеда II, открывая тем самым новую главу в истории этого государства.

* * *

С первых же дней молодой и энергичный Мехмед взялся за решение накопившихся перед государством проблем. Впервые за долгое время он почувствовал себя свободным и эта свобода пьянила его. Не было больше строгих учителей с розгами за спиной, не было и надменных придворных отца, которые относились к нему с плохо скрываемым презрением.

Получив неограниченную власть над могучей империей, Мехмед ни на секунду не усомнился в своих силах и был уверен, что ему уготовано великое будущее.

Он не желал становиться первым среди равных, ибо пока он жив, нет и не должно быть человека, равного ему! Но и после смерти, спустя тысячи лет, его имя будут вспоминать с содроганием и почтением, ибо он впишет его в историю мечом побед и славных подвигов!

Как же добиться желаемого? Ответ был прост – обратить силу непобедимого османского войска против врагов империи, что обитают на Востоке и на Западе. Заставить их трепетать при первых звуках литавр и медных дудок, что неизменно сопровождают твердую поступь янычар! А когда все города и пастбища станут принадлежать ему, он сотрет границы и сбросит ложных идолов в море, ибо на земле, как и на небе может быть только один правитель и господин.

Об этом мечтал молодой лев и, охваченный небывалым порывом, торопился воплотить свои грандиозные замыслы.

Но нельзя построить будущее, не опираясь на прошлое. Пусть Мехмед и обзавелся широким кругом друзей и советников, но главные роли в империи по-прежнему занимали люди из окружения его отца. Великий визирь Халиль держал в своих цепких руках всю внешнюю и внутреннюю политику государства, верховный муфтий Фахреддин, несмотря на недавний инцидент с дервишем, имел непререкаемый авторитет среди духовенства. Не повлиял уход султана и на жизнь санджаков и вилайетов⁸, которыми по-прежнему управляли люди, назначенные Халилем.

Даже строгий учитель Ахмед Гюрани никуда не делся и, хотя палка больше не грозила предводителю османов, Мехмед старался лишний раз не злить вспыльчивого старика.

И все-таки юный султан был уверен, что его идеи найдут отклик в сердцах придворных и заставят их объединиться вокруг него. Позабыв, таким образом, об осторожности и пребывая в безмятежном спокойствии, Мехмед не сразу заметил опасность, которая надвигалась с неотвратимой силой.

Великий визирь Халиль, никогда не разделявший воинственных устремлений султана, не терял времени даром и сумел собрать могучую оппозицию трону. Теперь он открыто выступал против агрессивной политики Мехмеда и предлагал сосредоточить свое внимание на других, куда более важных вопросах, касающихся внутренней жизни империи. Под руководством Халиля был даже разработан план новой денежной реформы, которую с неохотой подписал юный государь.

Но ничто не могло заставить Мехмеда отказаться от своих намерений. Он часто упрекал великого визиря в чрезмерной мягкости к христианам и требовал от него увеличения дотаций на армию и флот, тем более что последний действительно находился в весьма плачевном состоянии. День за днем султан отдавал все новые приказы и распоряжения, однако многие из них исполнялись лишь формально, а другие – открыто саботировались.

День за днем борьба между визирем и султаном набирала обороты. Каждое заседание дивана отныне превращалось в настоящее поле битвы, где в ход шли не только взаимные оскорбления, но и кулаки. Теперь сановники остерегались передвигаться по темным коридо-

⁸ Санджаки и вилайеты – административно-территориальные единицы Османской империи.

рам дворца в одиночку, многие обзавелись телохранителями, другие спешно готовили противоядия.

Вот-вот должна была пролиться кровь, однако Халиль желал этого менее всего. Несмотря на свое упрямство, он умел ставить интересы империи выше собственных амбиций. И сейчас эти интересы требовали навести порядок. Любой ценой.

Впрочем. Великий визирь уже знал, какие меры необходимо предпринять.

* * *

Исхак-паша вошел в слабоосвещенную комнату и тихо закрыл за собой дверь.

– Вы звали меня? – почтительно спросил он.

Халиль сидел за своим рабочим столом, выводя пером какие-то письма.

– Проходи, – не отрываясь от своего дела, визирь указал на груду сафьяновых подушек в углу комнаты.

Исхак опустился на устланный коврами пол и стал ждать. Тем временем Халиль отложил перо, внимательно пробежал глазами по исписанному листу и, что-то тихо пробормотав, свернул его в трубочку. Затем он подошел к входной двери, плотно прикрыл и запер ее изнутри.

– Как ты прекрасно понимаешь, – сказал визирь, усаживаясь подле гостя и опуская сверток перед собой, – дворец сейчас не лучшее место для подобного рода встреч, но иного выхода у нас нет. Шпионы Заганоса не спускают с меня глаз ни днем, ни ночью и обо всем увиденном немедленно докладывают Мехмеду. А ты ведь знаешь, что наш юный султан только и ждет повода избавиться от меня.

Халиль погладил бороду и усмехнулся.

– Этот мальчишка оказался куда хитрее и расчетливее. А ведь именно я настоял на том, чтобы Мурад пригласил его во дворец и сделал своим наследником.

Визирь печально покачал головой.

– Тогда я еще думал, что смогу совладать с ним. – Он помолчал, а затем резко поднял глаза на собеседника. – Ты ведь уже слышал, что он натворил сегодня в саду?

– Об этом говорят все, – сглотнув слюну, отозвался Исхак-паша. – Мехмед приказала вспороть животы четырнадцати рабам, чтобы узнать, кто из них похитил дыню из его сада. Вора он все-таки нашел.

Глаза Халиля блеснули в полумраке.

– Вот видишь, Исхак, он добивается своей цели, не считаясь ни с какими жертвами. Это далеко не первый случай, но пока он вымещает свою жестокость на рабах, а представь, что будет дальше?

Исхак-паша невольно передернул плечами.

– Наш юный султан дик и не обуздан, – продолжил свою речь Халиль. – Мы еще натерпимся от него. То ли дело его отец – истинный падишах, мудрый и справедливый правитель, которого уважали и вельможи, и армия, и простой народ.

– Мехмед не пользуется подобной поддержкой, – согласился Исхак. – Поэтому я не думаю, что следует беспокоиться раньше времени...

– Ты недалновиден Исхак, – перебил визирь, поднимая руку. – Мехмед хитер и изворотлив как лис. После казни того дервиша он действует осмотрительно, а потому стал еще опаснее.

Исхак вспомнил Исмаила – персидского фанатика, который имел огромное влияние на принца и который стараниями Халиля закончил жизнь на костре. Вспомнил и попытался успокоить визиря:

– Однажды вы уже показали Мехмеду свою силу. Мальчишка понимает, что до вашего могущества ему далеко.

– Кто поднимал теленка, тот, в конце концов, поднимет и быка⁹, – ответил на это Халиль. – Мехмед не станет торопиться, пока не найдет способ уничтожить меня. А Заганос и Шехабеддин только рады помочь ему в этом. Эх, почему я не увидел эту угрозу раньше?

– Кто мог такое предвидеть.

Визирь поднял глаза на своего верного друга, даже ему он не решился рассказать о том, что на самом деле тревожит его душу. Ведь только теперь Халиль сумел разглядеть в Мехмеде нечто такое, чего раньше замечать не хотел. Только теперь он увидел в этом горячем и буйном юнце себя самого много лет назад. Властолюбие, спесь, беспринципность и необычайно живой ум – точно такие же качества когда-то помогли Халилю устранить всех возможных соперников и вознестись на небывалую высоту в кишасшем ядом интриг султанском серале. В лице Мехмеда он видел свое собственное отражение и опасного противника, способного разрушить все то, что он строил таким огромным трудом. Но как объяснить свою тревогу остальным?

– Ты должен знать, Исхак, – наклонившись ближе, прошептал Халиль. – Что я регулярно пишу донесения в Манису.

Лицо второго визиря выражало крайнее изумление и обеспокоенность.

– Наш падишах поддерживает с вами тайную переписку? Но с какой целью?

– Султан сам просил меня об этом. Он полагается на мое слово и хочет знать обо всем, что происходит во дворце. – Халиль взял со стола исписанный лист бумаги. – И я с готовностью предоставляю ему нужные сведения.

Исхак принял документ из рук визиря.

– А если об этом узнает Мехмед? – спросил он, внимательно прочитав донесение.

– Моя голова наверняка слетит с плеч, – как можно спокойнее произнес визирь. – Но до этого, уверен, не дойдет. Я не настолько глуп, чтобы рисковать своей жизнью. Кроме того, о моих делах не знает никто... кроме тебя.

Глаза визиря сверкнули во тьме и по телу Исхака вновь пробежала дрожь. Все знали, как высоко Халиль ценит преданность и как жестоко он наказывает тех, кто не оправдывает его доверия.

– А как же курьер? – поспешил уточнить Исхак.

– Курьер беззаветно предан мне, но даже он не знает ни содержания моих писем, ни то, кому они адресованы. На полпути его встречает один из людей Мурада, который и передает послание своему хозяину лично в руки.

Исхак понимающе кивнул.

– Если вы рассказали мне об этом, значит, вам нужна моя помощь. Не так ли?

– Ты прав.

Халиль устроился поудобнее, и, подобрав под себя несколько подушек, произнес:

– Мы оба знаем, что наш молодой султан грезит завоеваниями. И первой его целью является Константинополь. Он давно уже угрожает мне отставкой в случае, если я не выделю достаточно средств на этот поход, но, чтобы совершить задуманное, деньги далеко на главное.

Визирь поднял указательный палец, привлекая внимание собеседника.

– Главное – преданность армии, – проговорил Халиль. – Султан Мурад заслужил уважение солдат, а что ты можешь сказать о его вздорном сыне?

Исхак быстро уловил замысел визиря.

– В войсках его не любят, – ответил он.

– И это то, что мы должны использовать, – почти шепотом произнес Халиль и на губах его заиграла недобрая улыбка. – Я знаю, что сейчас Шехабеддин, пытается склонить янычар на сторону нового владыки. Мы должны опередить его и сделать так, чтобы Мехмед совершил очередную ошибку. И когда это произойдет...

⁹ Цит. Петроний.

Халиль вновь покрутил в руках готовое к отправке донесение.
– Его отец непременно узнает об этом.

Глава 6

Жизнь на лезвии клинка

Омар

Calamitas virtutis occasio.

(Бедствие – пробный камень доблести.)

Сенека

Омар не любил вспоминать свое прошлое, да и воспоминаний о нем было не так уж много. Ему не исполнилось и пяти лет, когда он оказался в руках османских работорговцев.

Как это произошло и кем были его родители, Омар не помнил, зато в его памяти навсегда останется жесткая плеть надсмотрщика Саклаба, толстого и лысого евнуха, который любил издеваться над теми, кто был слабее его. День и ночь мальчик трудился на самых тяжелых работах, перетаскивая огромные тюки с зерном и мукой, вспахивая затвердевшую от бесконечной засухи землю, в страшный зной и в лютый холод, ночами напролет сторожил хозяйский скот, а наутро, не успев сомкнуть глаз, вновь шел в поле. Так продолжалось много лет, пока однажды счастливый случай не изменил всю его жизнь.

Как-то раз Омар пас овец недалеко от обрывистого ущелья. Солнце палило нещадно, и юноша решил найти укрытие за небольшим стогом сена, где им овладела усталость и он погрузился в безмятежную дремоту. Вдруг до его ушей донесся пронзительный крик и топот приближающихся копыт. Быстро очнувшись и пересчитав овец, Омар бросился в ту сторону, откуда доносились испуганные возгласы. Подбежав к горному выступу, он увидел, как в сторону ущелья скачет красивый вороной конь. В седле, припав на круп скакуна, без сознания лежал человек, и его войлочный колпак, словно знамя, развевался по ветру. Следом во весь опор скакали еще двое, они что-то выкрикивали и махали руками, Омар сумел разобрать слова.

– Стой, Кучум! Очнись! Впереди пропасть! Твой бешеный конь несет тебя на смерть!

Юноша, быстро смекнув, в чем дело, схватил лежащую на земле веревку, завязал узел, крепко намотал другой конец на палку и бросился вниз по склону. Разъяренный конь злобно зафыркал, увидев перед собой незнакомого человека и еще более свирепо бросился вперед, но Омар был к этому готов. Ловко отскочив в сторону, давая обезумевшему животному проскакать мимо, он накинул веревку ему на шею и что есть силы уперся ногами в землю. Почувствовав удавку, конь бешено заржал и замотал головой, но не прекратил свой бег. Омар был крепок и силен, но для схватки с полудиким жеребцом сил его явно не доставало. Юноша скользил по земле, его сапоги изорвались, он уже чувствовал, как камни, словно острые клинья, впиваются в его стопы, а до сулящего смерть ущелья оставалось всего несколько аршин! Но вот конь замедлил свой бег и попытался сбросить удушающую петлю. Омар воспользовался этим и, придерживая укрюк коленом, стал еще туже натягивать веревку. Конь запрыгал на месте, изо рта его комьями летела пена, а налитый кровью взгляд устремился на Омара.

Но тут уже подоспели два отставших всадника. Один из них схватил коня за уздечку, другой, ловко вскочив на спину жеребца, вцепился в его гриву и стал шептать тихие ласковые слова. Вскоре животное было укрощено и обессиленный Омар устало опустился на землю. Колени, стопы и руки его были изодраны в кровь, а и без того старый, поношенный кафтан так истрепался, что потерял всякое подобие одежды.

Один из всадников, красивый, статный, с пышными черными усами, подъехал к Омару и, улыбнувшись, сказал:

– Спасибо тебе, парень! Если бы не ты, мой друг нашел бы верную смерть на дне этого глубокого ущелья. Скажи, чего ты хочешь, и если это в моих силах, я с удовольствием исполню твое желание.

– Господин, – с почтением произнес Омар, – не прими мои слова за дерзость, но не думаю, что ты можешь мне помочь. Я раб своего хозяина, богатого и почтенного купца Ахмета, и ни в чем не нуждаюсь, ибо ничем не могу владеть. Единственное, чего я желаю – это обрести свободу.

Всадник задумчиво поглядел на Омара, разглаживая свои пышные усы, и уже хотел о чем-то спросить, когда позади раздался высокий женоподобный голос.

– А, вот ты где пропадаешь, мерзавец! – со склона, переваливаясь и тяжело дыша, спускался Саклаб. В своих руках он по обычаю сжимал длинную многохвостную плеть, которая оставила немало отметин на спине Омара. – Ну я тебе сейчас задам такую трепку, что за неделю не оправишься!

Евнух подбежал к мальчику и, не обращая внимания на стоявшего рядом всадника, со всей силы влепил ему затрещину.

– Ну-ка, поднимайся, ленивая ты скотина! – закричал Саклаб, потрясая плеткой. – Как смел ты оставить без присмотра хозяйских овец? Моли Всевышнего, чтобы все они были на месте, а не то господин мигом сошлет тебя на рудники. Я уж лично попрошу его об этом, помяни мое слово!

Омар нахмурился и медленно побрел в сторону пастбища. Саклаб шел следом, подгоняя парня то пинками, то плетью. Всадник, сказав несколько слов своему спутнику, который в это время возился с раненым, также двинулся за надсмотрщиком и его жертвой.

Старый пастух по имени Фаррух, который также служил у купца Ахмета, уже поджидал их.

– Все стадо на месте? – еще издали окликнул его Саклаб.

– Двух недостает, – развел руками пастух. – Нигде их не могу найти.

Глаза евнуха блеснули злобным огнем, и он изо всех сил стал хлестать Омара плетью по голове и плечам, а когда тот упал, принялся колотить ногами.

– Ах ты, мерзавец! Да знаешь ли ты, что я с тобой сейчас сделаю! – кричал взбешенный Саклаб. – За каждую исчезнувшую овцу будешь у меня землю грызть!..

Евнух вновь замахнулся на Омара, но удара не последовало – ехавший следом всадник успел придержать тяжелую руку мучителя.

– Постой, не горячись! – спокойно сказал он. – Этот парень спас моего друга, и я в долгу перед ним. Скажи, сколько стоят пропавшие овцы?

Саклаб опустил плеть и с подозрением посмотрел на незнакомца.

– За каждую мой хозяин заплатил на рынке по двадцать акче, – сузив маленькие глазки, проговорил он. – Но теперь их стоимость выросла.

– Так сколько я должен заплатить?

Евнух поджал губы, судорожно прикидывая, какую сумму он сможет стрясти с этого человека.

– Пятьдесят акче!

– По рукам! – Всадник достал кожаный кошелек и отсыпал серебряные монеты в руки Саклаба. – Считай, что я купил этих овец, а парня оставь в покое!

– Эфенди, – голос евнуха вдруг стал мягким и почтительным, – ты должен понять меня правильно. Я не живодер и наказываю этого неверного раба для его же пользы. Он столько лет объедал моего почтенного господина и жил под его крышей, что совсем отбил от рук и обленился. Если я не буду учить его уму-разуму, он станет совсем непригоден к работе, а кому нужен такой раб?

– Боюсь, что пользы от твоего обучения будет немного, – заметил всадник, глядя на окровавленную спину Омара. – Так ты его совсем замучаешь.

Евнух развел руками, мол, ничего не поделаешь, такова судьба невольника.

– Послушай, что я тебе скажу. – Незнакомец спрыгнул с коня. – Меня зовут Мустафа, я сотник гвардии янычар его величества султана Мурад-хана. Судя по всему, твой раб наделен немалой силой, а кроме того, он отважен, как ирбис¹⁰. В нашем корпусе эти качества ценятся особо, отдай его мне, я заплачу за него сумму, в десять раз большую, чем ты только что получил.

Саклаб замаялся, на его лысой голове выступил пот, и он, в нерешительности покосившись на все еще лежащего в пыли Омара, сказал:

– Если тебя так интересует этот раб, почтенный Мустафа, – мелодично протянул он. – То советую сходить к моему господину. Вон там на холме стоит его дом.

Янычар кивнул и, запрыгнув на коня, помчался в указанную Саклабом сторону. Через некоторое время он вернулся и протянул евнуху листок с круглой печатью.

– Я поговорил с твоим господином, теперь этот раб переходит в собственность султана.

Саклаб пробежал глазами по бумаге, недовольно скривил губы и, бросив презрительный взгляд на Омара, проворчал:

– Ладно, щенок, ты свободен. Не знаю, что нашел этот уважаемый господин в таком куске мяса, как ты, но лучше не попадайся мне больше на глаза.

– Нет, мы еще непременно встретимся, Саклаб, – прохрипел Омар, утирая струйки крови из разбитого носа. – Я приду за тобой, и ты ответишь мне за все.

Лицо евнуха исказилось, и он с криком бросился на своего бывшего подопечного:

– Ах ты злодей! – вопил он. – Да за такие слова я тебе голову оторву!

Рука с плетью взмыла в воздух, и Омар закрыл глаза, представляя, как кожаные ремни рассекают его лицо, но вовремя подскочивший янычар метнулся к евнуху и вырвал плетку из рук истязателя.

– Ты что же делаешь, желтоухая собака! – грозно прогремел Мустафа. – Не забыл ли ты, что он теперь принадлежит султану, а того, кто поднимает руку на имущество падишаха, ждет суровое наказание.

Саклаб тут же изменился в лице.

– Прости, достопочтенный, – залепетал он, падая на колени перед янычаром. – Шайтан меня, верно, попутал. Долгих лет жизни нашему великому и мудрому падишаху!

Мустафа даже не взглянул в сторону евнуха. Подойдя к Омару, он протянул ему руку, и юноша, превозмогая боль, поднялся с земли.

– Пойдем со мной, – тихо прошептал воин. – Впереди тебя ждет совсем другая жизнь.

Мустафа помог своему подопечному взобраться в седло, и они двинулись в путь. А Саклаб, словно хищный зверь, у которого увели добычу, еще долго глядел им вслед.

Через много лет Омар сдержит слово и найдет своего давнего обидчика. И плетью евнуха вновь начнет свой излюбленный танец, только на этот раз плясать она будет на рыхлой спине своего хозяина. Нет, Омар не станет убивать Саклаба, а доверит Аллаху решать судьбу этого скверного человека. Впрочем, перед тем как передать евнуха на милость божьего суда, он ответит его в безлюдные и засушливые долины Каппадокии, куда ни один, даже самый смелый погонщик не решится завести свои караваны. Если Саклаб сумеет выбраться оттуда, значит, боги милосердны к нему, а если нет... Что ж, Омар по крайней мере дал ему возможность побороться за свою жизнь.

Но это будет еще нескоро, а пока Омар вместе со своим новым хозяином – сотником Мустафой возвращался в Манису, где ему предстояло пройти длительное обучение, прежде

¹⁰ Ирбис – снежный барс, обитающий в Центральной Азии.

чем вступить в ряды «нового войска» султана. Омар примет ислам, забудет о своем прошлом, выучит тюркский язык и станет постигать основы военного ремесла и дисциплины. Сильный, ловкий и способный мальчик сразу же обратит на себя внимание учителей, и его отправят в Эдирне, где он, закончив обучение, получит долгожданное звание янычара. После этого Мустафа с радостью зачислит его в свою орту¹¹.

В этот счастливый день перед Омаром раскрылись двери султанского сераля. Он оказался в совершенно ином, запретном мире, куда получали доступ лишь немногие. Бывший раб, жизнь которого прошла в нищете и страданиях не мог и мечтать о подобном. Но Омара нельзя было ни ослепить, ни очаровать обманчивым блеском золота и алмазов. Он, сразу же увидел, темную, пропитанную ядом, изнанку всего этого великолепия и душу его обуяла тоска. Омар уже успел полюбить свободу и потому с большим энтузиазмом воспринял весть о новом походе против неверных.

Янош Хуньяди давно тревожил западные границы империи и султан отправил против него лучшие войска. Среди них оказался и отряд Мустафы. Война с хитроумным венгром прославила имя Омара среди янычар, но лишила единственного друга: Мустафа пал в битве у Железных ворот, перед смертью вручив Омару свою саблю. Этот клинок, Омар хранил как реликвию в память о горячо любимом командире и наставнике, который когда-то сжалился над бедным мальчиком-рабом и, сломав его оковы, подарил возможность прожить настоящую жизнь. И благодарность за это он пронесет до самой своей смерти.

После войны, султан, прослышав о подвигах Омара, решил вновь вернуть его во дворец, а впоследствии поручил заняться обучением своего сына – юного принца Мехмеда, искусству обращения с мечом и луком. В этом деле могучий и непобедимый янычар давно уже перецеголял даже своих собственных учителей, и вскоре выяснилось, что выбор султана был не напрасен.

Омар с готовностью принялся обучать принца всем премудростям боевого искусства, и поначалу разочарованию его не было предела. От рождения Мехмед обладал слабым здоровьем и не был наделен ни силой, ни ловкостью, однако мальчик с лихвой компенсировал эти недостатки упрямством и терпением. Превозмогая усталость и боль, Мехмед продолжал изнурительные тренировки, хотя сам уже едва держался на ногах, а тело его сплошь покрывали синяки и ссадины.

Наследник обладал железной волей, которая не позволяла ему опускать руки и мириться с обстоятельствами. Омар, который научился хорошо разбираться в людях, особенно в тех, с кем ему предстояло скрестить клинки, сразу же понял это. Он видел, что в душе принца клокочет ненависть, точно такая же, которая сжигала и его, покинутого богом и презираемого всем миром раба. Кто знает, быть может, именно это и сблизило их, таких не похожих друг на друга людей.

Очень скоро Омар превратился в личного телохранителя, а затем и советника Мехмеда. Он всюду следовал за юным султаном. Глаза, уши и меч янычара всегда были наготове, чтобы отразить любую опасность, грозящую владыке. Так было и в тот памятный день, когда над тронном Мехмеда неожиданно сгустились грозные тучи.

* * *

К середине XV века янычары стали элитой османской армии, ее гордостью и основной ударной силой. Идея создания такого рода войск принадлежит прапрадеду Мехмеда, султану Мураду I, пожелавшему создать мощный противовес влиянию аристократии, которая опиралась на сипахов.

¹¹ Орта – подразделение корпуса янычар численностью от 100 до 500 человек.

Янычары комплектовались из христианских юношей, через специально введенный для этой цели «налог кровью» («девширме»), который были обязаны «платить» все христиане, проживающие на территории империи. На практике это была система принудительного набора – детей навсегда разлучали с их семьями, обращали в ислам, а затем воспитывали в духе беззаветной преданности Османской империи и лично султану.

Янычары имели лучшее снаряжение и умели обращаться со многими видами оружия, кроме того, они были беспредельно храбры и почитали за честь погибнуть на глазах своего любимого падишаха. Но, несмотря на универсальность и незаменимость янычар в бою, существовала и обратная сторона этого войска.

Дело в том, что по мере роста и укрепления янычарского корпуса, росла и опасность, что однажды эта сила станет неуправляемой. Чтобы держать янычар в повиновении, падишахи старались совмещать щедрые подарки с жестокими дисциплинарными наказаниями за малейшие проступки. Такой метод неизменно приносил свои плоды, но лишь до тех пор, пока янычары были преданы своему правителю.

После отречения любимого всеми султана Мурада II и воцарения на престоле его неопытного, вспыльчивого сына, в рядах янычар началось брожение. Вначале тихо, а потом все громче, солдаты выражали свое недовольство молодым правителем. Они то и дело требовали, как можно скорее начать новый поход и повысить жалование, а кроме того, выдвигали массу других условий.

Мехмед поначалу не придавал должного значения этим требованиям и даже приказал высечь особо ретивых наглецов. Но очень скоро ситуация начала накаляться. Посланные султаном палачи, были обезоружены и привязаны к позорным столбам. Узнав об этом, Мехмед пришел в ярость. Он отправил гонцов с требованием немедленно прекратить мятеж и выдать зачинщиков, но это лишь усугубило положение и его посланники вернулись ни с чем. Янычары быстро выходили из повиновения, опрокидывали медные казаны¹², отказывались подчиняться приказам офицеров и выбирали своих собственных командиров. Вскоре они двинулись на столицу, устраивая погромы в торговых кварталах и нападая на всех без разбору. В городе вновь начались волнения. Купцы и богачи спешно покидали Эдирне, остальные боялись показаться на улицах.

В эти тревожные дни Мехмед находился в самом скверном расположении духа. Он видел, что не в силах контролировать положение и малейшая ошибка могла обернуться для него катастрофой. Раз за разом молодой султан собирал вокруг себя доверенных людей, желая узнать их мнения, но слова вельмож ввергали его во все большую тоску.

Халиль настаивал на том, чтобы Мехмед выслушал требования янычар и выполнил хотя бы те из них, которые он сам сочтет разумными. Но султан отказывался даже слышать об этом. Разве может он, великий падишах, защитник правоверных, владыка суши и морей, отступить перед своими собственными рабами? Если Мехмед теперь даст слабину, этим непременно воспользуются его враги и тогда...

Впрочем, времени на размышления уже не осталось. Очень скоро янычары окружили султанский дворец и разбили свои палатки прямо под его окнами. Целый день они били в бубны и выкрикивали оскорбления в адрес молодого правителя, требуя, чтобы султан сам вышел к ним.

Это был уже открытый вызов и Мехмед, несмотря на слезные просьбы своих советников, решил больше не прятаться за высокими стенами дворца.

– Янычары не посмеют причинить вред наследнику Османа, – спокойно говорил он. – Я напомню им о клятвах, которые они давали мне и моему отцу.

¹² Опрокидывание казана у янычар считалось символом неповиновения и мятежа

– А если это не поможет? – спросил встревоженный не на шутку Заганос. Он сам прошел обучение среди янычар и прекрасно знал их непредсказуемый нрав. – Если они возжелают вашей смерти?

Мехмед пожал плечами и слабо улыбнулся.

– Мои предки создали великую империю лишь потому, что никогда не отступали перед опасностями. Если я не выйду к янычарам сейчас, то прослышу трусом. А это много хуже смерти.

– Возьмите хотя бы охрану.

– Со мной пойдет Омар, он защитит меня гораздо лучше, чем отряд обленившихся придворных стражников.

Взгляды всех сановников устремились на рослого янычара, который словно скала возвышался позади их юного правителя.

– Быть может, мне следует отправиться с вами? – предложил Халиль.

Мехмед с подозрением посмотрел на первого визиря и холодно произнес:

– Я бы не хотел рисковать твоей драгоценной жизнью, Халиль. Ты много лет служил моему отцу, а в будущем, надеюсь, еще послужишь мне. Твое место здесь и что бы ни случилось, не покидай пределов дворца.

– Как прикажете, повелитель, – покорно ответил визирь. Его лицо выражало крайнюю озабоченность. – Но на всякий случай я предупрежу стражу. Они придут на помощь, в случае необходимости.

– Делай как знаешь. – Мехмед поднялся с трона и в сопровождении Омара спустился во внешний двор, остановившись перед главными воротами. По его знаку слуги бросились к подъемным механизмам.

Мехмед взглянул на Омара и, улыбаясь, сказал:

– Ну что, посмотрим, что готовит нам судьба.

Янычар ответил султану коротким кивком и по привычке опустил ладонь на рукоять сабли.

Ворота распахнулись, и султан, облаченный в позолоченную кольчугу и опоясанный мечом, вышел навстречу шумной толпе янычар.

* * *

– Глупый, упрямый мальчишка! – кричал великий визирь, вышагивая по мягким персидским коврам, устилавшим каменный пол его кабинета. – Кем он себя возомнил! Неужели он думает, что янычары станут его слушать?

– Боюсь, это наша ошибка, – нервно переминаясь с ноги на ногу, сказал Исхак-паша. – Ведь это мы подтолкнули его к такому решению.

– Я полагал, что, споткнувшись о свою гордыню, Мехмед сделает выводы и обратится за помощью ко мне, но он решил размозжить себе лоб! – глаза визиря наполнились ужасом. – Если с ним что-нибудь случится, Мурад обрушит свой гнев на нас!..

Он не успел договорить – за стенами дворца послышался дикий рев.

– Что это?

– Похоже, янычары не слишком обрадовались появлению султана, – заметил Исхак, подбегая к узкому окну. – Но почему мы бездействуем? Они же убьют его!

Визирь застыл на месте. Его взгляд упал на стол, где лежали письма из Манисы. Несколько секунд он решал, как следует поступить.

– Мы не останемся в стороне, Исхак! – облизнул губы визирь, – Мехмед сам загнал себя в западню, осталось только захлопнуть ловушку.

* * *

Янычары встретили султана диким воем. Сразу несколько десятков бойцов обступили владыку османов, едва он покинул дворец. Они кричали, усмехались, отпускали непристойные шутки, но избегали подходить слишком близко – мало кому хотелось иметь дело с Омаром.

Мехмед тем временем продолжал невозмутимо двигаться вперед. Он не отвечал на оскорбления и глядел только перед собой, словно не замечая того, что происходит вокруг. Пройдя в середину лагеря, он поднял руку, призывая к тишине, однако никто не обратил на это внимание. Тогда Омар сорвал черпак, висевший на поясе одного из янычар и со всей силы ударил им в большой медный таз, висевший на кожаных ремнях. Гул быстро разнесся по лагерю.

– Слушайте все! Сейчас будет говорить государь! – проревел Омар.

Когда крики стихли, вперед выступил Мехмед.

– Кто здесь главный? – спросил он. – С кем я могу говорить?

– Говори со всеми! – отвечали ему. – У нас тут главных нет!

Мышцы на лице Мехмеда дрогнули, но он совладал с собой и как можно громче воскликнул:

– Знайте, что я не желаю враждовать с вами, ибо нуждаюсь в вас. Вы – гордость и опора моей империи. Но даже вам не позволено нарушать установленный порядок. По какому праву вы восстаете против своего государя и берете в плен моих людей? По какому праву устраиваете бесчинства в городе? Эти поступки могут расцениваться лишь как измена!

Среди янычар послышался недовольный ропот.

– Однако, в память о ваших былых заслугах, – продолжил султан. – Я готов простить вас. Конечно, при условии, что вы немедленно вернетесь в казармы.

Мехмед сделал паузу, следя за реакцией толпы. Янычары долго переговаривались, пока, наконец, не послышались выкрики:

– Нам не нужно твое прощение! Лучше выполни наши требования!

– Да что он нам может сделать? Он сосунок еще! Пусть уходит отсюда!

– Верно! Убирайся обратно под подол своей матери!

Послышался дружный смех.

Кровь прилила к лицу Мехмеда, а глаза наполнились гневом:

– Да как вы смеете? Жалкие рабы! Я ваш государь и ваши жизни в моих руках!

Смех мгновенно затих и воцарившуюся тишину нарушал теперь лишь слабый шум ветра, колыхающий знамена и откидные полотнища палаток. Янычары молча переглядывались, как будто решая, что делать дальше. Кто-то мрачно глядел на перекошенное от гнева лицо молодого султана, кто-то качал головой, а некоторые уже потянулись к поясам, где висели их отточенные клинки. Едва ли кто-нибудь из присутствующих представлял, что произойдет в следующую секунду, но за жизнь наследника престола поручиться сейчас не мог никто. Напряжение возрастало с каждой секундой, и развязка приближалась с пугающей неотвратимостью.

Мехмед не произнес больше ни слова, он, кажется, и сам понял, что перегнул, но оправдываться времени уже не было.

– Отойдите, государь, – спокойно, но настойчиво прошептал Омар, в его руках уже блеснула сабля.

Мехмед подчинился с крайней неохотой. Отступив назад, он позволил своему учителю загородить его от враждебно настроенных солдат.

– Негоже могучему султану прятаться от своих слуг! – насмешливо крикнул кто-то из толпы.

– Прежний падишах никогда не боялся опасностей и не прятался за спиной своего раба! – согласился с ним другой.

– Я не раб! – спокойно сказал Омар, сосредоточенно глядя по сторонам, стараясь не упустить ни единого движения воинственно настроенной толпы. – Я юзбаши¹³. Янычар, такой же, как и вы! Но, в отличие от вас, я не забыл присягу, которую давал, и если кто-нибудь из вас решит причинить моему повелителю зло, пусть выходит сюда, и тогда посмотрим, чего он на самом деле стоит!

Он опустил клинок, указывая на пустую площадку перед собой. В ответ янычары вновь подняли свирепый гул, но ни один не решался бросить вызов столь искусному воину. Слишком многие прежде пытались расправиться с Омаром, но их имена давно забыты, а он стоит здесь, живой и невредимый, ожидая очередного соперника.

– Лучше убери меч! – крикнул кто-то из толпы. – Ты славный воин, но в одиночку даже тебе не выстоять против нас. А ну как мы всем скопом на тебя бросимся?

– Да хоть бы и так. – Омар с отвращением сплюнул на землю, чем привел толпу в еще большее бешенство.

– Последний раз говорим: отходи в сторону и ступай отсюда!

– Давай поживей!

Янычар обернулся к Мехмеду.

– Встаньте ближе ко мне, государь, – прошептал он. – И лучше обнажите клинок, пришло время вспомнить наши уроки.

Мехмеда била дрожь, но он все же достал из ножен свой короткий меч дамасской стали, когда-то подаренный ему отцом, и крепко обхватил его вспотевшими руками. В ответ на это несколько янычар также обнажили свои клинки и стали медленно приближаться к султану.

Омар внимательно следил за каждым движением своих противников, готовый в любой момент отразить атаку, направленную на Мехмеда. Однако янычары медлили – ни один из них не желал проливать священную кровь своего правителя. Каждый надеялся, что это сделает его товарищ.

– Ну что же вы застыли? – надрывисто крикнул Мехмед. Он уже переборол свой первый страх, и теперь его пьянила безумная мысль о предстоящей схватке. – Вы хотите убить меня, вашего султана! Так зачем ждать? Вот он я, прямо перед вами!

Напряжение достигло критической точки, и теперь любое неверное движение могло спровоцировать бойню. Янычары ждали только удобного повода. Ждали, что Мехмед сам набросится на них, и тогда их совесть будет чиста. А юный султан и правда уже готов был сорваться, он сделал шаг навстречу солдатам...

Заметивший это Омар хотел броситься на помощь, когда внезапные крики и топот копыт разрешили давящую тишину.

– Дорогу великому визирю!

Янычары расступались перед отрядом хорошо вооруженных тимариотов – личной охраны Халилия-паши. Остановившись около Мехмеда, визирь с удивительной для его преклонных лет ловкостью соскочил с коня и припал к ногам султана.

– Я не нуждался в твоей помощи, Халиль, – процедил сквозь зубы Мехмед. – Зачем ты здесь?

– Сейчас вы все поймете. – Халиль встал и обернулся к янычарам. – Эй, доблестные солдаты ислама, знаете ли вы, кто стоит перед вами?

– Знаем! Ты – Халиль, великий визирь.

– Верно! Я пришел сюда, чтобы выслушать вас. Скажите, какие тревоги привели вас сюда, под окна султанского сераля?

Толпа янычар подняла дикий гомон, в котором смешались тысячи голосов, и пришлось ждать достаточно долго пока этот шум поутихнет.

¹³ В Османской империи титул начальника сотни.

– Пусть говорит кто-нибудь один! – громко произнес Халиль, поднимая руку к небу.

Янычары замолчали, и через некоторое время из задних рядов выступил широкоплечий воин в форме аги янычар. Его чисто выбритое, обветренное лицо было отмечено белесыми шрамами. На Халиля он глядел с вызовом и без всякого почтения, ибо знал, на чьей стороне истинная сила.

– Я Казанджи Доган, – спокойно промолвил янычар. – Ты спрашивал, какие тревоги привели нас под двери этого великолепного дворца, и я отвечу тебе.

Казанджи сделал знак рукой, и подскочивший чорбаджи¹⁴ вложил в нее исписанный лист бумаги.

– Все наши требования изложены здесь. – Казанджи протянул бумагу Халилю. – На словах могу сказать, что мои братья, во-первых, требуют выплатить им жалование, которое полагалось выдать еще полгода назад, и чего сделано не было. Во-вторых, мы требуем повысить довольствием каждого солдата нашего корпуса до двух акче в день, а офицеров в зависимости от ранга до десяти! Также мы требуем организации нового военного похода, но поскольку Мехмед еще слишком юн и неопытен, мы не желаем видеть его своим господином, пока жив его отец!

Последние слова ага янычар произнес особенно громко, и толпа взорвалась дружным одобрительным гулом. Халиль быстро взглянул на Мехмеда, султан стоял неподвижно, лишь из-под сдвинутых бровей блестели его янтарные глаза.

– Вы слышали их, государь, – наклонился к нему визирь. – Быть может, вам есть что ответить?

Мехмед скривил губы и, прищурившись, посмотрел на Халиля.

– Они не станут меня слушать, – огрызнулся он. – Говори с ними ты!

Визирь кивнул и вновь повернулся к аге янычар.

– Ваши требования понятны. Обещаю, что они будут нами рассмотрены.

– Этого недостаточно, – заявил Казанджи. – Мы хотим видеть нашего законного правителя, султана Мурад-хана. Только ему мы можем доверять, и лишь он один способен рассудить это дело по справедливости.

Халиль вопросительно посмотрел на Мехмеда. Тот нетерпеливо кивнул и отвернулся.

– Хорошо, – сказал визирь янычарам. – Мы сегодня же пошлем гонца в Манису. А до тех пор прошу вас прекратить беспорядки и вернуться в казармы.

– Мы не вернемся в казармы до тех пор, пока не увидим султана! – дерзко ответил Казанджи. – Однако я обещаю, что лично буду следить за порядком в лагере.

Халиль кивнул.

– Идемте, государь, – сказал он Мехмеду. – Здесь нам больше делать нечего.

Мехмед помедлил, обернулся и сказал, обращаясь к Казанджи Догану:

– Ты напрасно думаешь, что одержал верх. Придет время, и мы продолжим разговор, только тогда ты проявишь ко мне куда больше почтения.

Сказав это, он вскочил на вороного коня, которого подвел к нему один из тимариотов, и, не говоря больше ни слова, рысью направился в сторону дворца. За ним последовала и вся его свита.

* * *

– Ты не должен был покидать дворец! – в ярости кричал Мехмед. – Я же приказал тебе!

– Они убили бы вас, – оправдывался Халиль. – Я всего лишь исполнил свой долг...

¹⁴ Чорбаджи – офицерский чин. У янычар соответствовал полковнику.

– Лучше смерть, чем этот позор! – воскликнул султан. – Теперь они сочтут меня слабым, неспособным управлять и принимать самостоятельные решения!

– Янычары всегда были своенравны, – спокойно промолвил Халиль, оправляя складки своего халата. – Давайте подождем возвращения вашего отца. Он наверняка сумеет навести порядок.

– Он будет презирать меня, – тихо прошептал Мехмед. – Я не оправдал его надежд.

– Напрасно вы так говорите, ваш отец любит вас и не станет держать зла...

– Не лги мне, Халиль! Ты ведь прекрасно знаешь, что отец всегда любил лишь Алаэддина. Он должен был взойти на трон, не я!

Мехмед горько усмехнулся.

– Именно поэтому все считают, что я недостойн править, что я занимаю чужое место! – продолжил сокрушаться султан. – Они вспоминают моего брата, всеобщего любимчика, которым так восторгались и которому доставалось все лучшее. А что было уготовано мне? Ты ведь знаешь!

Халиль молчал. Он знал о тайном распоряжении Мурада, которое тот отдал сразу после подавления мятежа самозваного принца Мустафы.

«Пусть тот из моих детей, кто встанет после меня во главе империи, не побоится умертвить своих братьев. В этом кроется единственная возможность избежать раскола внутри правящего дома Османов».

Визирь знал, что ждало Мехмеда в случае восшествия на престол Алаэддина, но не сказал ни слова. В конце концов, юноша понял это и сам.

* * *

– Все вышло так, как мы с тобой и задумали, Исхак, – улыбнулся Халиль, оставшись наедине со своим другом. – Султан очень скоро получит известие о ситуации в столице. Вдобавок к этому я направил ему письмо, где в подробностях изложил нашу версию событий. Он будет вынужден вернуться и снова взять власть. В противном же случае янычары опять поднимут мятеж.

– Ваш план был продуман безупречно, – угодливо произнес Исхак. – Должен признать, поначалу даже мне казалось, что провоцировать янычар на бунт – самоубийство, но вы смогли разжечь этот огонь и направить его против ваших врагов. Блестяще!

– Иначе и быть не могло, – самодовольно улыбнулся Халиль. – Янычары с самого начала были недовольны Мехмедом, а я лишь дал им повод открыто выступить против него. Своими неразумными действиями мальчишка сам подготовил почву к своему свержению.

– А что же наш юный султан? – сверкнул глазами Исхак. – Как он отнесся к своему поражению?

– Мехмед подавлен и разбит, – спокойно произнес Халиль, словно врач, который ставит неутешительный диагноз. – Заперся в своей комнате и не выходит оттуда. Думаю, этот урок он запомнит надолго.

– Главное, чтобы он сделал правильные выводы, – заметил второй визирь. – Ведь рано или поздно Мехмед все-таки взойдет на престол, и тогда он может припомнить нам участие в этом мятеже.

Халиль подошел к окну и задумчиво произнес:

– Пока Мехмед остается единственным наследником, такая возможность существует. Но ведь Мурад еще довольно молод и не исключено, что в скором времени появятся другие претенденты на османский трон.

Исхак поднял брови.

– Похоже, вам известно то, о чем пока не известно мне. Не могли бы вы приподнять завесу тайны?

– Всему свое время, Исхак, – загадочно улыбнулся визирь. – Не стоит думать об этом сейчас. Просто учти, есть реальная возможность, что Мехмед никогда больше не взойдет на османский престол.

Глава 7

Францис 1445–1446 годы Мистра

Матфей Асень сидел напротив меня, подложив под спину несколько подушек. Тяжелая рана, нанесенная ему османским клинком под Варной, уже затянулась, однако выглядел он неважно. Песочного цвета волосы слиплись от пота, глаза были полуприкрыты, а бледное лицо выражало чудовищную усталость.

– Ты проделал долгий и опасный путь, – произнес я. – В твоём состоянии это неразумно. Матфей качнул головой.

– Лучше уж умереть в дороге, чем смиренно ждать своей участи. – Молодой человек поморщился, меня положение на стуле. Некоторые движение все еще давались ему с трудом. – После Варны Болгария потеряла остатки независимости. Теперь это одна из провинций Османской империи. На родине меня объявили изменником, а люди султана преследуют на каждом шагу.

Протянув дрожащую руку к чаше с вином, Матфей залпом осушил ее и продолжил:

– Мне некуда больше возвращаться, Георгий. Судьба болгарского народа теперь зависит от твоего императора, и я прибыл сюда, чтобы вступить в его войско.

– Похвально, – кивнул я. – Морея очень нуждается в таких отважных людях. Однако ставка нашей армии находится сейчас в Фивах, почему же ты решил явиться сюда? Полагаю, это связано с делом, которое я поручил тебе.

– Ты прав, – отозвался Матфей, утирая пот со лба. – Я нашел человека, о котором ты просил. И даже говорил с ним.

Я в нетерпении пододвинулся ближе к столу.

– Значит, он жив...

– Жив, – кивнул головой Матфей. – По крайней мере был. До той злополучной битвы.

Он снова заелозил на стуле и тихо выругался – даже после нескольких месяцев раны давали о себе знать.

– Полагаешь, Константин Грайтца мог уцелеть? – спросил я.

Матфей пожал плечами.

– Его гибели я не видел. Но и среди отступавших войск о нем ничего не было слышно.

Около минуты мы молчали.

– Что ты можешь сказать о нем? – нарушив тишину, спросил я.

Матфей потерял в руках опустевший кубок, вздохнул и отставил его в сторону.

– То же самое, что и ты однажды сказал обо мне. – На лице юноши появилась вымученная улыбка. – Он честен, добр и смел.

– Ты забыл еще об одном своем качестве, – поправил я. – О верности.

– Верности? – Матфей поднял брови. – О верности кому ты говоришь, Георгий? Насколько я могу судить, этот человек лишился всего, что имел. Дом, семья, состояние и, даже, честь – все это у него забрали. Так кому он должен быть верен?

В комнате вновь воцарилась тишина.

– Я вижу, ты проникся к нему теплыми чувствами. А ведь он преступник, не забывай об этом.

Матфей фыркнул.

– Если он и оступился в своей жизни, то уже претерпел достаточно, чтобы смыть свой позор.

– Есть грехи, за которые расплачиваются только кровью... – протянул я. – Что же, ступай, ты выполнил все, о чем я просил. Надеюсь, что в следующий раз мы свидимся при более благоприятных обстоятельствах.

Я сделал знак слуге, и тот помог юноше подняться на ноги.

«Храбрый мальчик, – подумал я, глядя вслед удивляющемуся болгарскому царевичу. – Воистину, тяжелые времена рождают сильных и благородных людей».

* * *

Прошло почти полтора года с тех самых пор, как я стал верховным архонтом Мистры. Император наделил меня самыми широкими полномочиями и очень многие теперь старались заручиться моей дружбой и поддержкой. Впрочем, власть и титулы были для меня словно пыль, а лесть придворных – подобна жужжанию мух.

Я знал, что могу быть полезен на том посту, куда определил меня император и исправно исполнял свои обязанности. Я сумел побороть многоначалие и практически под корень уничтожил мздоимство, справился с голодом после страшной засухи и локализовал начавшуюся было эпидемию чумы. Предстояло сделать еще многое, но время поджимало – война, затеянная Константином Палеологом на Балканах, эхом отзывалась и здесь, в далеком от суеты большого мира, городе морейских деспотов.

Почти каждый день я принимал у себя иностранных послов. Со всем смирением, дарованным мне небесами, я выслушивал их требования, просьбы, а иногда и угрозы. Все эти люди прибывали в Мистру лишь с единственной целью – узнать о дальнейших планах царевича Константина.

Впрочем, я сам оставался в неведении относительно того, как далеко может зайти мой господин в своей отчаянной борьбе. Однако пока его войскам улыбается удача, нет причин полагать, что он остановит свои завоевания.

После года непрерывных боев Константин Палеолог сумел объединить под своей властью всю Центральную Грецию – от Коринфского перешейка до самых Афин. Тем временем Иоанн Кантакузен, выступил против карательного корпуса османов, направленного на подавление греческого мятежа. В нескольких битвах он наголову разбил турецкие войска и занял ряд крепостей, одну из которых, благодарные местные жители даже переименовали в его честь.

Очень скоро слухи об успехах Константина Палеолога достигли и Рима. Папа Евгений вновь призвал всех христиан объединиться против неверных и даже попытался организовать новый крестовый поход, однако в памяти европейцев трагедия под Варной была еще слишком свежа и интереса к новому предприятию никто так и не проявил.

И все-таки триумф Константина в Греции был одобрен далеко не всеми. Венецианцы, почувствовавшие серьезную угрозу своим торговым интересам, потребовали от царевича немедленно остановить боевые действия. В случае отказа республика Святого Марка грозила разорвать дипломатические отношения с Мореей и Константинополем. Однако Константин оставил все эти угрозы без ответа, чем привел венецианских послов в еще большее бешенство.

Назревающий конфликт мог зайти очень далеко. В конце концов, за его разрешение пришлось взяться мне. Используя все свои связи при венецианском дворе, я добился приезда в Мистру герцога Антонио Диедо, который являлся личным представителем дожа¹⁵. Когда мы остались наедине, он начал говорить напрямик:

¹⁵ Венецианский дож – титул выборного главы республики. Избирался из числа самых богатых и влиятельных семей Венеции. Обычно дожи управляли страной до самой смерти, хотя имелись случаи разжалования с поста прежде времени.

– Между Венецией и Константинополем слишком много противоречий. И разрешить их в короткие сроки будет очень сложно. Но правитель Венеции не желает враждовать ни с императором ромеев, ни с его братом и хочет поскорее укрепить связь между нашими державами.

– Видит бог, – сказал я, – мы все желаем того же. Но каким образом это можно сделать?

Итальянец с недоверием покосился на Алексея, моего секретаря, а затем произнес:

– Нам хорошо известно, что правитель Мореи Константин Палеолог не так давно потерял супругу. Это трагическое происшествие... Однако царевич еще достаточно молод, и быть может, в новом браке он найдет утешение, которого ему так не доставало все эти годы?

Венецианец замолчал, пристально глядя на меня.

– Полагаю, у вас даже есть подходящая кандидатура? – спросил я.

– Верно, – учтиво улыбаясь, отозвался посол. – У нашего правителя Франческо Фоскари имеется дочь. Она умна, красива и образованна, а кроме всего прочего, за ней числится солидное приданое. Думаю, она составит прекрасную пару вашему господину.

Я быстро понял, что это предложение из разряда тех, от которых нельзя так просто отказаться. Венецианский дож не примет отказа и, несомненно, найдет, как отомстить.

– Если ответ будет положительным, – заметив мои сомнения, поспешил добавить Диедо, – нам удастся уладить многие противоречия, ведь экономические и торговые связи сплачивают гораздо слабее, нежели семейные узы.

– В эти непростые времена мы будем рады видеть Венецию в числе своих союзников, – ответил я, чтобы мой ответ нельзя было трактовать ни как согласие, ни как отказ.

Выпроводив венецианского посланника и устало опустившись на стул, я взглянул на своего секретаря.

– Что скажешь? Как тебе его предложение?

– Весьма своевременно, – сказал Алексей, оторвавшись от бумаг. – Союз с Венецией заметно укрепит наши позиции на Балканах.

– Это верно, – вздохнул я. – Но не забывай: венецианцы не так глупы, каждый их шаг хорошо продуман. И мне вполне ясно, чего они добиваются этим браком.

Алексей посмотрел на меня вопросительным взглядом.

– Наш император Иоанн тяжело болен, – с грустью сказал я. – Это ни для кого не секрет. Неизвестно, как долго проживет василевс, но уже сейчас все вельможи и сановники, словно коршуны, слетаются в Константинополь, чтобы вовремя ухватить свой кусок. Все они ждут, что Иоанн назовет имя преемника. Феодор, Константин, Димитрий и Фома – каждый из братьев надеется взойти на трон, пусть и не говорит об этом открыто. Но лишь один будет править, и если император скончается до того, как с его уст слетит имя наследника, тогда престол займет сильнейший. А тот, кто окажется подле него, получит все возможные блага.

– Вы думаете...

– Я почти уверен: Франческо Фоскари хочет сделать ставку на царевича Константина и, если мой господин все-таки взойдет на трон, венецианцы получат полный контроль над торговлей и государственным аппаратом империи. На пользу ли это нам?

Алексей, отложил перо и, немного подумав, произнес:

– Константинополь давно зависит от венецианских и генуэзских торговцев. Пока латиняне богатеют, греки нищают, но долго это продолжаться не может.

– Люди слишком устали от тех, унижений, которые сыпались на их головы все последнее время, – согласился я. – В этих бедах они видят руку венецианцев и, говоря, по правде, в чем-то они правы. Но мы должны отбросить чувства и действовать, соглашаясь с интересами государства.

– И в чем этот интерес? – осведомился Алексей.

– Я думаю нам не стоит торопиться, – ответил я. – Подождем и увидим, чего стоят клятвы латинян...

Внезапный шум в коридоре прервал наш разговор. Через минуту двери распахнулись и в зал влетел офицер придворной стражи.

– Господин! – крикнул запыхавшийся воин. – У нас беда! Склад с зерном...

– Что с ним? – я вскочил на ноги, а вместе со мной поднялся и Алексей.

– Его охватило пламя. Здание выгорело практически полностью!

– Как это произошло? Куда смотрела стража?!

– Пока нам ничего не известно, – ответил офицер. – Все силы брошены на борьбу с огнем.

– Ступай. Я скоро буду!

Воин поклонился и поспешно выбежал за дверь.

– Там же все наши запасы! – в ужасе воскликнул Алексей. – А ведь до следующего урожая еще почти четыре месяца! Мистре грозит голод!

– Теперь уже поздно об этом думать, – бросил я, выбегая из-за стола. – Пойдем посмотрим, что там случилось.

Картина, которая предстала моим глазам, выглядела удручающе. Склад действительно сгорел дотла и лишь обугленные камни, составлявшие некогда основу здания, чернели теперь на фоне догорающих балок.

– Судя по всему, его подожгли изнутри, – сказал один из офицеров, когда я оказался на месте. – Снаружи неотлучно дежурила стража и никто не смог бы подобраться к нему незамеченным, тем более днем.

– Но каким образом поджигатель оказался внутри? – теряя терпение, спросил я. – Лично мне неизвестно, чтобы к этому складу вели иные пути. Скажи еще, что кто-то сделал подкоп.

– Это звучит странно, – пробубнил офицер. – Но кажется, именно так поджигатель и пробрался на склад.

– Что? Да ты в своем ли уме? – не сдержался я. – Как такое возможно?

– Я сейчас все покажу.

Мы подошли к обгоревшим руинам, где несколько человек разбирали завалы.

– Посмотрите вот сюда. – Офицер указал на глубокую, полузасыпанную яму. – Здесь когда-то находился подвал, он почти не использовался и его накрепко заколотили еще лет десять назад. Однако теперь, крышка оказалась сорвана с петель. По правде сказать, даже не представляю, какой силой надо обладать, чтобы сотворить такое.

– Наверняка для этого использовалось что-нибудь тяжелое, – сказал я, внимательно осматривая деревянную крышку, обитую железными листами. – Но в таком случае грохот от ударов был бы слышен на весь город.

– Солдаты клянутся, что ничего подозрительного не слышали.

– Что ж, допустим. – Я еще раз окинул взглядом скорбную картину недавнего пожара. – А как же дым и языки пламени? Этого они тоже не заметили?

– Мы бросились тушить пожар, сразу же! – принялся оправдываться начальник караула. – Только вот...

Офицер запнулся.

– Продолжай! – приказал я.

– Это был непростой огонь, – сказал воин. – Потушить его было невозможно, и он распространялся с невероятной быстротой, грозя перекинуться на соседние здания. Даже камни плавились под его жаром. Клянусь, это был сущий ад.

«Жидкий огонь? – промелькнуло в моей голове. – Нет. Этого не может быть».

– Узнайте, куда ведет подземный ход, допросите всех, кто видел что-нибудь подозрительное, – распорядился я. – Все зерно, которое удалось спасти, снесите во дворец. Мой секретарь лично проследит за его учетом. А сейчас вызовите ко мне начальника дворцовой стражи!

– Я уже здесь! – передо мной появился воин, в чешуйчатом доспехе. В одной руке он держал металлический шлем-касион с кольчужной бармицей¹⁶, другой – придерживал висящий на поясе меч.

– Павел, – обратился я к эскувиту¹⁷, – разыщи и приведи ко мне всех, кто сторожил склад во время поджога.

– Будет сделано, – услужливо кивнул офицер, однако уходить он не спешил.

– Что-нибудь еще? – поинтересовался я.

– На пожарище мои люди кое-что нашли. – Павел достал из-за пазухи небольшой бронзовый медальон и протянул его мне. – Ума не приложу, как он там оказался!

Удивление офицера было мне понятно – почти все внутри склада было уничтожено огнем, а этот медальон даже не оплавился. Его подбросили сюда специально, вот только кто и зачем?

Я внимательно рассмотрел вещицу. На одной стороне медальона был выгравирован причудливый узор, в виде четырех лилий, разделенных крестом, а на обратной стороне виднелись письма: *«Не отвержи меня от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними у меня. Возврати мне радость спасения Твоего и Духом владычественным утверди меня»*¹⁸.

– Псалом покаяния, – заключил я, еще раз внимательно изучив текст. – Любопытно.

Похоже, кто-то снова захотел сыграть со мной в свою загадочную игру. И этот незнакомец явно уверен, что мне до него не добраться...

– Провести тщательное расследование, – убрав медальон, приказал я. – Усилить патрули на улицах. Всех, кто вызывает подозрение, отправлять на дознание!

Офицер кивнул, уже собираясь уходить, однако я остановил его.

– Павел... стой! У меня есть к тебе разговор.

Павел служил в Мистре уже много лет. Иоанн Далматас отзывался о нем хорошо, да и я, за время своего пребывания не обнаружил за ним каких-либо проступков. Исполнительный, опытный, немногословный, в меру услужливый – такой человек казался прекрасным кандидатом на пост начальника дворцовой стражи, тем более что после отбытия Далматаса в Константинополь и гибели Фоки, достойных кандидатур на этот пост не осталось. Однако моя интуиция подсказывала мне, что с этим человеком не все так просто. Павел отчаянно пытался изображать из себя этакого простачка, провинциального вояку, мечтающего лишь о девках и выпивке, однако в его движениях, словах и жестах угадывалось скорее воспитание дворянина, нежели крестьянина. Да и лицо Павла, еще в первую нашу встречу, напомнило мне о моем далеком и печальном прошлом. До сих пор я не придавал этому никакого значения, однако таинственный медальон, найденный на обгоревших руинах, напомнил мне о предосторожности и возродил старые подозрения.

– Ты ведь родом из Патр, не так ли? – спросил я, когда мы отошли в сторону от суетящихся на пожарище стражников.

– Так точно, – ответил Павел, несколько удивившись моему вопросу. – И свою службу я начинал именно там.

– А твой брат тоже состоял на службе?

Прищурившись, Павел взглянул на меня:

– Вам известно о моем брате?

– Совсем немного. Только его имя – Матфей, кажется. А также то, что он погиб в какой-то стычке. Я надеялся, что ты расскажешь мне эту историю чуть подробнее.

¹⁶ Элемент шлема в виде кольчужной сетки.

¹⁷ Эскувит – воин особого отряда придворной гвардии.

¹⁸ 50-й псалом. Ветхий Завет.

– Если вам угодно... – замылся Павел. Эти воспоминания явно не доставляли ему особого удовольствия. – Вы должны знать, что мой брат был храбрым и честным человеком, который верно служил своему городу.

– Даже когда город был в руках римской церкви?

– Да, – без тени смущения отвечал Павел. – Но как грек, он с самого начала был против вражды с Константинополем.

– Что же было дальше?

– Когда войска ромеев захватили город, а наш прежний правитель, епископ Пандольфо Малатеста, бежал на Запад, мы с братом перешли на службу к вам.

– Предположим, – кивнул я, хотя не помнил у себя на службе ни Павла, ни Матфея. Впрочем, это было не удивительно, ведь в захваченном армией Константина городе первое время царил такая суеда и неразбериха, что мне едва удавалось уследить за всем. Кроме того, мои мысли тогда захватила красавица Феофано...

Я мотнул головой, прогоняя печальный образ моей покойной возлюбленной, и сделал знак, позволяя Павлу продолжить свой рассказ.

– Вероятно, вы знаете, что не все жители Патр приняли смену власти так же восторженно, как мы с Матфеем. Нашлись и те, кто захотел вернуть старые латинские порядки. Эти изменники день и ночь думали о том, как поднять людей на восстание, и им это почти удалось.

– О заговоре мне докладывали не раз, – вспомнил я те давние события. – Среди предателей нашелся даже один знатный архонт, который был готов убить меня и вернуть город латинянам. Это был некий Николай Грайтца, один из самых влиятельных людей в Патрах и непримиримый враг Константинополя.

– Вам известно многое, но далеко не все, – сказал Павел, явно довольный тем, что информирован лучше меня.

– Говори.

– Волею судеб мы с моим братом служили у Николая Грайтцы.

– Вот как? – оживился я.

– Куда важнее, – продолжал Павел, чувствуя мой интерес, – что у Николая был сын, который по коварству и подлости не уступал своему отцу. Его звали Константин. Мы росли бок о бок с ним и считали его своим другом. Особенно Матфей. Он любил его и не верил, что этот змееныш способен на предательство. Но мы ошибались.

– Я знаю, что Константин принимал важное участие в заговоре. Но я также слышал, что на нем лежит и другой, не менее тяжкий грех. Это так?

– Да! На его руках кровь моего брата! – воскликнул Павел, с ненавистью в голосе. – Однажды он захотел встретиться с нами в одной небольшой роще, вдали от города. Когда мы явились на условленное место, Грайтца и его люди окружили нас. Он требовал, чтобы мы встали на сторону мятежников, а когда получил отказ, набросился на нас со всей своей сворой.

– Очень интересно. Продолжай, – стараясь не выдать охватившего меня волнения, произнес я.

– Матфей был хорошим воином, но не желал убивать Константина, а лишь взывал к его благоразумию. Но все было напрасно.

Павел прикрыл глаза рукой, словно силясь вспомнить все подробности.

– Мы с братом бились плечом к плечу, вдвоем против многих. К счастью, на звон мечей стали сбегаться люди, кто-то уже вызвал стражу и Грайтца, понимая, что его план обречен на провал, согласился пойти на примирение. Но когда Матфей уже опустил меч, этот предатель напал на него со спины и убил на месте. Меня от смерти спасло лишь прибытие солдат.

– Константина поймали?

– Нет, ему удалось сбежать, – вздохнул Павел. – С тех пор я его больше не видел.

– Что было потом?

– Это я помню плохо. Боль от утраты единственного брата застилала мне глаза. Но едва оправившись от горя, я поспешил донести обо всем властям.

– Кому именно ты сообщил о случившемся?

– Его высочеству киру Феодору, – ответил Павел. – Он как раз в это время находился в городе.

– Но почему ему? – удивился я. – Феодор не имел в городе никакой власти.

– Он ведь брат императора, – растерянно произнес офицер.

– Это неважно, – отмахнулся я. – Феодор находился в городе тайно, более того, если ты не лжешь, то получается, что он так никому и не передал твои слова о заговоре. О нем я узнал намного позднее и сам чуть не погиб от рук заговорщиков.

Павел, в ответ не произнес ни слова, но я уже чувствовал, что на его откровенность полагаться нельзя. Да и в истории, которую он мне рассказал, было слишком много темных пятен.

– Что ж, ты славно потрудился, Павел, – сказал я вслух. – А что с тем беглецом... Константином Грайтцей? Быть может, он уже мертв?

– Возможно, – пожал плечами Павел. – Но если он жив, то лучше бы ему никогда не возвращаться обратно. Слишком многие в Патрах желают ему смерти.

– Значит, он ее заслуживает, – развел я руками. – Ступай, Павел, у тебя впереди много работы.

Офицер поклонился и быстро пошел прочь. Я же, еще раз прочитав надпись на странном медальоне, погрузился в собственные мысли.

– Константин Грайтца, – пробормотал я себе под нос. – Кто же ты все-таки такой? Предатель и мятежник или жертва дворцовых интриг? Уже много лет меня мучают одни и те же вопросы, и вот теперь я знаю, кто может дать на них ответ. Но тебя нет рядом. Я даже не знаю, жив ли ты, а если жив, то куда теперь судьба направила паруса твоей беспокойной души?

Глава 8 Золотая клетка

Константин Грайтца (дневник) Ноябрь 1444 года – сентябрь 1446 года

Annus exactis completur mensibus orbis.

(Протекли месяцы, и годичный круг завершается.)

Вергилий

15 августа 1446 года

За полтора года османского плена я исписал не одну страницу своего дневника, так что мне даже пришлось заказать новый переплет. К счастью, в местном скриптории я наткнулся на грека, который, тайком ознакомившись с текстом моей рукописи, пообещал сделать работу в кратчайшие сроки и даже взялся проиллюстрировать несколько страниц. А пока мой новый приятель занят этим непростым делом, я кратко изложу все, что приключилось со мной во время пребывания в османской столице.

Стоит заметить, что с самого первого дня я поселился в роскошном особняке моего друга и, по совместительству, хозяина Махмуда. Расположенное недалеко от столицы, и наводненное сотнями слуг, музыкантов и танцовщиц, это имение могло соперничать с резиденцией самого султана, что было вовсе не удивительно, ведь Махмуд, происходивший из династии влиятельных аристократов Чандарлы, приходился братом великому визирю – Халилю-паше, а заодно супругом одной из дочерей Мурада. Повелитель османов так любил своего добродушного зятя, что не мог отказать ни в одной его просьбе.

Именно благодаря протекции Махмуда я свел знакомство со многими влиятельными вельможами, которые глядели на меня с любопытством и не испытывали ни капли враждебности.

Менее чем за год я довольно сносно освоил местный язык, который представляет из себя смесь тюркского, арабского и персидского, обильно сдобренных местным диалектом. Научившись понимать людей, с которыми проживаешь бок о бок, невольно проникаешься их культурой, нравами и обычаями.

Стоит сказать, что обычаи и традиции здесь играют особую роль – ими пронизана вся жизнь империи и именно они, вкупе с крепкой властью султана, составляют основу османского государства. Столь же важна здесь религия, которая тесно переплелась с традициями кочевых народов, прежде населявших Среднюю Азию и Анатолию. Коран – священная книга мусульман, является одним из основных источников права. Однако толковать и разъяснять Коран может лишь небольшой круг ученых-богословов, которые составляют так называемые *иджмы*, на основании которых и выносятся все судебные решения. Законы, издаваемые государством, целиком и полностью согласуются с нормами шариата.

Мое происхождение и моя вера тут никого не заботят и все стараются относиться ко мне с почтением и благодушием. Быть может, это объясняется огромным авторитетом, которым повсеместно пользуется Махмуд. Но мне кажется, что это тоже часть османской традиции, которая провозглашает терпимость к другим народам и верованиям.

Христиане и иудеи жили на этих землях задолго до прихода сюда турок. Они продолжают жить здесь до сих пор, хотя и ограничены в правах по сравнению с мусульманами. И все же такая жизнь гораздо лучше той, что ожидает их в раздираемых междоусобными войнами хри-

стианских государствах, где давно уже нет ни закона, ни порядка, где процветает религиозный фанатизм и где сам воздух отравлен страхом.

Одной из главных повинностей немусульманского населения в империи является так называемый налог кровью, который представляет собой принудительное изъятие из семей мальчиков разного возраста, чтобы затем воспитать из них преданных слуг султана. Несмотря на то, что для любого цивилизованного человека данная мера представляется не чем иным, как проявлением варварства и чудовищного произвола, я наблюдал за тем, как многие семьи добровольно отдавали своих детей султанским прислужникам полагая для них это лучшей долей. Почему так, я сейчас объясню.

Мальчиков, отобранных по «девширме», отправляют в столицу империи, где их обучают языку и некоторым наукам. Самых талантливых берут во дворец, где они продолжают учиться и нередко делают блистательную карьеру при дворе султана. Некоторые из этих юношей, возмужав, заседают в совете падишаха, наравне с представителями древних аристократических родов. Остальные поступают на службу в корпус янычар, что не менее почетно, ибо эти воины – краса и гордость османской армии.

Построив такую систему, султан получает возможность отбирать для службы государству людей исходя из способностей и таланта, а не за счет их высокого происхождения и родословной. Такой порядок сильно бьет по влиянию аристократов, которые редко заботятся об интересах государства, ибо они тщеславны и жадны до власти и богатства. А ведь ни властью, ни богатством пресытиться невозможно.

В то же время оторванные от семьи и дома христианские ренегаты помышляют лишь о том, чтобы своей верной службой угодить султану, ставшему над ними единственным опекуном и защитником. Их дела и таланты вознаграждаются по заслугам и приумножают могущество и славу Османской империи.

Именно теперь, понимая, как устроена государственная и военная машина империи, я ясно осознаю причины ее невероятных успехов и побед. И, к своей великой горечи, понимаю – моим собратьям-христианам нечего противопоставить этой огромной и неуправляемой силе, что очень скоро обрушится на их несчастные головы.

* * *

Весь минувший год я беззаботно провел в поместье Махмуда. Когда же обучение подошло к концу, передо мной открылись запретные двери султанского дворца. Махмуд провел меня по богато украшенным павильонам и роскошным зеленым садам, где день и ночь воркуют «райские птицы» и растут диковинные плоды, сладость которых доступна лишь султану и его семье. У самого дворца, на крытой террасе, мне вновь довелось увидеть падишаха в окружении многочисленных вельмож. Одутловатое и уставшее лицо Мурада, вместе с тем светилось радостью, ибо он отбывал в Манису – место своего будущего отдохновения.

В тот же самый день, в небольшой дворцовой мечети я увидел и принца Мехмеда, который с гордым видом опоясывал себя мечом своего великого предка – Османа. Этот символический акт совершался в знак того, что новый султан готов возглавить армию и повести ее в бой на защиту страны или на завоевание новых земель.

Уже тогда, уловив непреклонный блеск в глазах молодого султана, я понял, что этот энергичный юноша еще докажет, что он достоин носить священный клинок своего прадеда.

Впрочем, мое мнение разделяли лишь очень немногие. Придворные показывали пальцами на своего будущего владыку и украдкой улыбались.

– Старый лев ушел, а молодой еще не оторвался от груди матери, – шептались они. – Теперь управлять страной будем мы.

Но Мехмед не стал довольствоваться формальным титулом и с первых же дней начал борьбу за власть. Главным соперником молодого султана был великий визирь, которого поддерживали практически все именитые и старейшие дома империи. Их всех объединяло крайнее неприятие перемен, а Мехмеда они считали вспыльчивым мальчишкой, неспособным принимать самостоятельные решения.

Чтобы противостоять оппозиции, султан окружил себя выходцами из янычарского корпуса. Среди них был хорошо знакомый мне евнух Шехабеддин, а также хитроумный Заганос, который имел репутацию крайне опасного и расчетливого человека.

Апогеем придворной борьбы стало восстание янычар, которое перевернуло обычно размеренную и спокойную жизнь столицы. В тот день султан едва не лишился жизни от рук разбушевавшихся солдат и лишь вмешательство великого визиря спасло Мехмеда от неминуемой смерти. Это восстание поставило точку в грандиозных планах юного падишаха, он был вынужден подписать обращение дивана к своему отцу с просьбой как можно скорее вернуться в столицу и усмирить мятеж. Все понимали, что возвращение Мурада не сулит ничего хорошего ни Мехмеду, ни его соратникам и многие из окружения молодого султана уже готовились к худшему.

В эти дни Мехмед часто прогуливался по тенистому саду, слушая пение соловьев и о чем-то размышляя. Я часто видел его там, в сопровождении всегда немногословного янычара, по имени Омар, о котором рассказывали много удивительных историй.

Уже прошел год, как я находился в плену у турок, и все уже привыкли к моим частым визитам во дворец. Мехмед тоже замечал мое присутствие, но ни разу не заговорил со мной.

До того судьбоносного утра, которое я подробно изложил в своем дневнике.

* * *

21 июня 1446 года (1 год и 7 месяцев после битвы при Варне)

...В Эдирне установилась страшная жара, какой не припомнят даже местные старожилы. Нещадно палящее солнце уничтожает посевы, становится причиной пожаров и смертей. Жители стараются лишней раз не покидать свои дома, однако нависшая, подобно облаку духота не отступает даже ночью, продолжая кружить над столицей и досажая измученным горожанам. Из-за отсутствия дождей пересохли все каналы, а реки превратились в маленькие ручейки. Еще немного и в городе начнет недоставать пресной воды, а это уже грозит серьезными последствиями, ведь люди и без того доведены до отчаяния.

Впрочем, никакие трудности не могли изменить рутинную жизнь дворца, где все должно идти своим чередом. Уставший от государственных забот Мехмед, по своему обыкновению, отправлялся гулять в парк. Там, в тени высоких деревьев, у журчащего ручейка, дающего спасительную прохладу, правитель османов наслаждался короткими минутами покоя. Однажды его отдых был прерван одним из придворных евнухов, который попросил государя срочно принять важного посла. Мехмед недовольно скривил губы и, не открывая глаз, бросил слуге:

– Пусть его приведут сюда.

Очень скоро поляна наполнилась вельможами, которые заняли свои места по обе стороны от султана, восседавшем на небольшом деревянном троне. Тогда несколько янычар привели посла. Это был худощавый человек, средних лет, с вытянутым лицом, короткой бородкой и испуганными глазами. Посол внимательно оглядел людей вокруг себя, а когда его взгляд остановился на Мехмеде, он упал на колени и стал что-то очень быстро говорить. Однако, похоже, никто из окружения султана не понимал ни слова из того, что произносит этот человек. Посол изъяснялся на одном из диалектов греческого языка, так хорошо знакомого жителям Пелопоннеса и на юге Балкан, но не столь распространенного в дипломатии.

– Кто-нибудь понимает, что он говорит? – спросил Мехмед, оглядев своих придворных.

– Этот иноземец говорит на *гlossa димодис*¹⁹, – сказал стоявший рядом Заганос. – Я понимаю лишь отдельные слова и едва ли смогу передать суть. Может, послать за толмачом?

– Это следовало сделать уже давно! – произнес Мехмед, утомленный то ли жарой, то ли гнетущими его мыслями.

– Мы сейчас же пошлем за ним, – низко кланяясь, заявил один из слуг. – Но это займет какое-то время...

– Так поспеши! – раздраженно воскликнул Мехмед, принимая бокал охлажденного щербета.

– Повелитель! – громко сказал я, делая шаг вперед и кланяясь султану. – Мне знаком этот диалект. Если желаете, я переведу слова этого человека.

Заговорить без позволения султана было величайшей дерзостью с моей стороны, но, когда желтоватые глаза Мехмеда остановились на мне, я не отвел взгляда. Несколько секунд султан с любопытством глядел на меня, а потом вяло взмахнул рукой в знак согласия.

Я обратился к послу:

– Как твое имя и кто прислал тебя?

– Я прибыл из Фив, – сказал все еще стоявший на коленях человек. – Меня зовут Иероним, я долго служил у афинского герцога Нерио, который и прислал меня сюда.

Я перевел слова иноземца султану.

– Спроси у него, – обратился Мехмед ко мне. – Передал ли его господин что-нибудь для меня? Может быть, письмо?

– Нет, – отвечал посланник. – Я бежал из города тайно и если бы при мне нашли послание герцога, то непременно убили бы.

– Ладно, – нетерпеливо махнул Мехмед. – Что просил передать Нерио? Говори!

– Он просит о помощи. Ромеи вторглись на Балканы, захватили его города и крепости, а верных вам вассалов угрозами заставили служить себе. Самого герцога держат под стражей и никуда не выпускают.

– Кто командует ромеями? – спросил Заганос.

– Ими командует царевич Константин Палеолог, правитель далекой Морей.

Заганос нагнулся к султану и тихонько прошептал:

– Этот царевич уже давно причиняет нам беспокойства. Он говорит, что воюет с латинянами, на самом же деле он борется против вашей власти на Балканах. Он опасный мятежник, и его надо остановить любой ценой.

– Если мы пойдем войной на Пелопоннес, – спросил после короткой паузы Мехмед, – герцог Нерио и его люди будут сражаться на нашей стороне?

Посланник немного помолчал, понимая, насколько важно каждое следующее слово, а затем твердо произнес:

– Пусть султан не беспокоится. Войска герцога будут в его полном распоряжении.

Мехмед улыбнулся и обратился к Заганосу:

– Кажется, дела у латинян идут совсем неважно, если их правители взывают за помощью к нам.

– Победа над ромеями повысит ваш авторитет в глазах отца и войска, – подобострастно прошептал Заганос.

– Об этом поговорим потом, – резко ответил Мехмед. Напоминание о скором возвращении Мурада в столицу мигом испортило его настроение. Султан посмотрел на меня. – Передай

¹⁹ Глосса димодис – греческий язык общенародного общения, отличный от того, который употреблялся в литературе и дипломатии.

этому оборванцу, что мы приняли его слова к сведению и непременно займемся этим вопросом.

Я перевел слова османского владыки и Иероним, мгновенно просветлев, бросился целовать край султанского халата. Мехмед сделал едва заметный знак и янычары, стоявшие за тронном, быстро подхватили посланника под руки и увели прочь. Следом разошлись и вельможи.

– Эй ты! Подожди, – неожиданно услышал я голос позади. Мехмед поднялся и подошел ко мне. – Откуда ты так хорошо знаешь греческий язык? Ты родом из тех мест?

– Да, государь. Я родился на Пелопоннесе.

В глазах Мехмеда промелькнуло любопытство.

– Какими языками ты владеешь помимо греческого и турецкого? – спросил он.

– Я в совершенстве владею венгерским, итальянским, французским, а также свободно читаю на латыни. Кроме того, немного понимаю по-сербски.

Султан усмехнулся и одобрительно закивал головой.

– А разбираешься ли ты в науках? – вновь прозвучал вопрос.

– Во время своего путешествия по западным странам я изучал арифметику и астрономию. А в библиотеках, к которым я получил доступ, мне удалось изучить труды античных мудрецов по медицине и философии.

– Очень хорошо, – закивал головой Мехмед. – Такие знающие люди мне нужны. Приходи сюда почаще. Мы будем беседовать с тобой о разном. Ты расскажешь мне о своей родине и о странах, где тебе довелось побывать.

Тем же вечером я рассказал обо всем своему доброму другу, Махмуду. Услышав мой рассказ, он призадумался, а потом сказал:

– Похоже, ты сумел произвести впечатление на нашего султана. Но будь осторожен: то расположение, которое ты приобрел, ты можешь также легко утратить. Сегодня Мехмед доволен тобой и осыпает подарками, а завтра он может потребовать твою голову на блюде. Будь начеку, и пусть близость к власти никогда не вскружит тебе голову и не заставит думать, что властью обладаешь ты сам.

Я постарался запомнить эти слова на будущее.

* * *

Вот так из обычного пленника я стал близким другом и спутником султана Мехмеда. Теперь он ни на шаг не отпускал меня от себя, так что вскоре мне даже выделили покои на территории дворца.

Мехмед был любознательным юношей. Он не уставал слушать мои рассказы о дальних странах, о королях и императорах, которые там правят и о людях, которые там живут. Несмотря на свой молодой возраст, он обладал довольно широкими познаниями, а его цепкий ум схватывал все на лету. Первым делом он приказал мне обучить его греческому языку, а также попросил найти в султанской библиотеке книги, которые, по моему мнению, ему следует прочесть. Когда я принес несколько потрепанных томов и манускриптов Мехмед целиком углубился в чтение и ради этого даже забросил любимые занятия с мечом и луком. Очень часто Мехмед просил меня перевести и объяснить смысл незнакомых ему слов и выражений, а узнав о том, что мне довелось быть участником многих сражений, потребовал, чтобы я преподавал ему еще и военную теорию.

Так прошло почти четыре месяца моего пребывания во дворце Эдирне. За это время я наблюдал за всем, что происходило вокруг, непреклонно следуя древнему правилу: «Слушай, смотри, молчи». Ведь зная своего врага изнутри, знаешь и его самые уязвимые места.

Очень скоро я обнаружил в серале и других христианских пленников.

Так, как-то раз прохаживаясь по парку, я услышал залиvistый детский смех, а вскоре увидел, как неподалеку от фонтана бегают румяный златокудрый паренек, лет семи. Подле него суеилось несколько слуг, которые угощали ребенка сладостями и улыбались его проказам.

– Что, тоже решил посмотреть на дурачества моего братца? – послышался голос позади. Я обернулся – там, облокотившись о ствол дерева, стоял юноша лет четырнадцати, его бледное, лишенное всякого выражения лицо обрамляли пряди черных как смоль волос.

– Прости, но мы, кажется, не знакомы... – начал я, но мой собеседник жестом остановил меня.

– Я знаю тебя – ты Константин, новая игрушка Мехмеда. – Парень сделал шаг ко мне. – Позволь представиться – Влад Дракул, наследник валашского престола.

Удивлению моему не было предела. Впрочем, сходство княжича с его родителем, которого мне довелось узнать во время крестового похода, было трудно не заметить.

– Я был знаком с твоим отцом и братом, – сказал я. – Они сражались отважно...

– Но не добились ничего, – сухо заключил Влад. – Знаешь ли ты, что мой отец уже заключил мир с султаном, лишь бы спасти нас с Раду от смерти?

Он кивнул головой в сторону веселящегося у фонтана ребенка.

– Дракул поступил как любящий отец, – сказал я, проследив за взглядом княжича.

Влад презрительно фыркнул.

– Любящий отец никогда бы не отправил своих сыновей в плен к османским безбожникам. – Он повернул ко мне свое бледное лицо. – А известно ли тебе, что вместе с нами во дворец султана прибыло еще несколько отпрысков валашских бояр? Как думаешь, что с ними стало?

Я покачала головой в недоумении.

– Когда падишах узнал о том, что мой отец идет на него войной, он приказал вытащить наших друзей во двор, где их раздели, избili плетьюми, а затем посадили на кол. Меня Мурад заставил смотреть на их страдания.

Княжич глядел перед собой и в его глазах пылала ненависть.

– Таким образом он хотел преподать мне урок покорности, и я его вполне усвоил. – на лице Влада вдруг появилось странное подобие улыбки.

От этой гримасы мне почему-то стало не по себе. Я чувствовал, что в душе юноши затаилась злоба, но не та, что вот-вот вырвется наружу. Напротив, Влад сдерживал и взращивал ее, подобно дурному семени. Из года в год гроздь этой ненависти вызревали и грозили дать самые отвратительные плоды.

– Ах вот ты где! – на площадку перед фонтаном выскочил Мехмед. Он подбежал к Раду и, подхватив того на руки, легко подбросил в воздух. Ребенок заливался звонким смехом, а придворные с умилением качали головами. Наконец Мехмед бросил взгляд в нашу с княжичем сторону.

– А и ты здесь, Влад – самодовольно ухмыльнулся Мехмед. – Все еще дуешься на меня за то, что я обставил тебя в стрельбе из лука?

– Тебе просто повезло, – бесстрастно ответил валашский княжич.

Султан расхохотался.

– Забавные оправдания. Посмотрим, улыбнется ли мне удача в следующий раз!

Затем Мехмед подозвал меня к себе, и мы вместе отправились в библиотеку.

– Я вижу ты в хороших отношениях с сыновьями валашского господаря, – заметил я, когда мы отошли на почтительное расстояние.

– Они мне почти как братья, – кивнул Мехмед. – Я даже немного им завидую...

В глазах султана появилась печаль. Мне не надо было объяснять, в чем состоит ее причина. У Мехмеда тоже были старшие братья, однако, в силу своего высокого происхождения они никогда не испытывали теплых чувств к сыну простой рабыни. Если бы только смерть не

забрала их раньше срока, они наверняка бы уничтожили Мехмеда, который являлся помехой для их власти.

Стараясь вырвать султана из гнетущих мыслей, я продолжил разговор:

– Этот Влад скрытен и мрачен не по годам.

– Не обращай на него внимания, – лениво отмахнулся Мехмед. – Влад не любит никого, кроме своего брата. Но он умен и чрезвычайно ловок. Думаю, что и в последнем нашем состязании он одолел бы меня, если бы не маленькая хитрость.

Султан указал мне на колчан, висевший у самого его пояса.

– Стрелы, которые мы использовали, я сделал сам, а, следовательно, знал их вес, длину и жесткость.

– Так значит, ты смухлевал? – шутливо погрозив Мехмеду, проговорил я.

Султан же оставался серьезен.

– «Удача любит подготовленных». Разве не этому ты учил меня?

– Ну конечно, – кивнул я, вспоминая фразу, произнесенную Яношем Хуньяди во время нашей последней встречи. Но где же была твоя удача в тот угрюмый осенний день, воевода...

Уже позднее, расспросив Влада Дракулу, я узнал, что случилось с остатками христианского войска после поражения при Варне.

Как только по полю разнеслась весть о смерти Владислава, валашский господарь понял, что битва проиграна, и дал сигнал к отступлению. Оставшийся на поле Янош Хуньяди счел этот поступок изменой, и когда, спасаясь от турок, он оказался во владениях Дракулы, то в отместку сжег несколько валашских крепостей, лежащих на его пути. Однако вскоре валахи изловили неукротимого венгерского воеводу и хотели уже передать его султану, вот только Хуньяди вновь удалось выкрутиться. Под покровом ночи мадьяры перебили стражу и вызволили своего командира. Вернувшись в Венгрию, Янош довольно быстро вернул себе прежнее положение, получив титул регента при новом малолетнем короле Ласло.

Эти новости ободрили меня. Я знал: если Хуньяди жив, он не оставит своей борьбы, а значит, очень скоро я услышу о новых грандиозных битвах, которые, быть может, изменят и мою судьбу...

* * *

1 сентября 1446 года

Сегодня я впервые впал в немилость у султана, и, лишь чудо помогло мне сохранить голову на плечах. Произошло это во время нашей обычной беседы.

Мехмед, пребывая в чрезвычайно хорошем настроении, приказал расстелить в саду богатые персидские ковры, на которых очень скоро появились золотые и серебряные блюда с превосходными кушаньями, а молодой слуга сновал, туда-сюда подливая в наши кубки освежающий щербет и запретное янтарное вино, вынесенное сюда по личному распоряжению султана.

– Вот скажи мне, Константин, – сказал Мехмед, откидываясь на подушки и подставляя лицо солнцу. – Ты ведь бывал во многих западных странах и наверняка разговаривал там с разными людьми. Что они думают об османах? Боятся ли они наших клинков и резвых всадников? Осмелятся ли они теперь бороться против нас или склонятся перед моей волей?

Понимая, что разговор должен быть долгим, я кивнул слуге и тот подлил мне еще вина. Сделав глоток, я произнес:

– Народы Запада, конечно, наслышаны о твоих могучих и многочисленных как звезды воинах, которые проносятся сквозь непокорные города, мешая землю с золой. Западные короли с тревогой смотрят на восток, опасаясь увидеть на своих границах твои знамена и услышать боевой клич османских солдат. Но даже страх перед твоей огромной силой не может

сплотить эти народы вместе, так как они ненавидят и презирают друг друга гораздо больше, чем чуждых их богу иноверцев.

Мехмед выслушал мой ответ и некоторое время пребывал в молчании.

– Хватит ли у них сил устоять против меня, если я пойду против этих государств? – спросил он, наконец.

– Поодиночке ты их легко разобьешь, – ответил я. – Но едва ты начнешь одерживать верх, как вся Европа восстанет против тебя, и тогда произойдет великая битва, в которой ты, государь, победить не сможешь.

Мехмед раздраженно махнул рукой.

– Глупости! Мой отец разбил крестоносцев при Варне, а ведь там были рыцари со всей Европы.

– Это лишь малая толика того, с чем тебе предстоит иметь дело, – сказал я, наблюдая, как несколько пчел аккуратно подбираются к замоченным в сахарном сиропе орехам.

– А Константинополь? – глаза Мехмеда вдруг загорелись. – Смогу ли я взять его?

– Чтобы захватить этот город, – немного подумав, сказал я. – Тебе потребуется огромная армия и множество кораблей. Но даже в этом случае взять столицу ромеев окажется отнюдь не простой задачей. Мощные стены, греческий огонь и мужество защитников уже не раз останавливали неприятеля у его стен.

– То было раньше! – воскликнул Мехмед. – Я сделаю то, чего не удавалось еще ни одному полководцу. Я сокрошу стены древнего города, и никто не сможет помешать мне!

Фанатичный блеск в глазах Мехмеда заставил меня замолчать. Я понял его главную цель и мне стало не по себе от мысли, что я, быть может, сказал ему несколько больше, чем следовало.

– Почему ты замолчал Константин? – спросил султан, с удовольствием поглощая смоченную в сиропе баклаву. – И к еде почти не притрагиваешься. Уж не болен ли ты?

– Извини государь, но мне кажется, что я выпил слишком много вина. Разреши мне удалиться.

– Не говори ерунды! – возмутился Мехмед. – Мы не осушили и половины кувшина. К тому же от этого вина захмелеет разве что ребенок.

И, словно желая доказать свои слова, Мехмед залпом опрокинул свой кубок, а смуглый юноша тут же наполнил его чашу до краев.

– Знаешь, Константин, почему я держу тебя при себе? – спросил он, буравя меня своим обжигающим взглядом.

– Нет, государь, – глухо отозвался я.

– Потому что только от тебя я могу услышать правду, – улыбнулся султан. – Ты не такой, как все эти льстивые придворные псы, которые своей излишней угодливостью успели набить мне оскомину. Только ты прямо указываешь на мои промахи и недостатки, и за это я благодарен тебе. Но скажи, неужели ты совсем не страшишься моего гнева и наказания за свои слова? Ведь иной раз твоя дерзость переходит всякие границы.

Я посмотрел в глаза султана и ответил, старательно взвешивая каждое слово:

– Один мой учитель говорил так: «Кто восхваляет в человеке несуществующие добродетели, тот лишь насмехается над ним». Из уважения к тебе я не могу себе этого позволить.

– Мудрый человек твой учитель. – Мехмед вытер липкие пальцы о подол и потянулся к блюду с фруктами. – Он еще жив?

– Последний раз я его видел в Софии, почти два года назад. Его звали Веспасиан, и что случилось с ним, мне до сих пор не известно.

Мехмед вновь откинулся на подушки.

– Я знаю это имя. – Султан задумчиво покрутил кубок в руке. – Слышал, когда присутствовал на одном из совещаний отца...

– Вы знаете, что стало с ним? – чуть не вскочив с места, спросил я.

– Когда наши войска вновь освободили Софию, его привезли в столицу с первой партией пленников. На него поступило очень много доносов... По приказу моего отца его задушили прямо в темнице. Жаль, что я не смог с ним пообщаться, он, вероятно, был ученым человеком.

Услышанное потрясло меня. Веспасиан, мой старый учитель, закончил свои дни в темнице, в чужой стране, с накинута на шею удавкой. В это невозможно было поверить.

Я закрыл лицо, стараясь удержать слезы.

Мехмед, заметив мою печаль, мягко сказал:

– Брось, Константин! Не стоит переживать об этом. Твой старик прожил долгую жизнь и за это время наверняка успел сделать немало полезного. Но его время прошло.

Султан жадно отпил вина и отер губы рукавом халата.

– Ты лучше подумай о своем будущем, ведь я хочу возвысить тебя. – Завладев моим вниманием, Мехмед вальяжно раскинулся на подушках, а его глаза глядели на меня из полуприкрытых век. – Да, Константин, я собираюсь дать тебе свободу, а вместе с ней и все, о чем ты даже не смеешь мечтать.

– И что же ты попросишь взамен? – собравшись с мыслями, поинтересовался я.

Мехмед усмехнулся.

– Самую малость. – Султан сложил большой и указательный палец. – Откажись от своего бога и прими истинную веру.

Несколько секунд я молчал, опустив голову и наблюдая за небольшой ящеркой, ловко шныряющей между тарелками и кубками, словно желая найти кушанье себе по душе. Султан терпеливо ждал, не сводя с меня глаз.

– Государь, – набрав побольше воздуха, произнес я, – как ты, наверное, знаешь, твой великий и благородный отец уже предлагал мне обратиться в магометанскую веру...

– И ты отказал ему, – перебил Мехмед.

– Верно. Наверняка тебе известно, что за этот отказ я должен был расплатиться жизнью и лишь чудо уберегло меня от палача?

Мехмед нетерпеливо кивнул.

– В тот день погибли многие мои друзья, – продолжил я, – которые отказались признавать твоего бога своим. И сейчас, вспоминая о них, вспоминая о том, что однажды я готов был отказаться и от своей жизни ради того, во что верю... Мой ответ останется прежним.

Султан мрачно глядел на меня.

– То есть, ты отвергаешь мое предложение? – спросил он, недобро сощурившись.

– Да, государь. Прошу, прости меня за эту дерзость, но от своей веры я не отступлюсь.

– Так вот твоя благодарность за то, что я для тебя сделал? – процедил сквозь зубы Мехмед. – Ты, безумец, думаешь, что можно так просто отказывать владыке суши и моря! Ты заблуждаешься!

Мехмед скривил губы. Я знал, что это было выражением крайнего недовольствия, которое, нередко, заканчивалось смертным приговором.

– Омар! – скомандовал султан, не спуская с меня гневных желтых глаз.

– Я здесь повелитель! – янычар мгновенно появился из тени персиковых деревьев, за которыми его присутствие до этого момента было абсолютно незаметным.

«Что же будет теперь? – подумал я. – Прикажет ли он своему слуге убить меня или сделает это сам, как это уже не раз бывало?»

Несколько секунд Мехмед колебался с решением. Затем, глубоко вздохнув и отвернувшись от меня, сказал, едва сдерживая гнев:

– Немедленно уведи его отсюда! Я не желаю больше видеть этого неверного пса!

Янычар встал позади меня, скрестив руки на груди. Повинуясь его немому приказу, я медленно поднялся, не сводя глаз с султана. Мехмед глядел куда-то в сторону, его губы дрожали, а лицо покрылось красными пятнами.

Омар тем временем схватил меня под руку, и мы вместе покинули дворцовый парк. Отойдя на достаточное расстояние, янычар прошептал:

– Ты поступил очень неосмотрительно, отказав султану. В следующий раз это может стоить тебе жизни.

Я с удивлением посмотрел на телохранителя владыки османов. Омар не отличался излишней болтливостью, и первое время я даже считал его немым, подобно *дильсизам*, исполнявшим смертные приговоры в гареме султана. Янычар умел держать язык за зубами и, тем более, я никогда не слышал, чтобы он начинал разговор первым.

– Я не мог поступить иначе, – ответил я. – У меня забрали все: дом, честь, любовь и свободу, но вера по-прежнему живет в моем сердце и никому не дано отобрать ее. Ты должен меня понять, ведь ты и сам когда-то был христианином.

– То, что было в прошлом, сейчас не имеет никакого значения, – сухо ответил янычар. – Думай лучше над тем, что я сказал тебе и не повторяй подобных ошибок впредь. Тогда, быть может, ты сумеешь сохранить свою голову на плечах.

– Разве тебя так заботит моя жизнь?

Омар, который уже довел меня до мраморных ступенек дворца и собирался возвращаться обратно, медленно обернулся.

– Нисколько, – ответил он. – Но я вижу, что ты очень близок Мехмеду, а я бы не хотел огорчать моего повелителя, обагрывая свой меч кровью его любимца.

С этими словами янычар пошел обратно и скоро скрылся в благоухающей зелени. Размышляя над словами Омара, я отправился в свои покои и не сразу заметил суету, поднявшуюся во дворце.

* * *

3 сентября 1446 года

– Наш любимый султан вернулся! – кричали на улицах Эдирне. – Слава Мураду! Долгих ему лет правления!

– Пусть невзгоды и печали минуют нашего падишаха! – подхватывали другие. – Пусть рука его будет твердой, разум – ясным, а сердце – чутким! Да продлит Аллах его годы на благо всем нам!

Именно так, этим осенним утром, высыпавшая на улицы города толпа, встречала Мурада, который совсем недавно отрекся от престола в пользу своего сына, ради спокойной жизни в Манисе. Но новые тревоги, грозящие государству и неудачное правление Мехмеда, заставили его вернуться.

Еще более располневший, султан тем не менее выглядел лучше, нежели два года назад, когда он покидал свой дворец. Прежде безразличное и одутловатое лицо, теперь казалось живым и помолодевшим, пропали черные круги под глазами, нездоровый медный цвет кожи, сменился золотистым загаром. Судя по всему, уединение, целебные источники и чистый воздух Манисы пошли Мураду на пользу. Однако взгляд его по-прежнему оставался печален и, несмотря на восторг, падишах не выказывал никакой радости от возвращения в столицу. Безразлично окинув взглядом склонившихся придворных, он, тяжело вздохнув, поднялся по мраморным ступеням дворца и заперся в своих покоях, отдавая все распоряжения через верных ему прислужников.

Такое поведение султана вызвало всеобщее недоумение, но никто не посмел тревожить его покой, и все вернулись к своим делам, шепотом обсуждая новые причуды повелителя. Меня

мало интересовали эти сплетни, все-таки я знал немного больше, чем все эти люди и был уверен, что очень скоро решится судьба османского престола.

* * *

11 сентября 1446 года

Прошло восемь дней с тех пор, как Мурад вернулся в столицу. За это время он ни разу не покинул своих покоев, однако сам, охотно приглашал к себе «на разговор» многих видных вельмож. Все они посещали его поодиночке и, как правило, поздно ночью. Среди этих посетителей были: великий визирь – Халиль-паша, второй визирь – Исхак-паша, воспитатель Мехмеда – Заганос-паша, ага янычар и несколько других влиятельных сановников. Однако своего сына, Мехмеда, он к себе так и не призвал, что было не очень добрым знаком для молодого султана.

Тем временем обстановка во дворце становилась все более беспокойной. Странники и противники Мехмеда были готовы на все, лишь бы удержаться у власти и с нетерпением ждали, когда Мурад, наконец, объявит свою волю.

Похоже и сам Мурад уже принял окончательное решение. Завтра он предстанет перед визирями, чтобы высказать свое мнение относительно своего сына и судьбы всей империи...

* * *

12 сентября 1446

На заседание дивана меня не допустили, однако присутствовавший на нем Махмуд поделился со мной тем, что творилось за закрытыми для прочих дверями. Его рассказ я постараюсь изложить во всех подробностях.

«Заседание совета»

Едва вступив в залу, многие вельможи с изумлением обнаружили большой золотой трон – именно на таком троне любил сидеть султан Мурад во времена своего правления. Рядом с ним находилась низкая тахта, покрытая узорчатым покрывалом.

Когда заинтригованные паши, тихо перешептываясь, разместились на своих местах, по обе стороны от трона, в дверях появился Мехмед. На его лице нельзя было прочесть абсолютно никаких эмоций. Он прошел через весь зал под приветствия сановников, взглянул на трон, постоял так пару секунд и... опустился на тахту. В зале послышался ропот – ибо это было чудовищным нарушением традиций, согласно которым султан должен сидеть на самом главном и почетном месте. Но никто не посмел даже заикнуться об этом – все застыли в ожидании. Через несколько минут в залу вошел и сам Мурад. Он спокойно оглядел склонившихся перед ним вельмож и с важным видом прошептал на возвышение. Бросив короткий взгляд на Мехмеда, он опустился на трон.

В зале повисла звенящая тишина. Мурад глядел куда-то перед собой, словно мысли его до сих пор оставались в благословенных рощах Манисы. Затем он оправил свой халат и произнес:

– Два года назад, когда я покидал столицу, мне не верилось, что я вновь буду вынужден занять трон моих предков. Видит Аллах, я искал тишины и спокойствия, но, узнав о ваших бедах, поспешил сюда со всей возможной скоростью. Ведь тревоги государства не безразличны моему сердцу.

Мурад замолчал, внимательно оглядывая зал.

– Мне известно практически все, что происходило здесь в последние месяцы, – продолжил он. – Но я хотел бы, чтобы мой сын тоже сказал свое слово. Ведь ему наверняка есть что сказать нам?

Мехмед, немного уязвленный тем, что к нему обратились не как к султану, повелителю вселенной, а как к обычному ребенку, встал и заговорил сначала неуверенно, а потом все более распаляясь.

– Отец! – начал он. – Ты прибыл в беспокойный для империи час! И я, и подданные рады твоему возвращению и все мы просим лишь одного – прими власть над своей страной и над всеми нами. Пусть твоя удача вновь поведет наши войска к победам над неверными, а твоя мудрость пусть обеспечит Османскому государству процветание и благополучие.

Мехмед отвязал от пояса меч Османа и встал на колени, смиренно протягивая его отцу. Мурад глубоко вздохнул.

– Все ли согласны с решением моего сына?

– Мы согласны! – практически в один голос прокричали вельможи.

– Тогда я принимаю это священное бремя, – твердо сказал Мурад. – И клянусь исполнять свой долг до конца!

Мурад сделал знак и из-за трона вышел бородатый дервиш из ордена Мавлави. Он принял меч из рук Мехмеда и опоясал им объемную талию нового султана, произнося соответствующие этой процедуре слова и молитвы. Затем Мурад грузно опустился на трон и обратился к все еще стоявшему перед ним на коленях Мехмеду:

– А теперь, сын мой, расскажи о том, что случилось во время моего недолгого отсутствия.

– Неверные вновь двинулись на нас войной, отец, – склонив голову и глядя куда-то в пол, произнес Мехмед. – Но на этот раз с юга. Ими руководит грек по имени Константин Палеолог, и его армия растет день ото дня. Он уже сумел покорить большую часть Балканского полуострова, и если его не остановить, он сможет объединиться с нашим заклятым врагом – Искандер-беем. А такой союз станет гораздо опаснее, чем Владислав и его крестоносцы.

– Так, – задумчиво кивнул Мурад. – И какие действия ты предпринял, чтобы устранить эту угрозу?

– Мне не дали ничего сделать, отец! – Мехмед резко вскинул подбородок и устремил взор на отца. – Когда я предлагал идти на Константинополь, мой план отвергли, а когда я попытался реорганизовать и укрепить нашу армию, янычары подняли восстание. Они отказывались повиноваться и едва не убили меня! Такое предательство нельзя простить!

В зале послышался ропот, но Мурад поднял руку и все тут же замолчали.

– Ты неправильно поступил, испортив отношения с янычарами, – после небольшой паузы произнес султан. – Ты должен беречь дружбу с ними, так как в них заключается опора и сила нашего государства. Именно они спасли мне жизнь на поле при Варне, и это они убили злокозненного короля Владислава. Поэтому я распорядился простить зачинщиков этого мятежа и выплатить всем солдатам то, что ты им задолжал за полгода службы.

– Но отец!.. – попытался протестовать Мехмед.

– На этом все, – отрезал Мурад.

Мехмед сжал кулаки, но больше спорить не стал. С недовольным лицом он опустился на тахту.

– Теперь насчет этого царевича Константина. – Мурад погладил густую, с белыми прожилками седины бороду. – Признаться, он уже давно доставляет мне беспокойство. В нем я вижу серьезную угрозу нашему государству. Да, пусть пока этот грек не обладает достаточной силой, но он дерзок и умен. Если только он сумеет объединить под своей рукой все греческие полисы, то, несомненно, станет куда опаснее.

Мурад замолчал, задумчиво глядя в пустоту. Затем его взор скользнул в конец зала, туда, где в ожидании замер ага янычар.

– Казанджи, – окликнул султан воина. – Я слышал, твои люди мечтали о новом походе? Янычар выпрямился как струна и с поклоном произнес:

– По вашему приказу, государь, мы пойдем хоть в огонь, хоть в воду!

– Тогда готовьтесь. Через месяц мы отправимся на новые завоевания. Мы подчиним своей воле Балканы, ворвемся на Пелопоннес и обратим в пепел Мистру – оплот греческого сопротивления. А затем я поверну свое победоносное войско на север, чтобы навсегда уничтожить предателя Искандер-бея, который спрятался от меня в своих горных крепостях. Лишь тогда на границах империи воцарится долгожданный покой.

Большинство визирей тут же принялись хвалить слова султана, а Мехмед, вскочив на ноги, воскликнул:

– Отец! Прошу, позволь мне отправиться с тобой в поход против ромеев!

Мурад взглянул на своего сына, словно только вспомнил о его присутствии, а затем тихо сказал:

– Нет, ты останешься здесь.

После этого заседание совета завершилось, однако Махмуд успел услышать последние слова султана, которые тот, прошептал на ухо своему сыну:

«Есть лишь два способа завоевать преданность подданных – любовь и страх. И если ты когда-нибудь захочешь взойти на престол, ты должен овладеть ими в совершенстве, а пока ты не готов к этой роли...»

* * *

15 октября 1446 года

Рано утром огромная армия во главе с султаном Мурадом выступила из столицы на покорение Балкан и Пелопоннеса. Десятки тысяч пеших и конных воинов прошествовали по улицам Эдирне и я с ужасом представил себе, как вся эта огромная, свирепая волна захлестывает мой родной край, оставляя после себя лишь страдания и смерть.

Как будто наяву я слышу стоны умирающих от ран мужчин, крики увлекаемых в плен женщин и плач выброшенных на улицу, детей, чья жизнь на войне не стоит и гроша. Вот какая страшная расплата ждала греков за их упорное нежелание пасть на колени перед султаном и признать его верховную власть над ними. Они уже почувствовали вкус свободы и теперь, под руководством Константина Палеолога, греки готовы дать решительный бой орде османских завоевателей и я, выводящий сейчас эти строки при свете масляной лампы, отдал бы все на свете, чтобы теперь сражаться рядом с ними. Ибо для меня нет большего счастья, чем разделить судьбу моего народа, какой бы горькой она ни была.

Глава 9

Францис Осень 1446 года – зима 1447 года Мистра

Antiquus amor cancer est.
(Старая любовь не забывается.)

Вести, одна ужаснее другой приходят сейчас с севера.

Горящие города, вереницы рабов, крики женщин и плач детей – каждый день слухи обрстают новыми подробностями, принимая все более зловещие очертания.

Султан Мурад, потеряв остатки терпения, пошел на нас войной. Балканские земли уже содрогаются под ногами его бесчисленных воинов, жаждущих наживы и славы. В многочисленных боях с врагами империи их души очерствели, а сердца ожесточились, так что христианам незачем ждать пощады.

Вся эта грозная сила движется сюда – на Пелопоннес, в цветущий край, давно не знавший войны. Здесь созрел мятеж Константина Палеолога, отсюда он черпал свою силу и именно здесь должен был решиться исход этой войны.

Отдать греческие города османам, лишиться всех своих завоеваний и тем самым навсегда похоронить мечту о возрождении Ромейской державы – нет, об этом мой господин не мог даже и помыслить! Сейчас Константин Палеолог спешно собирает войска, готовясь дать отпор, и не сомневаюсь – он будет стоять насмерть. Однако его силы слишком малы, и я боюсь, что в ответ на нестигаемую стойкость наших защитников, завоеватели будут проявлять лишь еще большую жестокость.

В то время как греки готовились умирать, латинские князья отказывались от прежних клятв и переходили на сторону султана.

Афинский герцог Нерио, прежде запертый в своем имении, сумел сбежать и вскоре присоединился к войскам Мурада. Турецкий правитель благодушно принял нового союзника, но в качестве доказательства верности потребовал ключи от нескольких латинских крепостей, которые препятствовали продвижению армии магометан вглубь полуострова. Стараниями Нерио, турки быстро подчинили себе эти твердыни и вскоре их неисчислимые орды хлынули вглубь Балкан, сметая любое сопротивление на своем пути.

Армии Константина Палеолога не могли сдержать этот натиск и продолжали отступать, однако в греческих городах завоеватели встречали ожесточенное сопротивление. Немало крови пролилось на улицах Халкиды, Фив и Афин. Жители этих городов были перебиты практически поголовно, а немногих оставшихся в живых уводили в плен.

Но и перед лицом неминуемой гибели, греки продолжают бороться. Даже здесь, в безопасной Мистре собираются отряды добровольцев, которые день за днем отправляются на охваченный войной север.

Наблюдая этот искренний народный порыв, я еще раз утверждаюсь в мысли, что затеянная Константином борьба не была напрасной. Ибо те, кто приносят себя в жертву во имя свободы и справедливости не стираются из народной памяти, но становятся живыми символами для новых поколений.

* * *

Алексей разбудил меня на рассвете.

– В чем дело? – спросил я, накидывая тунику и подвязывая сапоги.

– В город прибыл царевич Фома, – ответил Алексей. – Он желает немедленно видеть вас.

– Фома? – удивился я. – Что привело его сюда из далекого Константинополя?

– Этого я не знаю, – ответил юноша, помогая мне застегнуть плащ. – Но он привел с собой отряд в почти семь сотен солдат. Похоже, император отозвался на нашу просьбу о помощи.

Мне тоже хотелось в это верить, ибо с самого начала войны мы не получали из Константинополя никакой поддержки.

Через несколько минут я спустился, чтобы поприветствовать своего гостя.

Фома был самым младшим из сыновей Мануила Палеолога. Белокурый и голубоглазый, он с самого раннего детства отличался плохим здоровьем и, в отличие от других своих братьев, предпочитал проводить время за книгами, нежели упражняться в военном искусстве. Как и его венценосный брат, Фома обладал мягким и спокойным характером. Я никогда не видел, чтобы он возвысил голос или прогневался на кого-либо. На его лице застыло то же меланхоличное выражение, что было присуще столичной знати. Однако надменность не шла ему к лицу и не могла обмануть проницательного человека.

– Рад видеть вас, господин, – с поклоном сказал я. – К сожалению, мы не знали о вашем приезде и не смогли подготовиться к нему должным образом.

– Не беспокойся об этом, Георгий, – ответил Фома. – Я не задержусь тут надолго.

– В таком случае предлагаю пройти в мой кабинет. Там мы сможем поговорить без посторонних.

Когда мы остались наедине, я поспешил задать волнующий меня вопрос:

– Из столицы приходят дурные слухи о здоровье василевса. Неужели все так серьезно?

– Болезнь, слава богу, отступила, – сказал Фома. – Император еще слаб, но уже вернулся к делам. Будем верить, что свежий воздух и привезенные из Трапезунда целебные снадобья вернут ему силы. Только вот... – царевич оглянулся по сторонам и добавил уже тише: – Сомневаюсь, что эта хворь вызвана слабым здоровьем василевса.

– Что вы хотите этим сказать? – настороженно спросил я.

– Не так давно в столицу вернулся Феодор. Теперь его часто можно видеть в компании Луки Нотараса и Георгия Куртесия.

– Старые заговорщики вновь слетаются к трону императора.

– И теперь их замыслам никто не сможет помешать, – печально покачал головой царевич.

– Но в таком случае, – не выдержал я, – почему вы покинули столицу? Почему не остались рядом с императором?

– Такова воля моего царственного брата, – сухо вымолвил Фома. – Да и что мне оставалось делать? Сторожить опочивальню василевса? Нет уж, лучше я буду воевать, как это делает мой брат! Разве имеет значение, кто окажется на троне в Константинополе, если страна утопает в крови!

В чести и чувстве долга царевичу было не отказать. Самый младший из сыновей Мануила, он не мог и мечтать о престоле, а потому менее других своих братьев был отравлен дурными помыслами о власти.

– Что же, – промолвил я, – оставим на время дворец во Влахернах и обратимся к делам насущным. Вы явились как раз вовремя – султан теснит наши войска повсюду. Единственная надежда – остановить его на Коринфском перешейке. Это наш последний рубеж обороны.

– Именно туда я и направляюсь, – заверил Фома. – Однако одного моего войска будет недостаточно.

Я опустил голову и нервно затеребил позолоченную фибулу²⁰.

– Ваш брат увел с собой практически всех мужчин, способных держать оружие, а те немногие, что остались, пытаются поддержать хрупкий порядок в моем городе. Боюсь, что ничем не смогу помочь.

– На твою помощь никто и не рассчитывает, Георгий, – послышался насмешливый голос за моей спиной. Дрожь пробежала по моему телу, я мгновенно обернулся и едва не потерял дар речи от изумления – передо мной, широко улыбаясь, стоял Николай Грайтца. Судя по всему, опальный архонт находился в комнате с самого начала разговора.

– Как ты оказался здесь?! – воскликнул я, поднимаясь с места и готовясь уже позвать стражу.

– Спокойно, Георгий, – промолвил Фома. – Николай прибыл в город по моей просьбе и покинет его вместе со мной.

– Известно ли вам, что это за человек? – спросил я, не сводя глаз с незваного гостя.

– Предатель, заговорщик, клятвопреступник – как меня только не называли, – скушаяще проговорил Николай. – И тем не менее я пришел сюда как друг.

– Зачем? Не ты ли ранее призывал султана свергнуть власть ромеев?

– Власть ромеев меня нисколько не волнует, – пожал плечами Грайтца. – Но из-за войны, развязанной Константином Палеологом, погибнут тысячи ни в чем не повинных людей. Я желаю это предотвратить.

– Ну, довольно об этом! – оборвал наш спор Фома. – Я знаю, что в прошлом вы были врагами, но теперь вам следует забыть о противоречиях, ведь на кону судьба всей Греции!

Сказав это, царевич поднялся и направился к выходу.

– Позвольте, я покину этот дворец тем же путем, которым вошел. Появляться в городе мне небезопасно, – произнес бывший архонт.

Царевич кивнул и вышел из комнаты.

– Перед тем как уйду, – быстро проговорил Николай, упреждая мои вопросы, – хочу поблагодарить, что отыскал моего сына. Матфей мне все рассказал.

– Не спеши благодарить, – сказал я. – След Константина затерялся на поле близ Варны. Возможно...

– Нет, – качнул головой Николай. – Мой сын жив, и я уверен в этом. Надеюсь, Бог будет благосклонен и позволит мне еще хотя бы раз увидеть его.

Николай двинулся в сторону стены, за которой скрывался потайной ход.

– Да, и еще одно. – Архонт повернулся ко мне. – Будь осторожен, кто-то из местных вельмож или стражи информирует Феодора о каждом твоём шаге. Если царевич только пожелает, эти люди могут отложить перо и взять кинжал.

Произнеся эти слова, Николай скрылся за пурпурной занавесью, а еще через несколько секунд послышался тяжелый гул каменной плиты, запечатывающей потаенный коридор.

На следующий же день я приказал замуровать все известные мне проходы в стенах. Ибо куда лучше и безопаснее принимать тех посетителей, о которых докладывают заранее.

* * *

Мистру между тем продолжали сотрясать таинственные происшествия. То там, то здесь происходят поджоги, нападения на стражу, отравления колодцев и убийство домашнего скота. Только слепец не увязал бы все эти случаи воедино.

²⁰ Фибула – металлическая застежка для одежды.

Я бросил на поимку преступников всех, кого только мог, но результатов не было. С каждым днем население Мистры охватывала паника. Некоторые уже спешили покинуть город и укрыться в далекой Монеивасии, на юге Пелопоннеса.

Неизвестно, какие еще происшествия приключились бы в истязаемом смутой городе, если бы не одна встреча, которую никак невозможно назвать случайной.

* * *

Поздним вечером в моих покоях вновь появился Алексей. Я не удивился этому визиту, поскольку знал, что мой преданный помощник уже несколько недель не покидает дворец, самостоятельно подсчитывая и перепроверяя количество провианта, которое ежедневно оседает в дворцовых амбарах. Эта работа по своей важности едва ли могла сравниться с любой другой, ибо после недавнего поджога мы лишились практически всего зерна. Однако в этот раз я не заметил в его руках ни увесистых отчетных книг, ни свитков с разработанными указами и предложениями. Зато обратил внимание на его весьма растерянный вид.

– Что случилось? – оторвавшись от книг, спросил я, поскольку Алексей явно не знал, как начать разговор.

– Там к вам посетительница, – промолвил юноша, указывая на дверь за собой.

– В такой час? – удивился я. – Неужели ее дело не может подождать до утра?

Алексей не успел ответить. Дверь распахнулась, и на пороге появилась девушка в мужском камзоле и высоких сапогах, покрытых дорожной грязью. Слабые всполохи настольной лампы осветили правильные черты лица и черные волосы, выбивавшиеся из-под капюшона.

Из-за сгустившегося в комнате мрака и потрясения, вызванного столь внезапным визитом, я не сразу сумел распознать свою гостью. Однако то, что упустили глаза, точно подметил слух, ибо этот голос я не забыл бы и через века.

– Нам надо поговорить, Георгий, – произнесла Феофано, мягко отбрасывая капюшон и поправляя волосы. – Быть может, у тебя найдется минута для старой знакомой.

В горле моем пересохло, лоб покрыла испарина, а грудь сдавило невидимыми тисками. Чувствуя, что теряю равновесие, я медленно опустился на стул, не сводя глаз со своей гостью. Неправильность, нереалистичность происходящего сводила меня с ума, заставляла усомниться в здравости рассудка, воскрешала в памяти картины давно минувших лет. Когда я был одновременно и самым счастливым, и самым несчастным из смертных.

– Выйди, Алексей, – коротко приказал я, не спуская глаз с прекрасного видения, которое, как я уже начинал догадываться, видением вовсе не являлось.

Дверь закрылась, и мы остались наедине.

– Ты... – только и сумел произнести я. Однако этого оказалось достаточно. Столько великой радости, пронзительной печали, ноющей боли и страшного упрека было в одном этом слове, что Феофано невольно опустила глаза. Она не собиралась защищаться. По крайней мере теперь, она пришла не для этого.

– Я очень виновата перед тобой, Георгий, – произнесла она давно забытым голосом. Голосом, который я уже и не надеялся услышать. – Прости за боль, что причинила тебе...

– Простить? – резко поднялся я, чувствуя, как мир вокруг закрутился в бешеной пляске. – Я считал тебя мертвой. Все эти годы! И сейчас ты просишь о прощении?

Вопреки воле из глаз моих потекли слезы, и я замолчал, стараясь взять себя в руки.

– Ты не мог оставить свою семью, ты любил императора, ты служил своей стране, – воспользовавшись паузой, произнесла Феофано. – В твоей жизни не было места для меня.

– Но зачем? – прошептал я. – Господи, зачем ты так поступила? Чем оправдана такая жестокость?

– Я не хотела бы утомлять тебя этим рассказом, – ответила Феофано, приблизившись ко мне. Я вновь почувствовал аромат ее волос, мягкое прикосновение рук и теплое дыхание. Страсть вскружила мне голову, и я, позабыв обо всем, заключил девушку в крепкие объятия, а наши уста соединились в жарком поцелуе.

Горячее дыхание Феофано кружило мне голову, и дрожь волнами разливалась по всему моему телу. Снова, как и много лет назад, я чувствовал страсть и вожделение, способные затмить мой рассудок. А весь остальной мир вдруг исчез, растаял, потерял для меня всякое значение и казался теперь пустым и обреченным.

Когда же сознание вернулось, мы опустились на небольшой диван, который в последнее время служил мне кроватью, и долго сидели, любуясь друг другом и не произнося ни слова. Я гладил ее волосы и не отрываясь смотрел в пленительные темные глаза, которые не раз кружили мне голову в прошлом. Не устоял я и на этот раз.

– Расскажи мне все, – попросил я Феофано уже мягким, почти умоляющим голосом. – Почему ты не дала мне знать, что жива? Кто и зачем распустил слух о твоей смерти?

– Слишком много вопросов, – прошептала девушка, проводя рукой по моей щеке. – Неужели недостаточно и того, что мы снова вместе. Как тогда в Патрах. Помнишь?

Однако я не позволил сбить себя с толку, и хотя волнение от вновь обретенной любви по-прежнему трепетало в моей душе, разум страдал от недомолвок и тайн, которые плотной завесой окутали прошлое Феофано.

– Прошу, ответь, – негромко, но настойчиво повторил я. – Клянусь, что не стану осуждать тебя.

Феофано вдруг приподнялась, ее глаза осветились странным блеском.

– Не торопись обещать мне этого, Георгий, – произнесла она слегка изменившимся голосом. – Ты даже не представляешь, что пришлось мне пережить за это время. Какую цену заплатить, чтобы еще хотя бы раз увидеть тебя.

Загадочные слова Феофано пробуждали в моей душе тревогу и порождали лишь новые вопросы. Однако прежде чем я успел вымолвить хотя бы слово, она заговорила вновь.

– Ты, конечно, слышал о чуме, что разразилась сразу после твоего отъезда из Патр, – медленно проговорила она, не поднимая на меня глаз. – Эта болезнь унесла множество жизней, а вскоре заразилась и я. Никто уже не верил, что меня возможно исцелить, а местные лекари обходили наш дом стороной. Я смирилась со своей участью, однако отец с этим мириться не пожелал. Он разослал вестников во все концы полуострова, призывая лучших целителей и суля огромные деньги за мое спасение.

Феофано глядела в пустоту. Сейчас в ее памяти оживало прошлое, которое, судя по всему, ранило ее душу.

– Но деньги не потребовались, – продолжала она после слегка затянувшейся паузы. – Один лекарь, прибывший на зов отца, обещал вылечить мою болезнь, но при двух условиях.

– Что это за условия?

– Первое, – произнесла Феофано. – Я должна порвать со старым миром. С теми, кого я знала и любила...

Она посмотрела на меня, и голос ее заметно дрогнул.

– Второе, я должна была навсегда покинуть Патры и начать новую жизнь, вдали от родного дома.

– Неужели отец согласился на это? – не мог поверить я.

– У него не было иного выбора, – пожалала плечами Феофано. – Либо расстаться на неопределенный срок, либо потерять меня навсегда.

Воцарившееся молчание было еще более тягостным.

– Ты хочешь знать, что было дальше? – осведомилась девушка.

Мне уже не хотелось, однако, переборов себя, я все-таки кивнул.

– Около года я провела в далеких краях, о которых ничего не могу тебе рассказать, так как мне было запрещено покидать башню, в которой я заперта вместе со своей служанкой и тем самым лекарем, что взялся исцелить меня. Днями и ночами он готовил мне различные снадобья, от которых начинались видения, а потом бросало то в холод, то в жар. Он окуривал комнату благовониями и травами, после которых ко мне приходили зловещие сны. Все это повторялось снова и снова. Так прошел месяц, за ним другой. Я и не заметила, как болезнь отступила, однако мое затворничество на этом не закончилось.

Феофано взглянула на меня умоляющими глазами.

– На этом все, Георгий! – сказала она. – Не спрашивай меня больше ни о чем. Умоляю!

Я видел страдания и муки, затаившиеся в глубине ее глаз, и хотя любопытство все еще терзало мою душу, я постарался направить его несколько в другое русло.

– Но ведь ты вернулась, – обратился я к ней. – Что произошло? Почему именно сейчас?

Этого вопроса Феофано явно ожидала.

– Я вернулась за тобой! – прошептала она, и глаза девушки при этих словах засияли, словно жемчужины. – Уедем вместе?

– Уехать? – предложение показалось мне безумным. – Но куда?

– Куда угодно! – Феофано прильнула ко мне всем телом. Почувствовав ее тепло, мое сердце бешено заколотилось. – У меня есть деньги. Я очень богата, Георгий! Уедем туда, где уже никто не найдет нас! Ты ведь тоже хочешь этого, я знаю!

Горячие слова Феофано ввели меня в смятение. Я был растерян.

– Это невозможно, – ответил я. – Как же моя семья, как же долг, который я выполняю перед страной? Я давал клятву василевсу...

Девушка отпрянула. Ее лицо вдруг стало суровым и жестким.

Теперь я увидел, что перенесенные за эти годы страдания не прошли для Феофано бесследно, и хотя она не утратила своей красоты, что-то в ней навсегда переменялось.

– Ах, василевс, – вздохнула Феофано, гневно глядя куда-то в сторону. – Ты по-прежнему верен ему. Но что дает тебе эта верность? Вспомни, ведь это именно он разрушил наше хрупкое счастье. Это он приказал тебе уехать из Патр и оставить меня одну перед лицом смерти.

– В том, что случилось, нет его вины, – глухо ответил я.

Феофано резко поднялась.

– Я и не желаю искать виноватых! – воскликнула она. – Я лишь хочу вернуть то, что потеряла. Тебя, любимый!

Она вдруг упала на колени и взяла мою руку.

– Уедем, Георгий, прошу! Мы снова будем счастливы!

Вероятно, часть моей души была готова навсегда остаться рядом с ней. С моей Феофано. Однако непреклонный разум охладил чувства и заставил взять себя в руки.

– Сейчас не время говорить об этом, – проронил я, вглядываясь в темные очи возлюбленной. – Война раздирает мою страну, города обращаются в пепел, а лучшие из ромеев погибают за свою землю. Я тоже должен исполнить свой долг.

Девушка бессильно опустила голову на сложенные руки.

– Ты совсем не изменился, Георгий, – покачала головой она. – Напрасно я надеялась.

Вновь поднявшись, Феофано медленно подошла к окну и долго глядела в освещаемую луной синеву ночного города, что расстилался у подножия горы Тайгет.

– Ты полагаешь, что я все та же наивная девчонка, которая верит пустым обещаниям и ежедневно выходит на берег в надежде увидеть парус твоего корабля? Но годы не проходят бесследно, Георгий. Особенно если эти годы наполнены безумным страхом.

Последние слова она произнесла затухающим голосом, словно для самой себя. Затем воцарилось молчание. Из открытых створок окна в комнату проникала ночная прохлада, изда- лека доносился лай собак и редкие фразы карауливших внизу солдат.

– Я возродилась к жизни, Георгий, но душа моя пуста, – обернулась ко мне Феофано. – И никакими покаяниями не искупить вины за то, что мне приходилось совершать.

– Возрождение и покаяние... – тихо произнес я, и взгляд мой упал на бронзовый медальон, который все это время лежал на столе, поблескивая в неровном мерцании свечей. Внезапная догадка озарила меня, и я, пораженный своим открытием, растерянно посмотрел на Феофано. – Так это была ты!

Девушка тоже взглянула на медальон и печально улыбнулась.

– *«Множественно омой меня от беззакония моего и от греха моего очисти меня, ибо беззакония мои я сознаю и грех мой всегда предо мною»*²¹.

Она замолчала, а затем глубоко вздохнула и посмотрела на меня.

– Да, Георгий, – с вызовом произнесла Феофано. – Ты догадался верно. Псалом Давида написан словно обо мне, а лилии – древний символ перерождения.

Девушка сделала паузу, собираясь с силами, чтобы признаться в самом главном.

– Тот склад подожгла я, Георгий. И сделала еще очень много ужасных вещей.

Ее слова едва не лишили меня дара речи.

– Но зачем? – только и сумел выговорить я.

– Считаю, что это плата за мое исцеление, – отозвалась Феофана, проводя рукой над пламенем свечи. – Моя жизнь в обмен на жизни других людей. Но теперь мой долг закрыт, а я свободна, Георгий.

Произнося мое имя, она устремила на меня умоляющий взор, словно заклиная простить все ее прошлые грехи. Я же испытующе глядел на женщину, которую по-прежнему любил, но которая вдруг стала для меня такой чужой и далекой.

– Этот медальон предназначался мне? – холодно поинтересовался я. – Для чего ты оставила его?

– Чтобы вернуться, – ответила девушка. – Он мне дорог. Точно так же, как и ты.

Я поднялся, взял со стола медальон и протянул его Феофано.

– Уходи, – коротко приказал я.

Девушка вздрогнула от моего резкого голоса. Она явно ожидала чего-то иного.

– Георгий... – она сделала шаг ко мне, но я остановил ее жестом руки.

– Забирай медальон и уходи, – повторил я. – Мне нужно побыть одному.

На этот раз девушка повиновалась. Забрав медальон из моих рук, она отворила дверь и, бросив на меня прощальный взгляд, произнесла:

– Мы еще обязательно встретимся, Георгий. Я столько вытерпела ради нашей встречи и не отпущу тебя просто так.

Сказав это, Феофано скрылась в темноте коридора.

После этой встречи я еще долго не мог собраться с мыслями. Первые лучи уже окрасили стены моей комнаты в ярко-алый цвет, когда мне удалось, наконец, погрузиться в липкий и беспокойный сон.

* * *

На следующее утро я чувствовал себя вялым и разбитым. Бессонная ночь, странный ночной разговор и страшная правда – все это не позволяло мне в полной мере сосредоточиться на работе. Всюду меня преследовал облик Феофано. Словно наяву, я чувствовал запах ее волос, теплоту рук и сладость губ. Мне вновь захотелось увидеть, почувствовать ее рядом с собой, согласиться на любое ее условие. Но это было невозможно. Невозможно! По крайней мере именно так я вновь и вновь твердил себе.

²¹ Псалом 50. Ветхий Завет.

Вконец исстрадавшись и потеряв всякий покой, я устало опустился на кровать, надеясь забыться спасительным сном. Однако все было напрасно и только внезапный приход Алексея вырвал меня из трясины мрачных видений.

– Господин, к вам пришел один из офицеров дворцовой стражи. Он уверяет, что дело весьма срочное.

– Зови, – приказал я. Сейчас мне было все равно, кого принимать, лишь бы отвлечься от гнетущих мыслей.

На пороге появился Павел. К моему удивлению, на его лице играла ликующая улыбка, впрочем, я даже и не подозревал, что удивляться было еще рано.

– Мы напали на след банды предателей, которая в последнее время причиняла нам столько беспокойств. – Павел сделал многозначительную паузу, а затем добавил: – Не без вашей помощи.

Его вызывающие манеры разозлили меня.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил я, обуреваемый недобрыми предчувствиями. И эти предчувствия оправдались вполне.

В руке Павла появился знакомый медальон, и душу мою охватила тревога.

– Девушка, – голос офицера рассек воздух подобно стальному пруту, – которая вчера была у вас. Она ведь созналась в своих преступлениях. Почему вы не передали ее в руки страже?

Я изо всех сил старался сдерживаться и вместо жестких слов, которые так и просились на мой язык, почти спокойным голосом осведомился:

– Где она?

Павел понял, что я не собираюсь оправдываться перед ним за свой поступок.

– В дворцовой темнице, – зло усмехнувшись, произнес он. – Есть основания полагать, что она действовала не в одиночку. У нее наверняка есть сообщники и сторонники в городе.

– Что ж, если ты полагаешь, что она виновна, – сложив пальцы лодочкой, проговорил я. – То, наверное, собрал и необходимые доказательства.

Улыбка Павла стала еще омерзительнее.

– Доказательства будут. Она все расскажет. Даже если для этого придется применить крайние меры.

Мысль о том, что Феофано будут пытать, вызвала во мне лютый гнев.

– Ты заходишь слишком далеко, *таксиарх*²²! – выкрикнул я. – Я не допущу пыток!

Павел склонил голову в знак покорности.

– Как вам будет угодно, господин, – промолвил офицер все с той же отвратительной улыбкой. – Но есть и другие способы узнать правду. Поверьте, у моих людей в этом деле достаточно опыта.

Павел взглянул мне прямо в глаза.

– Так или иначе, справедливость восторжествует.

– Да будет так, – отозвался я. Мне уже стало ясно, кому на самом деле служит этот человек.

«Будь осторожен, кто-то из местных вельмож или стражи информирует Феодора о каждом твоём шаге», – предупреждал меня Николай Грайтца. Жаль, тогда я не внял его словам.

– Можно взглянуть на узницу? – спросил я, у офицера.

Павел скривил лицо, всем своим видом показывая, что не желает этой встречи. Но воспрепятствовать мне он не мог.

– Конечно, – поколебавшись, произнес воин. – Как пожелаете. Надеюсь, у вас нет дурных намерений...

²² Офицерская должность в византийской армии.

Я резко взглянул на Павла и тот замолчал, не докончив фразу.

Вместе с ним и еще несколькими стражниками, мы спустились в подземные казематы дворца. Наполнявшая воздух сырость отдавала гниением, а неприятный, цепкий холод пробирал до самых костей. Я почувствовал, как тело мое сотрясает мелкая дрожь, вызванная, впрочем, отнюдь не прохладой подземелья, а ожиданием предстоящей встречи.

Я боялся за Феофано, в ужасе представляя, каким издевательствам могли ее подвергать все эти часы. И если только мои опасения подтвердятся, я знал, что не смогу удержать себя в руках.

Следуя за своими провожатыми, я дошел примерно до середины плавно спускающегося вниз коридора. Здесь Павел остановился и приказал одному из гвардейцев отворить дверь. Зазвенели ключи, послышался ржавый скрежет и вскоре перед нами открылось утопающее в темноте пространство темницы.

Оставив своих людей снаружи, Павел вошел внутрь, указывая мне следовать за ним. Я переступил порог темницы, ожидая, увидеть здесь свою несчастную возлюбленную. Но когда свет факела осветил влажные стены каменного мешка, мой спутник вдруг застыл в недоумении, а я, быстро сообразив в чем дело, облегченно вздохнул.

Темница оказалась пуста.

– Твоя служба у меня окончена, – бросил я растерянному Павлу и двинулся прочь из этого мрачного места.

* * *

Прошла неделя.

Война уже бушевала на территорию Пелопоннеса и медленно приближалась к Мистре.

Константин Палеолог, собрав остатки своих войск, укрепился в Гексамиллионе – древнем укреплении, надежно защищавшим узкий Коринфский перешеек. Здесь к нему присоединился и его брат, Фома.

Вскоре после этого, утром 27 сентября, перед стеной появился султан со всем своим неисчислимым воинством. Уверенный в собственных силах, Мурад сразу же пошел на штурм. Завязалась жестокая битва, которая, однако, не принесла туркам успеха.

Воспользовавшись передышкой, Константин Палеолог отправил к султану гонца с предложением мира. Однако раздраженный неудачей Мурад не стал даже слушать посланника и потребовал от Константина немедленно сложить оружие и собственноручно разрушить стену. Предводитель ромеев не мог пойти на это и бой продолжился вновь. Впрочем, силы турок быстро истощились и Мураду пришлось отступить, чтобы дать своему войску время на передышку.

Спустя несколько дней османы получили свежие подкрепления, а также камнеметные машины и пушки. Тогда султан приказал атаковать Гексамиллион по всей его длине, не давая защитникам ни секунды отдыха.

Константин Палеолог и его командиры успешно отражали все атаки турецких аскеров, которые каждый раз отступали с большими потерями. Но и силы греков постепенно иссякали. Днем они сражались с султанскими ордами, а вечером восстанавливали разрушенные участки укреплений.

Через пять дней бесконечных обстрелов и непрерывных боев Мурад решил на последний штурм. Все силы турецкой армии бросились в образовавшиеся проломы. Греки встретили их стеной мечей и копий. Завязалось новое отчаянное сражение, в котором люди не жалели ни себя ни противника. Очень скоро земля пропиталась кровью, а горы трупов едва не достигали гребня стены.

Но тут случилось событие, решившее исход сражения, а вместе с ним – исход всей войны за Пелопоннес. На одном из участков группе янычар удалось вскарабкаться на стену и установить на ней знамена с золотым полумесяцем. Увидев это, турки усилили напор и вскоре Гексамиллион был взят. Это печальное событие произошло 10 декабря, на четырнадцатый день сражения, и навсегда перечеркнуло надежды Константина на восстановление былого величия Римской державы.

С божьей помощью мой господин и его брат сумели спастись, но многие их воины сложили свои головы на Коринфском перешейке. Отныне не было силы, способной сдерживать ярость турок и вскоре они хлынули в Морею, уничтожая все на своем пути. Деревни, луга и поля выжигались дотла, людей убивали или уводили в рабство. Завоеватели не знали пощады и, ослепленные злобой, не различали ни пола, ни возраста своих жертв.

Мурад рвался вперед, практически не встречая сопротивления, и я знал, что путь его лежит сюда, в Мистру, в самое сердце Морейского деспотата.

Надежды на спасение не было никакой. Султан твердо вознамерился стереть столицу мятежников с лица земли и уверенно шел к своей цели. Город могло спасти только чудо. И оно случилось.

Алексей Ласкарис и Иоанн Кантакузен – верные соратники Константина Палеолога нанесли неожиданный удар в тыл султанской армии и поспешили укрыться в городах на севере Пелопоннеса. Желая наказать греков за столь дерзкую выходку, Мурад разделил свое войско. Одну часть, под командованием своего верного полководца Турахан-бея, он направил на захват Мистры, другую возглавил сам и последовал за Ласкарисом и Кантакузеном.

Однако это была всего лишь уловка, призванная ослабить турецкое войско.

Алексей Ласкарис, увлекая султана все дальше на север, укрылся за стенами Патр. Город опустел и лишь четыре тысячи защитников готовились оборонять его стены. Осада обещала быть долгой, однако на выручку осажденным неожиданно пришел Николай Грайтца. Верный своему слову, он перерезал основные пути снабжения турецкой армии, заставив султана пойти на неподготовленный штурм. Тысячи османских воинов сложили свои головы под стенами Патр, но город устоял. В бешенстве султан приказал снять осаду и в отместку уничтожил все живое в окрестных селениях.

Путь Турахана на Мистру также превратился в сущий кошмар, когда против турок восстали местные крестьяне. Они бросали свои хижины, прятали или уничтожали припасы, уводили домашний скот, вооружались и сбивались в отряды. Поначалу это были небольшие, разрозненные группы, которые часто погибали в стычках со стремительной османской кавалерией и янычарами. Однако, со временем, они стали действовать слаженно и эффективно. Нашлись и способные командиры, готовые вести эти отряды в бой. Вскоре имена некоторых из них превратились в символы борьбы против завоевателей и я, не без удовлетворения, отметил про себя, что среди прочих, неизменно выделялось имя Рангави, который вселял жуткий страх в сердца турецких солдат. Он словно тень следовал за Тураханом, изматывая его войска постоянными набегами. Османский полководец сулил громадную награду за его голову, но бесполезно – Рангави был быстр и неуловим. Многим даже казалось, что Рангави – это не человек из плоти и крови, а злой дух здешних мест, ибо там, где проносился его отряд, обычно не оставалось никого, кто мог бы поведать об этой встрече.

В итоге, когда до Мистры оставалось не более двух дней пути, Турахан отдал приказ останавливать дальнейшее продвижение. Голодная и усталая армия турок все еще была в состоянии захватить столицу Мореи, но обратный путь, в таком случае мог стать для нее катастрофой. Тем более что Константин Палеолог, по слухам, собрал разрозненные остатки своего войска и двигался на помощь городу. Эти слухи были сильно преувеличены и, по чести сказать, я сам приложил руку к их распространению, но осторожный Турахан не решился проверять их правдивость и незамедлительно повернул обратно.

Так мой город был спасен, но что случилось с Мореей!

Выжженная и разоренная земля, разрушенные города, десятки тысяч убитых и уведенных в плен – вот какой грозный урок преподал султан непокорному царевичу Константину. Да, пусть его борьба с самого начала была обречена на провал, но никто не упрекнет моего господина в том, что он не отдавался ей до самого конца. К сожалению, история немилосердна к проигравшим, но, пройдет время и потомки, возможно, по-другому оценят наши деяния. Быть может, они сумеют понять причины, которые подтолкнули Константина Палеолога к такому тяжелому решению?

А еще мне хотелось верить, что однажды на этой земле появится человек, который поднимет наши упавшие знамена и воплотит в жизнь то, что для меня и моего поколения навсегда останется лишь мечтой... Мечтой о свободе.

Глава 10 По дорогам войны

Рангави

Cui dolet, meminit.
(Кто страдает, помнит.)

Цицерон

Отряд Рангави пробирался вдоль берега небольшой извилистой реки, стараясь создавать как можно меньше шума и избегать внимания вражеских патрулей. Пешие воины шли напрямик, через чащу, всадники же вели своих лошадей под уздцы, аккуратно ступая по неудобной каменистой почве.

Солнце садилось за горизонт, а значит, длинный дневной переход, так сильно измотавший греков, подходил к концу. С самого утра они шныряли по болотам, обходя турецкие посты, скрываясь от погони в горах и разыскивая нужную дорогу. Запасы воды и еды подходили к концу, а о привале и речи быть не могло. Уставшие воины недовольно бурчали себе под нос, но продолжали следовать за своим командиром. Рангави шел впереди всех, внимательно вглядываясь в сгущающуюся темноту. Разведчики докладывали, что где-то здесь остановился на ночлег крупный турецкий отряд с награбленным в греческих землях добром. Встретившиеся по дороге селяне рассказывали, что турки разместились в старом поместье латинского князя, которое уже не один десяток лет стояло заброшенным.

Отряд пересек реку и поднялся на холм, когда издали послышалось переливчатые звуки дудок и свирелей. Рангави сделал знак, и его отряд, разделившись не несколько групп, стал быстро обступать долину, в которой пировали ни о чем не подозревающие турки. Накрапывающий дождь и сильный ветер заглушали шаги, что позволило грекам подобраться практически вплотную к лагерю, отрезая туркам все пути к отступлению.

- Люди готовы, – шепнул Василий, старый и опытный воин с вечно угрюмым лицом.
- Начинайте, – кивнул Рангави. – Но не поднимайте лишнего шума.

Спустя несколько минут греки выбрались из своих укрытий и молча бросились в атаку. Не издавая ни единого звука, они преодолели наскоро возведенную ограду, перебили часовых и ворвались в лагерь. Отдыхающие за трапезой солдаты не сразу сумели понять, что происходит. По лагерю носились воины с булавами, мечами и вилами, сея смерть среди беспомощно озирающихся мусульман. Увидев спасение в бегстве, многие османцы бросились к воротам, но навстречу им вылетели всадники, пронзая беглецов копьями и обрушивая на их головы мечи и секиры.

Османские командиры, выбежавшие из дома, пытались созвать своих людей, но было уже слишком поздно – турки в ужасе метались по лагерю, помышляя лишь о спасении. Резня продолжалась еще около четверти часа и закончилась, лишь когда последний магометанин рухнул наземь с проломленной головой. Пленных не брали.

- Осмотрев тела убитых, греки забрали все, что могло пригодиться в пути.
- До рассвета было еще далеко, и отряд продолжил свой путь.

* * *

Уже много недель двигался Рангави по следам уходящей из Мореи султанской армии. Ночными вылазками и засадами, ужасом и лютой смертью платил он завоевателям за обращенную в пепел родную землю. Много турецких отрядов уже было уничтожено им, однако Рангави не желал останавливаться. Что-то тревожило его душу, заставляло спешить и со все новым остервенением рваться в бой, ведя за собой своих бесстрашных воинов.

Очень скоро его имя уже гремело по всему Пелопоннесу. Люди с разных концов страны собирались под его знамена, чтобы бить ненавистных захватчиков. Рангави принимал к себе всех без разбору, лишь расспрашивал новобранцев, откуда они родом, и о том, что делалось на их землях во время войны.

Примкнувших к нему добровольцев, Рангави разбивал на отряды, назначал им опытных командиров, обучал военному делу, и, если нужно, выдавал оружие. Каждый подчиненный ему офицер знал, куда следует вести своих людей и что делать. Особо Рангави следил за порядком в своей разношерстной армии, не допускал воровства и пьянства, а предателей неизменно карал смертью.

Жесткая дисциплина, недостаток провизии, бесконечные переходы под палящим солнцем и проливным дождем – такие условия мог вытерпеть далеко не каждый, однако дезертирства в отряде Рангави, практически не случалось. Воины верили в счастливую звезду своего командира, который еще ни разу не совершил ошибки и всегда приводил их к победе.

В середине зимы, когда войска султанской армии стали покидать Морею, Рангави устремился им вслед. Продвигаясь все дальше на север, он видел разоренную и безжизненную землю, на которой то здесь, то там, попадались остовы сгоревших домов или руины церквей. Отметины, которые оставила война в этих краях, заживут нескоро, а шрамы, вероятно, не исчезнут уже никогда.

Видел Рангави и развалины древнего Гексамиллиона, где не так давно под непрерывным огнем турецкой артиллерии сражался царевич Константин и его храбрые воины. Пушки сумели пробить в укреплениях огромные бреши, но султан приказал пленным христианам разобрать эту стену полностью, дабы впредь она не вставала на пути его армии. Несмотря на многодневный труд тысяч рабов, до конца эту задачу исполнить не удалось, и даже теперь, глядя на руины Гексамиллиона, можно было представить, насколько грандиозно было когда-то это сооружение.

Миновав Коринфский перешеек, Рангави узнал, что султан Мурад покинул свое войско и вместе с небольшой свитой повернул на Адрианополь.

– Этот Антихрист сам идет к нам в руки, – радовались греки. – Теперь-то мы сполна с ним рассчитаемся.

Однако Рангави не спешил. Разослав соглядатаев во все стороны, он со своим отрядом расположился в небольшом, покинутом местными жителями селении и стал дожидаться новостей.

* * *

На рассвете в лагерь ворвался всадник на взмыленной лошади. Не заметив часовых, он прыгнул на землю и бросился к колодцу. Омыв лицо из стоящего на срубе ведра, юноша вдруг поморщился и, аккуратно зачерпнув из него рукой, приложил к губам. Догадка оказалась верной – вода в колодце была испорчена. Незнакомец сплюнул и отошел в сторону, однако тут же его окружили люди Рангави.

– Эй ты, кто таков? – спросил один из воинов, нацеливая на пришельца острие своего копья.

– Я гонец из Фив, – ответил юноша, с любопытством поглядывая на диковинное вооружение ополченцев. – Спешу по срочному делу.

– Из Фив? – недоверчиво почесал лысину один из греков. – Почему нам это знать?..

– Что тут у нас? – послышался командирский голос.

Воины быстро расступились, пропуская Рангави вперед. Он приблизился к гонцу и окинул того взглядом. С исхудавшего, молодого лица на него смотрели знакомые, озорные глаза, непослушная прядь соломенных волос упала на вспотевший лоб, а потрескавшиеся губы юноши растянулись все в той же приветливой улыбке.

– Андрей? Ты ли это? – радостно воскликнул Рангави, крепко прижимая юношу к себе. – Какими судьбами здесь?

– И я рад тебя видеть, – отвечал гонец. – Но прежде чем допрос учинять, дай сперва горло промочить, а то второй день уже без продыху скачу и окромя дождевой воды ничего во рту не было!

Утолив жажду из принесенного ему черпака и вверив скакуна на попечение конюшего, Андрей рассказал, по какому делу и куда он спешит.

– Неделю назад турки подступили к Фивам и осадили город, – начал рассказывать парень. – В первый же день османы пошли на штурм, однако защитники устояли. Тогда турки подвели к стенам афинского князя.

– Нерио? – спросил Рангави, не веря собственным ушам.

– Да, теперь он служит туркам.

– Этот стервец всегда им служил, – хмуро заметил Василий, оттачивая лезвие своего фальшиона²³. – Надо было его тогда еще...

Рангави взглянул на своего товарища и тот сразу же замолчал.

– Князь обещал, что если жители добровольно откроют ворота турки никого не тронут, – продолжил рассказывать Андрей.

– Каков подлец! – воскликнул один из греков. – А что же фиванцы?

– Решили драться, – вскинул подбородок юноша. – Все до единого.

Рангави одобрительно качнул головой, хотя в душе его нарастала тревога.

– А как же тебе удалось выбраться?

– Очень просто. Наш архонт вызвал меня к себе и попросил как можно скорее доставить это письмо на Пелопоннес.

Андрей достал запечатанное послание и передал Рангави. Тот осмотрел письмо, но печать вскрывать не стал.

– Ночью, – продолжил рассказчик, – во время одной из наших вылазок мне удалось проскочить мимо турецких дозоров и улизнуть.

– А что в письме? – спросил Рангави.

– Просьба о помощи, что же еще, – пожал плечами Андрей. – Хоть народ бьется храбро, но припасы подходят к концу, да и сил у защитников день ото дня не прибавляется.

Рангави кивнул, как бы решая что-то про себя.

– Сколько отсюда до Фив? – спросил он.

– Два-три дня, если делать короткие остановки.

Рангави повернулся к своим людям.

– Объявляйте сбор. Мы выступаем немедленно!

²³ Фальшион – средневековое клинковое оружие с расширяющимся на конце односторонним лезвием.

* * *

Решение Рангави идти на помощь осажденным вызвало в отряде раскол. Солдаты, до сей поры верные своему предводителю, не хотели упускать возможность захватить в плен султана, который как раз был совсем неподалеку. В результате с Рангави к Фивам отправилось не более полусотни людей, остальные продолжили погоню за Мурадом.

Старый, вечно недовольный Василий, оставшись с Рангави наедине, проворчал:

– Не нравится мне твоя затея. Городу мы вряд ли сумеем помочь, а вот султана изловить можно попытаться.

– Мурад не настолько глуп, – отозвался Рангави. – Он наверняка предусмотрел то, что мы попробуем перехватить его по дороге в столицу. Надеюсь, что ошибаюсь, но если это так...

– Ты думаешь, это ловушка? – настороженно спросил Василий.

Рангави молча взглянул на своего помощника – в этом взгляде читался недвусмысленный ответ.

– И зная это, ты отпустил наших людей на смерть! – вскричал воин. – Почему?

– То, что я задумал, не менее опасно, – спокойно ответил Рангави. – Кроме того, мои слова ничего бы не изменили.

– Все это лишь отговорки. – Василий выругался от досады.

– Нет, – покачал головой Рангави. – Их жизни я ценю выше своей собственной и именно поэтому позволил им уйти. Так у них будет больше шансов вернуться домой...

Рангави не лгал. За его головой сейчас охотилась едва ли не половина османской армии, и он умело пользовался этим. Проносаясь по тылам вражеских войск, Рангави отвлекал на себя значительные силы неприятеля, а затем бесследно исчезал, скрываясь в дремучих лесах и труднопроходимых горных ущельях. Так ему уже удавалось несколько раз спасти войска греков от окружения и снять осаду с ряда крепостей. Если теперь у него получится совершить нечто подобное, тогда Фивы, возможно, сумеют продержаться до прихода помощи из Мореи, а его отряд, преследующий султана, не попадет в ловушку, хитро расставленную турками. Но для этого нужно совершить практически невозможное...

Впрочем, раньше Рангави это вполне удавалось.

* * *

Среди людей, хорошо знавших Рангави, не нашлось бы ни одного, кто хоть на секунду усомнился в положительных качествах этого доблестного человека. Умный и дальновидный стратег, харизматичный лидер, искусный воин, он не был способен на подлость и всегда честно исполнял свой долг. Рангави никогда не стремился к собственной выгоде и сейчас, когда он спешил на помощь жителям осажденного города, отказываясь от долгожданного поединка с султаном, любой бы сказал, что это делается это из благородных побуждений. Нельзя отрицать, что все было именно так, однако существовала и иная причина торопиться на выручку Фивам, о которой Рангави не говорил никому, да и себе боялся признаться в этом.

* * *

Той теплой летней ночью они увиделись в последний раз.

– Ты уезжаешь завтра? Так скоро? – спросила Анна дрожащим голосом. Она опустила глаза, не желая, чтобы он увидел ее слезы.

– Да, – ответил Рангави. – Мы уходим на рассвете.

– Но почему ты говоришь мне об этом только сейчас? – упрекнула она. – Ты же обещал, что задержишься в Фивах до осени!

– В наши земли скоро придет война и я не могу оставаться в стороне, – тихо промолвил он, обнимая девушку за плечи. – Ты должна понять...

– Я ничего не хочу понимать! – она ловко выскользнула из его объятий и отпрянула в сторону, скрестив руки на груди. – Я устала целыми днями ждать твоего возвращения и гадать, увижу ли тебя вновь. Устала жить в страхе за твою жизнь и за наше будущее.

Помолчав, Анна добавила с мольбой в голосе:

– Почему бы сейчас тебе не остаться со мной? Хотя бы раз, прошу, не покидай меня!

Рангави и хотел, и боялся услышать от нее подобную просьбу. Впервые его чувства и желания восстали против разума и долга. Он знал, что не может остаться с ней, однако внутренний голос твердил обратное. В конце концов, почему бы и нет? всю свою жизнь он верно служил своей стране и никогда не осмеливался просить чего-то для себя.

Неужели теперь он не может отбросить меч, завести семью, построить дом, наподобие того, в котором вырос – с небольшим садом из благоухающих цветов и оливковыми деревьями вдоль увитого плющом забора.

Ах, как маняще близка была эта мечта. И разве сам Рангави не желал ее? Разве сможет кто-нибудь осудить его за то, что он решил оставить свое беспокойное ремесло и вернуться к мирной жизни? Кто скажет, что он поступил неверно? Да и как можно понять теперь, что верно, а что нет? Наконец-то он встретил девушку, в которую без памяти влюбился и с которой желал прожить отмеренные ему годы. Так почему он снова должен уходить?

На секунду Рангави замешкался, едва не поддавшись соблазну, но затем это наваждение схлынуло, оставив лишь неприятный осадок на душе.

– Сейчас я должен идти, – вопреки желанию промолвил он. – Эта война рано или поздно закончится и тогда, я обещаю, у нас все будет по-другому.

Анна недоверчиво взглянула на него. Она хотела верить ему, но за последнее время он дарил ей столько несбыточных надежд.

– Что ж, я знаю, как это важно для тебя, – сдалась, наконец, она. – Иди туда, куда зовет тебя долг. Но чтобы ты иногда помнил обо мне...

Из кожаной сумочки, которая висела у нее на поясе, она извлекла небольшой платок из нежного шелка. На синем фоне, искусно вышитая серебряными нитями, сверкала семиконечная звезда.

– Это *eutychia*, звезда удачи. Всюду носи ее с собой, она будет освещать твой путь и хранить от зла.

Рангави принял платок и приложил его к губам. Затем взял Анну за руки:

– На моем небосклоне есть лишь одна звезда – это ты и ничто в этой жизни не сможет затмить ее свет.

Их губы встретились в нежном поцелуе, а затем они расстались. Уходя, Рангави чувствовал щемящую пустоту в своей душе, ему казалось, что он больше никогда ее не увидит. Но тьма быстро сгустилась вокруг, навсегда отрезая дорогу назад...

* * *

Примерно в дне пути от Фив Рангави получил дурные вести. К туркам подошли свежие подкрепления, и они решились на новый штурм. Встречные беженцы рассказывали, что сражение за город не прекращается ни на минуту, однако фиванцы не сдаются и все еще надеются на помощь.

К этому времени небольшой отряд Рангави сильно поредел. В турецких засадах и стычках с разбойничьими шайками гибли лучшие его командиры.

Василий был ранен стрелой в бедро и, потеряв много крови, едва держался в седле.

Несмотря на привычное ворчание друга, Рангави запретил тому продолжать путь. Однако пришлось приложить немало усилий, чтобы стащить старого вояку с коня. Василий чертыхался, махал кулаками и призывал всю преисподнюю в свидетели, что самолично надерет зад каждому, кто к нему прикоснется. Крепкий старик не бросал слов на ветер и Рангави с величайшим трудом удалось утихомирить своего разбушевавшегося друга.

Оставив обиженного Василия и других раненых в укрытой лесной чаще деревушке, отряд в три десятка всадников двинулся дальше.

Пришлось загнать не одну лошадь прежде, чем вдалеке показались окрестности Фив. Рангави хорошо помнил эти места, хотя война и изменила их до неузнаваемости. Чем ближе его отряд приближался к Фивам, тем больше попадалось на дороге разрушенных стоянок и сожженных домов. Ни единой души не встретилось им здесь, а когда Рангави увидел полуразрушенные остатки стены, когда-то опоясывавшей город и служившей ему надежной защитой, то понял, что опоздал.

Отряд двинулся к городу, внимательно оглядываясь по сторонам. Турки, похоже, ушли совсем недавно – следы их страшного пребывания здесь были еще свежи. Догорали обломки деревянных строений, раздавались стоны умирающих, лай собак да крики слетавшихся на поживу воронов.

Рангави с трудом узнавал оживленные прежде улицы, старую кипарисовую аллею, где он бегал еще ребенком и от которой теперь не осталось ничего кроме выжженного пустыря да пары обугленных пней. Видел он и обломки величественных прежде дворцов и храмов, которые были воздвигнуты древними греческими царями, властвовавшими здесь более пятнадцати веков назад. Лишь замок латинского князя, возвышающийся на холме, казался практически нетронутым, и только копать местами покрывала его белесые стены. Там, к своему удивлению и несказанной радости, Рангави обнаружил немногих уцелевших жителей города. Почти все они были изранены, а многие находились при смерти. Несколько изможденных женщин ходили меж рядами лежащих прямо на каменном полу страдальцев и пытались облегчить их муки, разнося свежую воду и обрабатывая раны. Чуть дальше, на каменных ступенях, ведущих во дворец, стоял старый священник, размахивая кадиллом, он нараспев читал молитвы, в то время как несколько монахов в серых рясах помогали ухаживать за ранеными.

В воздухе витал отвратительный запах гниения и смерти, было ясно, что многие из этих несчастных не доживут до рассвета. А там, за незримой чертой, этих людей уже ждут те, кого они так любили, и кто наверняка платил им ответной любовью.

Рангави, аккуратно ступал по каменным плитам, медленно пробираясь среди умирающих и еще борющихся за жизнь людей. Иногда он останавливался, вглядываясь в бледные лица, пытаясь найти знакомые ему черты, но затем шел дальше, движимый слабой надеждой все еще теплящейся в глубине души. Вдруг сквозь стоны и монотонное пение священника Рангави услышал слабый голос.

– Ран-гави! – донеслось до его уха.

Он обернулся – на полу, прислонившись спиной к одной из колонн, сидел коренастый человек. Его могучие руки бессильно лежали на полу, а голова была запрокинута назад. Все тело мужчины было покрыто страшными ранами, а из груди, казалось, был вырван целый кусок мяса.

Рангави медленно подошел к несчастному и опустился на колени. Только теперь он смог узнать его.

– Петр!

Мужчина смотрел на него из-под полуприкрытых век. Смерть уже оставила печать на лице кузнеца и Рангави знал, что дни его старого друга сочтены. Глубокая рана на груди начала гноиться, а цвет лица приобретал неестественный землистый оттенок. Любой другой

человек уже давно предстал бы перед Создателем, но Петр всегда был крепок и силен, а потому умирал долго и мучительно, всей своей сущностью сопротивляясь неизбежному.

– Моя д-дочь... – дрожащим голосом прохрипел умирающий кузнец. По его рыжей с проседью бороде заструилась струйка крови.

– Анна! – горло Рангави перехватило. – Где она?

– Турки...они увели ее с собой. Вместе... вместе с другими... – Петр скорчился от боли и сплюнул кровавый сгусток. – Я не смог уберечь ее... прости... прости меня Рангави...

– Не вини себя за это, Петр. Не ты, а я должен был защищать ее. Но меня не оказалось рядом.

Кузнец попытался что-то сказать, но из его груди вырвался лишь протяжный хрип. Рангави понял, что времени у него осталось мало.

– Я отыщу ее, – пообещал он, и слезы впервые в жизни заструились по его щекам. – Где бы она ни была и кто бы ни стоял на моем пути.

– Я верю тебе... – процедил сквозь зубы Петр. – Твой отец гордился бы тобой...

Кузнец вложил в эту фразу последние силы.

Внезапно по могучему телу коваля пробежала судорога. Дыхание участилось, а зрачки расширились, Рангави были знакомы эти симптомы – так начиналась агония. Спустя минуту все было кончено. Петр больше не подавал признаков жизни.

* * *

Едва схоронив старого друга, Рангави тут же отправился на поиски своей возлюбленной. Было очевидно, что турки, обремененные награбленным добром и пленниками, не смогут уйти далеко и потому, у него был шанс найти и отбить Анну до того, как с ней случится какая-нибудь беда.

Отчаяние и злость толкали его вперед и придавали силы, но одержимость, с которой он преследовал турок пугала даже его ближайших соратников. Вскоре Рангави остался один и он радовался этому одиночеству, так как вся его жизнь свелась сейчас к этой безумной погоне, поединку с самим собой и на этом пути ему не нужен был никто. Никто, кроме нее.

Несколько дней рыскал Рангави по лесам в поисках уходящих турецких отрядов. Уничтожал обозы, груженные тем, что было вывезено из разоренных городов, допрашивал освобожденных пленников. Вновь и вновь налетал на турецкие лагеря, производя страшный переполох, но все это не приносило никакой пользы.

Османская армия растекалась по балканским землям подобно широкой, неиссякаемой и бурной реке, которая, в свою очередь, порождала сотни других мелких речушек.

Невнимательному наблюдателю могло показаться, что все это огромное множество людей, лошадей и мулов передвигается в непредсказуемом и хаотичном порядке, между тем турецкое войско подчинялось строгой дисциплине и ни один отряд не позволял себе действовать так, как ему заблагорассудится. Все приказы исходили от самого султана и доводились до сведения всех офицеров, вплоть до десятников. Благодаря этому Мурад точно знал, где и с каким заданием находится та или иная орта, корпус или отряд.

Следствием такой блестящей организации стало то, что весть о действиях Рангави быстро распространилась по всему османскому войску и очень скоро за ним началась настоящая охота. Теперь добычей стал он сам. Однажды Рангави угодил в ловушку и едва не погиб, уходя от преследователей. Израненный, он сумел добраться до небольшого греческого поселения, где несколько дней пролежал без сознания под опекой местной знахарки. Когда же Рангави пришел в себя, то узнал, что турецкое войско ушло далеко на север, в земли Албании.

Продолжать преследование было бессмысленно.

Сложно передать, какие чувства испытал Рангави в тот момент, когда осознал, что навсегда потерял свою возлюбленную. Ту, что должна была стать новым смыслом его жизни, залечить раны прошлого и подарить тихое семейное счастье. В том, что эта несбыточная мечта никогда не осуществится, Рангави мог винить только себя самого.

Теперь он снова был одинок. Больше никто не ждал его возвращения, а свет любящих глаз померк для него навсегда...

Преследуемый мрачными мыслями и желая заглушить душевную боль, Рангави вернулся в разоренные Фивы. Здесь он вновь начал собирать вольные отряды, и многие удалыцы охотно становились под его черные знамена.

Пусть турки ушли, но работы у Рангави от этого не убавилось – разбойничьи банды заполнили всю округу, и местные жители, изнуренные войной, не могли самостоятельно справиться с этой новой напастью. Бандиты забирали все, что не успели увезти османы: еду, одежду, посуду, иконы и даже молоденьких девушек, которых можно было продать на невольничьих рынках. И с этой бедой Рангави сумел справиться. Очень скоро на дорогах было так же спокойно, как и до войны, однако ничто уже не могло вернуть покой его собственной душе.

С болью в сердце глядел Рангави на звезду, заботливо вышитую на синей шелковой ткани, с которой он теперь боялся расстаться, ведь эта была единственная нить, связывающая его с Анной. Единственное напоминание о тех прекрасных мгновениях, которые он не вернет уже никогда.

* * *

Наведя порядок на истерзанных землях Мореи, Рангави решил отправиться в Албанию. Туда, где в холодных горных ущельях все еще держал оборону против турок прославленный Георгий Скандербег.

Уверенный в успехе своей экспедиции, султан бросил против албанского князя много-тысячную румелийскую армию Шехабедин-паши, но это не принесло туркам успеха.

Рангави прибыл в Крую, в самый разгар войны и там вновь покрыл свое имя славой. Сам Георгий Скандербег, пораженный мужеством грека, не раз предлагал ему остаться в Албании и стать комендантом одной из его неприступных крепостей. Однако никакие уговоры не могли удержать, Рангави на месте и когда потрепанные войска Шехабедин вернулись в Адрианополь ни с чем, он распрощался с албанским лидером и отправился на юг.

Здесь, на обезлюдевшем после войны тракте его и перехватил Андрей.

– Рад видеть тебя вновь, – попытался улыбнуться ему Рангави. – Что привело тебя на этот раз?

– Вести из Мистры, – ответил Андрей, доставая из-за пазухи запечатанное письмо.

Сломав печать, Рангави пробежал глазами по листку. Андрей тем временем пристально следил за выражением его лица.

– Все ясно, – спокойно сказал Рангави, откладывая письмо в сторону и обращая свой взор к кипящему над огнем котелку.

– Как? – удивился Алексей. – Ты разве не понял, что там написано?

– Я же сказал, что все прекрасно понял, – с тем же безразличным видом отвечал Рангави.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.